

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

КРАСЕН ЧЕЛОВЕК УЧЕНЬЕМ

**Материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири
(конец XIX — начало XX вв.)**

Рекомендовано в качестве учебного пособия для студентов педвузов и учащихся средних педагогических учебных заведений Сибирской и Дальневосточной секцией Научно-методического совета по истории УМО общих проблем педобразования Министерства образования РФ

Ответственный редактор — доктор ист. наук, проф. В. А. Зверев

НОВОСИБИРСК — 1995

ББК 74.03 (2Р5)

К-78 **Красен человек ученьем:** Материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX — начало XX вв.) / Сост., предисл., примеч. К.Е. Зверевой, В.А. Зверева. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1995. — 116 с.

ISBN 5—85921—067—1

В книге помещены тексты источников по истории воспитания, физического развития и обучения детей в русских селениях: воспоминания, обзоры результатов этнографических наблюдений и донесений с мест в губернский статистический комитет, отчет чиновника о ревизии учебных заведений и др. Большинство материалов публикуется впервые. В конце учебного пособия даны вопросы и задания для самостоятельной работы студентов и учащихся, а также обширный библиографический указатель по теме.

На основе материалов можно организовать спецкурс исторического, краеведческого, этнологического или педагогического профиля для студентов университета, пединститута, педагогического училища (колледжа, лицея), педкласса в общеобразовательном среднем учебном заведении. Книга будет полезна также школьным учителям, организаторам воспитательной работы и всем, кто интересуется историей родного края и народными традициями.

Рецензенты:

кафедра социализации личности и психологии воспитания Новосибирского института повышения квалификации работников образования; кафедра отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета.

ISBN 5—85921—067—1

© Новосибирский государственный педагогический университет, 1995 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Красна птица перьем, а человек — ученьем	5
Часть первая. Народный опыт воспитания детей и юношества	12
М. В. Красноженова. Ребенок в крестьянском быту	12
Н. А. Костров. Первоначальное физическое воспитание детей в населении Томской губернии	18
А. М. Михалева. [До поздней ноченьки]	23
А. П. Кайгородова. [С нашим немалым участием]	26
В. К. Волосников. [Спасибо за отцовскую науку]	28
А. М. Лушникова. [На трудной земле]	30
А. В. Трифонова. [Мое беспокойное «хозяйство»]	32
И. К. Чувашева. Слава Богу за всё!	39
Сведения по борьбе с хулиганством	48
Часть вторая. Приобщение детей и подростков к грамоте	51
Ш-в. Сибирский странствующий учитель	51
Б. И. Сциборский. Отчет о состоянии сельских училищ в Тобольской и Томской губерниях	56
М. И. Пальмин. [Уроки в трактовом селе]	70
Ф. С. Глухих. [Из неведомого мира]	72
А. В. Трифонова. Как я стала учительницей	75
Ф. Д. Останин. [В начальной школе и учительской семинарии]	80
Статистические сведения	90
Примечания	94
Вопросы и задания для самостоятельной работы	98
Литература о воспроизводстве поколений и преемственности традиций в русских селениях (середина XIX — 1-я треть XX вв.)	104
1. Исторические, краеведческие, этнологические и историко-педагогические источники	104
2. Исследовательская литература	109

КРАСНА ПТИЦА ПЕРЬЕМ, А ЧЕЛОВЕК – УЧЕНЬЕМ

«Разве забудешь такое? Мне десять лет. Весна. За селом бороню деревянной бороной паровое поле. Под босыми ногами земля теплая, ласковая. Кажется, солнцем и хлебом пахнет она. Под вечер отец сказал:

— А ну-ка, Терёша, подержись за сабан, да возьмишь покрепче.

До той весны я косил траву, сгребал сено, помогал молотить хлеб, но все это было не то, что поручил отец: сейчас мне доверена главная крестьянская работа — пахота. Я прокладываю первую в своей жизни борозду! Счастьем полнится мое сердчишко. Это чувство счастья труда на хлебном поле всю жизнь со мной». Так вспоминал через много лет о начальной школе своей трудовой жизни в старом зауральском селе знаменитый полевод, почетный академик РАН Т. С. Мальцев¹. Ему вторил на склоне своей жизни бывший учитель и инженер-строитель Ф. Д. Останин, выросший среди переселенцев Кулунды: «Да, пашня! Вот настоящая трудовая и политехническая школа нашего крестьянского поколения, которой не было равных, нет и не будет»².

Сельская среда Сибири дала первоначальное воспитание и образование личностям, прославившимся в веке прошлом и нынешнем: просветителю и церковному иерарху И. Е. Вениаминову, ученым и общественным деятелям А. П. Щапову, Г. Н. Потанину, предпринимателю и благотворителю Н. М. Чукмалдину, лидеру антисталинского сопротивления М. Н. Рютину, писателям Г. Д. Гребенщикову, В. П. Астафьеву, В. Г. Распутину, космонавту Г. С. Титову, актерам М. А. Ульянову и В. С. Золотухину, историку и организатору науки А. П. Окладникову... Немало людей, не столь знаменитых, но не менее трудолюбивых, честных и добрых, как оставшихся трудиться на хлебной ниве, так и уехавших в города, тоже могли бы сказать о себе словами великого деятеля культуры В. М. Шукшина (уроженца с. Сростки на Алтае): «Я родом из деревни, крестьянин потомственный, традиционный»³.

В сущности, правда, что «все люди родом из деревни». Факт биографии большинства современных россиян: если не сами они, то второе-четвертое поколения их предков — сельские жители, преимущественно крестьяне и казаки. Еще в начале XX столетия в городах проживала всего 1/10 часть сибиряков.

Впрочем, дело не только в демографических соотношениях или генеалогической преемственности. Главное — «из деревни вышла» народная общественная (этническая,

¹ Мальцев Т. С. Раздумья о земле, о хлебе. М., 1985. С. 9.

² Институт истории Сибирского отделения Российской Академии наук, сектор истории культуры, коллекция воспоминаний, п. 118, л. 19—20.

³ Шукшин В. М. Нравственность есть Правда. М., 1979. С. 230.

конфессиональная, сельскохозяйственная и иная), а во многих случаях — и индивидуальная культура. То, без чего, собственно, человек не есть человек. Будучи крестьянской по происхождению, традиционная народная культура тысячью нитей пронизывает массовую культуру современности — «рациональную» культуру, утвердившуюся в цивилизованном мире сравнительно недавно. Народные корни имеет и нынешняя профессиональная культура интеллигенции, хотя это не всегда осознается последней.

В России катастрофические события последнего столетия мало способствовали культурному созиданию. И все же... Частично ушедшая в прошлое естественным путем (мир все время меняется), частично насильственно разрушенная в ходе тотальной «борьбы с пережитками патриархальщины», русская народная культура во многих своих проявлениях, видоизменяясь, все же живет и исполняет предписанную историей роль. А воспоминания об ушедшем, исследовательское проникновение в протекающие глубины не только подвигали наших предшественников, но и вдохновляют наших современников на сотворение новых культурных ценностей и институтов.

Все сказанное относится к самым различным культурным сферам, в том числе и к народной педагогике. Нам кажется знаменательным, что одним из первых в отечественной науке во всей полноте задачу изучения народных идеалов, путей и средств воспитания и обучения, саморазвития подрастающих поколений сформулировал в 20-х годах текущего столетия именно Г. С. Виноградов — выходец из крестьянского рода, крупный сибирский этнограф⁴. Замечательно также, что в своих трудах Виноградов дал пример рассмотрения народной педагогики в контексте и физического, и социокультурного становления личности. Настойчивая мысль ученого о необходимости изучать передаваемую из поколения в поколение народную культуру в ее местных вариантах, в том числе детскую субкультуру, без чего профессиональная педагогика нежизнеспособна, причем изучать с привлечением самих детей и молодежи на специальных занятиях по краеведению, — эта мысль до сих пор по существу не реализована в массовой средней и высшей школе. Правда, актуальность и плодотворность такой работы в последнее время осознается педагогической и научной общественностью, по-видимому, все более четко.

Лежащая перед вами книга как раз предназначена, в первую очередь, студентам педагогических высших и средних специальных учебных заведений, их преподавателям, совместно изучающим народный педагогический опыт — опыт физического развития и социализации подрастающих поколений, накопленный в дооктябрьский период в русской деревенской среде Сибири. Здесь собраны тексты многих письменных первоисточников по

⁴ См.: Виноградов Г. С. Народная педагогика // Сиб. живая старина. Иркутск, 1926. Вып. 1(5). С. 1—28; Он же. Этнография и современность // Этногр. обозрение. 1993. № 1. С. 129—140.

теме, вопросы и задания для самостоятельной работы с этими текстами и прочими публикациями. Дан также список научной литературы и ранее опубликованных источников, изучение которых поможет углубить представления, сформированные «в первом приближении» настоящим изданием, а также поставить и решить немало новых исследовательских задач. Список достаточно подробен и обширен, но не претендует на полноту. Источники и исследовательская литература разделены в нем в некоторых случаях весьма условно по доминирующей функции текста.

Отбирая публикуемые и рекомендуемые тексты, составители исходили из своего авторского представления о феномене демографического и социализирующего («педагогического») поведения сельчан как части их образа жизни и предмете междисциплинарного научного изучения⁵. В качестве субъектов «педагогического» поведения здесь предстают отдельные личности, прежде всего из числа крестьян и сельских «интеллигентов», малые социальные группы (семья, домохозяйство, сельская и волостная общины, сообщества ровесников, соседей, родственников), большие социальные группы (территориальные, конфессиональные, этносоциальные, сословные, классовые и иные), сельское население региона в целом. Предполагается, что народно-педагогическая практика включает в себя, во-первых, действия представителей старших поколений по физическому сохранению и развитию, воспитанию и образованию младших — по передаче им культурного наследия. Во-вторых, учтено, что дети и молодежь выступают не только как объект, но и как субъект педагогических отношений. Их собственные усилия по физиологическому, эмоциональному, интеллектуальному «врастанию» в жизнь взрослых — унаследованию социокультурных накоплений предшествующего периода, по освоению новой и меняющейся ситуации — играют решающую роль.

Мы имеем также в виду следующее: внешние природно-географические, общественные, культурно-информационные условия задают определенные рамки, но субъективное (индивидуальное и общественное сознание, социальная психология) всегда относительно автономно от объективных факторов. Человеческая ментальность — мировосприятие и миропонимание — отражается в культуре жизни (программных и выбираемых средствах поведения), которая, в свою очередь, реализуется в системе реальных поступков — в образе жизни. Так сами люди воспроизводят физические, психические и социокультурные характеристики своего общества, неизбежно видоизменяя их от поколения к поколению.

Публикуемые материалы относятся в основном к периоду с 1881 по 1917 г. Это было

⁵ Подробнее см.: *Зверев В. А.* Дети — отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861—1917 гг.). Новосибирск, 1993; *Зверева К. Е., Зверев В. А.* Вклад русского крестьянства в развитие образовательного потенциала Сибири // *Культурный потенциал Сибири в досоветский период.* Новосибирск, 1992. С. 85—104.

время, когда в России клонилась к закату эпоха господства традиционной культуры и традиционного образа жизни, долгое время заимствовавшихся из поколения в поколение по принципу: «Наши отцы, деды и прадеды делали все так же, как мы делаем, и изжили века еще лучше нас... Что же мы будем выдумывать и грешить?»⁶. Развитие рыночных (капиталистических) отношений, интенсификация общения с представителями иных субкультур (с переселенцами из различных местностей, сельской интеллигенцией, городскими жителями и т. д.), распространение грамотности и чтения, прочие факторы обусловили как углубление социальной дифференциации, так и начало исторической модернизации культуры и образа жизни, в том числе социализирующего поведения сельчан. В настоящее издание включены тексты, свидетельствующие об этих процессах.

В целом, ни традиционную систему физического и социокультурного воспроизводства населения, ни тем более переходные к современной («рациональной») системе формы «педагогического» поведения сельского населения, результаты воспитательных и образовательных усилий людей в конце XIX — начале XX веков не следует идеализировать. Традиционная система в эпоху своего расцвета была весьма эффективной, но в изучаемое время она часто консервировала образцы поведения, уже не продуктивные в новых условиях, и потому вызывала неприятие у части молодежи, стремившейся жить не по дедовским заветам, а «по своему разумению». К тому же начавшаяся смена одного господствующего типа культуры и образа жизни другим не могла не сопровождаться элементами дезорганизации, углубленными к тому же тем, что некоторые надуманные инновации навязывались сельскому сообществу извне и вызывали протест, а иные, необходимые и полезные, не могли развернуться в условиях административно-правового произвола, материальной нужды, ограниченности доступа к достижениям профессиональной культуры. Отсюда, в частности, сбои в деле воспитания и образования детей, приводившие к распространению антисоциального поведения молодежи — пьянству, хулиганству и т. п.

Среди инноваций, уже глубоко укоренившихся в сибирских селениях, наиболее заметное место занимало обучение детей грамоте не только в семейных условиях и самодеятельных «домовых» школах, но также в официальных училищах разного типа и различной ведомственной принадлежности. Настоящая книга включает в себя специальный раздел с источниками, характеризующими эту, наиболее перспективную тогда, форму образования. Ей посвящена и значительная доля рекомендуемой литературы.

Основную часть публикуемых материалов составили воспоминания самих сельских жителей. Некоторые из них были записаны в 1980-х годах студентами-заочниками

⁶ Несколько слов об экономическом положении восточносибирских земледельцев // Сибирь (Иркутск). 1882. 22 августа.

исторического факультета Новосибирского пединститута от своих пожилых родственников и знакомых. Собранные воедино в коллекции материалов по истории Сибири при кафедре отечественной истории НГПУ, эти интереснейшие тексты и натолкнули нас на мысль об издании настоящей хрестоматии. Воспоминания дают индивидуализированную, насыщенную яркими фактами, субъективно окрашенную картину деревенского детства. В этом их и сила, и слабость как исторического источника. В настоящем издании мемуары дополнены «объективным взглядом со стороны» — источниками, своим происхождением обязанными деятельности профессиональных этнографов, статистиков, учителей и врачей, государственных чиновников и поэтому несущими более обобщенную информацию, в том числе количественную.

Составители хотели бы обратить внимание читателей еще и на такую особенность данной книги. Рекомендуемая для самостоятельного изучения исследовательская литература и опубликованные ранее источники по заложенному в них информационному потенциалу гораздо шире публикуемых здесь текстов. На их основе можно сформулировать для изучения немало новых для науки тем и проблем. Некоторые из них могут лежать в русле методологического, историографического, источниковедческого подходов, другие — соответствовать собственно историческому, историко-краеведческому, историко-этнологическому или историко-педагогическому профилям. Однако следует иметь в виду, что современная антропологически ориентированная история развивается на стыке разных научных дисциплин и, вбирая в себя их достижения, стремится рассматривать жизнь людей как некоторую целостность. Проблемы, поднимаемые при изучении народного педагогического опыта, тоже имеют мощный интегративный потенциал.

Источники и литература, рекомендуемые для дополнительного изучения, отражают в основных чертах современное теоретическое состояние отечественной этнопедагогики, но главным образом — конкретное состояние и развитие русской народной педагогической практики во временных границах середины XIX — первой трети XX вв., то есть в несколько более обширных пределах, чем публикуемые оригинальные материалы. Хотелось создать не только проблемный, но и хронологический контекст изучаемой исторической реальности, дать возможность проследивать ее эволюцию между этапными событиями крестьянской реформы 1861 г. и сплошной коллективизации сельского хозяйства в 1929—1932 гг.

Территориальные границы, охватываемые всей совокупностью рекомендуемых текстов, — Сибирь без Дальнего Востока. Причем наиболее подробно обеспечена территория дореволюционной Томской губернии — самой многолюдной и занимавшей центральное положение в регионе. Указаны также основные публикации общероссийского и общерусского масштаба, дающие возможность в ходе сравнения увидеть общие и особенные

(региональные, местные) черты русской народной педагогики и системы народного образования. Формируя книгу материалов по русскому этносу, мы имели в виду, что этнопедагогика ряда коренных народов Сибири нашла отражение в серии солидных публикаций последнего времени⁷. Это не значит, конечно, что она достаточно хорошо изучена. Требуются сравнительные кросскультурные исследования, где не последнее место может занять сопоставление с русской этнопедагогикой.

В заключение отметим, что при публикации материалов составители руководствовались правилами издания исторических документов, принятыми в нашей стране⁸ (при некотором их упрощении). Тексты воспоминаний, хранящиеся в НГПУ, подверглись минимальному редактированию, в основном стилистическому. В остальных мемуарах, а также в этнографическом очерке М. В. Красноженовой, в статьях Н. А. Кострова и Ш-ва, в отчете Б. И. Сциборского исправлены явные опiski и опечатки, местами введены или опущены абзацы, некоторые очень длинные предложения разбиты на несколько более простых. Заголовки к ряду текстов ввиду их отсутствия у авторов придуманы составителями и поэтому поставлены в квадратные скобки. Во всех текстах досоветского периода орфография и синтаксис в основном приведены к современному виду. Другие особенности публикаций оговорены в «Примечаниях».

...«Красна птица перьем, а человек — ученьем», — говорили наши предки, русские крестьяне. Ученьем они называли при этом и воспитание, и образование молодых людей, т. е. весь неразделимый в реальности, многогранный процесс приобщения подрастающего поколения к культурным и нравственным ценностям, социальным нормам человеческого сообщества. Нам представляется, что сейчас, на рубеже XX и XXI веков, когда в общественной психологии утвердилось опасное для «экологии детства» сочетание по сути антигуманных тенденций к сверхрационализации и сверхиндивидуализации⁹, «учение» молодежи должно обязательно включать в себя знакомство с традиционной культурой родного народа и родимого края, приобщение к ее лучшим достижениям. От прошлого — к будущему, от старших — к младшим. Это движение вечно, как само человечество, и «красный» (красивый душою) человек — это обязательно личность, осознающая свое незаменимое и уникальное место в бесконечной цепочке поколений.

К. Е. Зверева, В. А. Зверев.

⁷ См., напр.: *Афанасьев В. Ф.* Этнопедагогика нерусских народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1979; *Малыгина А. А.* Мир детства у народов Сибири // *Экология этнических культур Сибири* накануне XXI в. СПб., 1995. С. 198—221; *Басаева К. Д.* Семья и брак у бурят (2-я половина XIX — начало XX вв.). Новосибирск, 1980. С. 59—108; *Традиционное воспитание детей у народов Сибири:* Сб. статей. Л., 1988.

⁸ См.: *Правила издания исторических документов в СССР.* 2-е изд., перераб. и доп. М., 1990.

⁹ См.: *Савицкая Т.* Ребенок в культуре XX в. // *Знание — сила.* 1995. № 4. С. 109—114.

Часть первая

НАРОДНЫЙ ОПЫТ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

М. В. КРАСНОЖЕНОВА. РЕБЕНОК В КРЕСТЬЯНСКОМ БЫТУ¹⁰

<...> И мои личные наблюдения, и подслушанные беседы, преимущественно среди женщин, и ответы на прямо поставленные ... вопросы убедили меня, что дети для крестьянской семьи являются желательными. Семья без детей не считается полной семьей, и к бездетным супругам все окружающие относятся с искренним сожалением, говоря: «Ведь вот имя не дает Бох ребят — что поделашь? А уж без ребят чо? — сама знашь».

Наиболее желанными в крестьянстве являются мальчики как будущие работники для семьи, замена отца в старости. На дочерей смотрят как на временного члена семьи: «Чо девка, сколь ни пой, ни корми, а из семьи уйдет, — одно слово, отрезанный ломоть». Конечно, надо добавить, что таково отношение к полу будущего ребенка всей семьи, но сама мать ничего не имеет против девочки, так как до выхода замуж дочь будет ей помощницей «по домашности».

Забота о будущем поколении сказывается в семье уже тогда, когда еще только намечают парня женить: при выборе невесты толкуют о том, чтобы невеста была «из хорошей семьи, из доброва роду», надеясь, что и «ребята хороши, добры будут от доброй-то матери». <...>

Наблюдение за детьми

<...> «Догляд» за ребятами плохой; когда они подрастут, начинают ползать или ходить — то пользуются полной свободой передвижения. Особенно плохо дело обстоит в бедных семьях, где «одинок» хозяйство, т. е. одна женщина на семью, на всю работу и по домашности, и в уходе за скотом и т. п. Поэтому в деревнях «с ребятами случается много несчастий». Когда на эту тему начинается разговор, то «несчастны случаи» сыплются без конца. <...>

Деревня по-своему тоже старается ребят воспитывать. Крестьяне говорят: «Вырастить хорошава человека трудно, надо ему с детства указывать, как следует поступать». В старину при воспитании детей прибегали больше к суровым мерам физического воспитания и наказания, поэтому и пословица была: «Учи дитё, когда оно поперек лавки лежит, а как

¹⁰ Автор — известный этнограф и фольклорист 1-й половины XX в. Окончив Красноярскую женскую гимназию, учительствовала в ней до 1920 г., одновременно и позже вела исследовательскую работу. Печатается впервые в отрывках по подлинному машинописному тексту незавершенного труда. Написано не ранее 1930 г. на основе материалов, собранных автором в 1909—1929 гг. во время экспедиций в селения Приенисейского края (главным образом, в Красноярский и Канский округа-

вдоль ляжет, поздно будет». Также давали ребятам наставленья: «Не слушай, где собаки лают, а слушай, где люди добры речи говорят»; «Спи по ночам, расти по часам, давай матери дело делать». Конечно, и сейчас многие еще придерживаются старинных методов воспитания, иногда забывая и запугивая ребят до крайности, но все же в настоящее время отношение к детям значительно мягче и заботливее, больше ласки и внимания видят ребята со стороны старших. Возвращаясь из города, с базара, привозят ребятам гостинцы — пряники, конфеты, игрушки. В деревне, если старшие идут в лавку, то ребяташки тащатся следом за ними, и старшие, сделав необходимые покупки, обязательно берут по числу ребят конфет или пряников. К сожалению, это мягкое отношение к ребенку часто переходит в баловство детей — выполняют их малейшие требования, не действуют на них ни угрозами, ни убеждениями, и дети растут капризными, недисциплинированными, и в некоторых семьях обратились в маленьких тиранов, пред которыми пасуют старшие.

Особенно балуют дедушки внуков, бабушки — внучек, в то же время мужчины забавляются над маленькими детьми тем, что учат их «выражатца», т. е. учат их говорить самые грязные бранные слова, учат ... пить вино с люльки, учат курить и т. д. [То], как на всю эту науку реагирует ребенок, мужчин очень забавляет, а у ребенка создаются грубые привычки. Протест женщин против подобных опытов не ведет ни к чему.

Еще нужно отметить дурную черту крестьян по отношению детям — это то, что они пугают ребят еще в люльке «букой», «бабаем», «батюшкой», «медведем» и т. п., что более нервных детей делает боязливими, они боятся оставаться одни, боятся темноты и т. д. <...>

Игры и развлечения детей

Закончив описание того периода детства крестьянского ребенка, когда он был пассивным в руках окружающих его, когда его мыли, одевали, кормили, усыпляли и лечили, я перехожу к моменту его первых шагов самостоятельности, когда начинается пора изучения окружающего его мира и личное творчество. Дитя во всякой среде и во всякой обстановке очень наблюдательно: ничто не укрывается ни от его глаз, ни от его слуха, очень быстро обогащается его лексикон, к сожалению, часто произношением грубых и бранных слов, которые улавливает ухо. Он перенимает манеру взрослых обращаться друг с другом и сам начинает так же обращаться с ними.

Постепенно с ростом ребенок входит в детали домоводства и хозяйства и начинает в своей личной жизни претворять их в построении своих игр и забав, которые изумительно полно воспроизводят жизнь взрослых.

Как примеры, иллюстрирующие это положение, можно указать ряд случаев, как из

уезды).

прошлого, так и настоящего. Так, лет 30—35 тому назад, когда работал Сибирский тракт, дети притрактowych селений играли в «постоялый двор», в «обозы», в «лавочку» и т. п. Так, М. И. Пальмин в своем докладе, [прочитанном] в кружке «Старый Красноярск», описал забаву своего детства со сверстниками в с. Березовка, где они играли в «обозы», употребляя вместо лошадей бабки, телеги делая из катушек с прутиками, изображая жизнь обоза в пути со всеми деталями. В 1925 г. мне пришлось получить еще одно указание на игру в «постоялый двор» в с. Торгашино, в разговоре с Леной Л., 11 лет, когда та, перечисляя известные ей игры, упомянула и «постоялый двор». Выяснилось, что «раньше-то все дети играли, так мама сказывала, теперь-то перестают».

Записать эту исчезающую игру с ее слов не было возможности, так как «это можно, когда играют», потому что эта игра требует от всех участников импровизации. Хозяин, хозяйка, работник — персонажи «постоялого двора», приказчик обоза, ямщик и т. п. — все они во время игры действуют вполне реально, но каждый раз по-новому, вводятся или опускаются те или иные детали. Каждый участник творит разговоры, сцены и действия, воспроизводя картину жизни постоялого двора во время остановки обоза.

Так как дети притрактowych сел в то время слышали много рассказов о разбойниках, грабеже обозов, бродягах и т. п., то они в возрасте 5—8 лет играли еще в «разбойников» и «варнаков».

В 1928 и 1929 гг. часть лета я проводила в Семиверстке, так раза два-три видела промчавшихся мимо меня малышей с колокольцами на шее, запряженных парой с ямщиком и седоками, — это играли в «бланку»¹¹. <...> Во время покосной полосы 1929 г., когда по всей деревне шли приготовления к покосу и отъезд целыми партиями, мне пришлось натолкнуться на группу ребят, которые играли «сборы на покос». Здесь были дощечки, изображавшие телеги, запряженные лошадьми, на них укладывали необходимые утварь и припасы. «Мужики» требовали у «баб» то или другое. «Бабы» в свою очередь заявляли свои требования. Все суетились, укладывали, завязывали и толковали между собой о сроках, на которые едут на покос... Позднее я слышала, что ребята играли и в самый покос, и в другие страдные работы.

Кроме указанных игр, отражающих трудовой быт, ребята воспроизводят в своих развлечениях и явления общественной жизни. Например, во время войн ребята играют в «войну», после гражданской войны играли в «красных и белых», приходилось слышать, что в партизанских районах играли в «партизан». <...>

Также отражают ребята и семейный уклад, играя в «свадьбу», в семейные ссоры и т. п.

¹¹ *Бланка* — подорожная, документ, дающий проезжающему по тракту право на получение почтовых лошадей.

Мне удалось получить от одной крестьянской девушки запись ссоры двух подруг — играли, играли и поссорились. Их диалог — повторение того, что они слышали от больших. <...>

Всем известна игра в «клетку», которая изображает дом со всеми обитателями и всей обстановкой. Играющие девочки (большей частью без мальчиков) в этой клетке заставляют [якобы] своих внуков проделывать всё, что требуется хозяйственным домашним укладом: [они] прибирают помещение, взбивают перины и подушки, покрывают кровати и всё укладывают так, как видят у взрослых. Шьют платья своим куклам, идут кормить скот, который условно изображают камни, черепки и т. п. предметы, доят коров — трут кирпич о кирпич, и получающийся при этом песок изображает молоко, ходят в гости из клетки в клетку, где ведут разговоры о всех хозяйственных заботах, занимаются сплетнями про воображаемых соседей и т. д. Все это делается и говорится от имени кукол.

16.VIII.1929 г. в д. Заледеевой мне пришлось видеть такую игру в «клетку» у нянек в возрасте 8—10 лет. Лошадей, коров, овец заменяли «простеньки» шишки камыша. Эти же «простеньки» изображали убитых гусей и уток, их теребят и полученным пухом набивают кукольные подушки и перины (иногда набивают перины опилками). Кукол шьют сами, иногда покупают в лавке головку, а туловище и костюм шьют из лоскутьев, в фасонах подражая существующей городской моде.

Кроме указанных игр, дети играют и в обычные распространенные игры — крыночки, хороводы, кошки-мышки, прятки и т. п. Мальчики любят играть в мяч и клюшки, зимой катаются все на санках и самодельных коньках, летом ходят в лес по цветы, ягоды и осенью по грибы. <...>

Дети-работники

Пора беззаботного детства у крестьянских детей очень коротка, особенно в семьях бедняков, где в силу нужды рано приходится возлагать на ребят целый ряд обязанностей и работ. Так, в бедных семьях 5—6-летние ребята уже «няньки», т. е. они должны заботиться о маленьких братьях и сестрах, забавлять их, кормить и охранять от разных опасностей. Но это, конечно как исключение, а как правило — «нянька» 7—8 лет повсюду и при всяких материальных условиях. Если в семье нет маленьких детей, а есть нужда, то такие семьи отдают 7—8-летних девочек в чужие семьи, чтобы зарабатывали «на себя». Такой няньке в прежнее время платили по 1 руб. в месяц и что «вырядят из одёжи». Теперь плата от 2—3 руб. в месяц и тоже ряженое». <...>

Нужно, конечно, добавить, что поступившая «нянькой», кроме водни с ребятами, должна будет вообще все делать по хозяйству, что надо в крестьянстве. Даже в домашней обстановке родной семьи на ребят с 6—7 лет возлагается большая часть домашней работы:

куриц и цыплят кормить, воды им ставить, уток и гусей рано утром угонять к реке или к пруду, а вечеров пригонять во двор, носить с речки или из колодца воды домой, дрова для печек и т. п.

Чтобы выяснить, какие работы лежат на детях в крестьянстве, я попросила своих маленьких помощниц в с. Батой 8—11 лет написать, что они делают дома. Получила ряд записок, из которые извлекаю такой материал.

Весной. Девочки помогают садить в огородах: «Лунки делала, лунки затаскивала, садила огурцы, поливала, боронила в огороде, гряды делала, капусту садила, поливала капусту, свеклу садила, горох, брюкву, луковицы, чеснок, табак садила, поливала. Полола на пашне, боронила, когда хлеб сеяли, и пары боронила, борозды проскребала и т. д.»

Мальчики: «Миша боронил в огороде и на пашне», «Вася пахал, боронил», «мальчики ездят на дровосек».

Летом. «Летом девочки много работают, у них много работы и заботы: первым делом, когда встают — идут давать курам, гусям и индюшкам, уткам корму. Когда родители поедят, девочки убирают со стола, принесут с речки воды, моют в избах, поливают в огородах, ставят самовар» и т. п.

Во время страды работы прибавляется: хлеб полют, картофель полют.

Осенью. Когда главная забота — убрать хлеб, выкопать картошку, снять в огородах овощи, на ребят выпадает большая доля труда: снимают капусту, вытаскивают морковь, свеклу, брюкву и другие овощи. Все это потом уносится во двор для спуска в «яму» (погреб), в которой у сибирских крестьян хранятся овощи всю зиму. Потом копают на пашне картофель и увозят домой. Носят воду для дома и на пойло скоту, делают все домашние работы.

Зимой. «Некоторые дети учатся, но все они же помогают дома. Придут домой, поедят, уберут со стола, начинают учить заданные уроки. Когда начинается вечер, девочки идут таскать дрова. Маленькие девочки подтопляют печь (железную), метут избу, ставят самовар, щипают лучину и т. п.»

В общем, нужно сказать, что 7—8 лет мальчики — борноволоки, с 11—12 лет приучаются пахать и в 12—13 лет мальчик — настоящий пахарь. Девочка с 12—13 лет считается полной хозяйкой, знает всё хозяйство и летом самостоятельно выполняет все работы.

Очень тяжело достается в бедных семьях, когда нет больших работников — отца или старшего брата, тогда вся тяжелая крестьянская работа ложится непосильным бременем на 12-летнего подростка. Такой мальчик вырастает «заморышем», с надорванным здоровьем. Одна крестьянка с. Батой рассказывала про своего сына, что ему 12 лет, а он всю «мужицку

работу» несет по хозяйству, в школе не учится, «потому ему грамота не даетца» — «зачарованный он работой, вот грамоты-то ему и нет». <...>

[Материнская доля]

<...> В дореволюционное время на женщине в деревне вообще лежало много работ и забот по хозяйству, но особенно было тяжело в летнюю страдную пору, когда не было почти отдыха совсем.

Чтобы дать понятие об условиях жизни женщины в крестьянской среде прошлого, когда приходилось работать вручную, мобилизовывать всех членов семьи, и даже «одинокая» в семье женщина не освобождалась от полевых работ, забрасывая в горячую пору всю «домашность», я приведу для иллюстрации рассказ мининской¹² крестьянки 75 лет. Она была выдана замуж молоденькой, и каждый год у нее рождались дети. Хозяйство было большое, но, несмотря на это, все полевые работы она должна была выполнять наряду с другими членами семьи, не считаясь с положением дома. Вот как она рассказывала: «Вечером с пашни приеду, ребенок в люльке от реву разошелся, постилки все запачканы, мокры; во дворе коровы режут — доить надо; свиньям пойло надо сделать да разлить, цыплят, кур накормить надо! Курам кину овса — ешьте! Подойник захвачу, да к коровам — доить скорее! А ребенок ревет — реви! Некогда, а самой жалко.

Подую коров, молоко скорее процежу, в яму суну, коровам пойло налажу, коню тоже еды дашь и попоить надо; бегу в избу, а там дух — не приведи бох! Надо из-под ребенка убрать, надо накормить и вымыть его. Самовар наставлю; пока кипит, в люльке приберу, потом ребенка вымою, накормлю — он и уснет. Опять самовар кипячу: других надо накормить да вымыть, оне уже бегут, узнали, что мать приехала. Все грязные, голодные, а сама тоже едва от голода хожу. Всё же ребят накормлю, умою; расплзутся кто куда, заснут.

Ну, теперь и сама поем; калач возьмешь да прилягешь, пока еще самовар кипит, да так с куском и уснешь. А чуть забрезжило, вставай, коров выгоняй, птицу корми, огород поливай; постирать надо, обед сварить, припасы на пашню наладить, квасники достать да квас приготовить, а там и ехать надо. Вот так и идет вся неделя. А если стряпать надо, тогда совсем не спать!»

Приведенный рассказ достаточно ярко иллюстрирует тяжелое положение женщины в крестьянской семье лет 30—50 тому назад. <...>

Красноярский краевой краеведческий музей, отдел рукописей,

о/ф. 7886 (КККМ), п. и. 110, л. 1–143.

¹² *Мининская* — жительница д. Мининой Красноярского уезда.

Н. А. КОСТРОВ. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В НАСЕЛЕНИИ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ¹³

Говоря о первоначальном физическом воспитании детей в населении Томской губернии, необходимо различать население русское от населения инородческого.

В русском населении губернии ребенка сейчас же после рождения обмывают в теплой мыльной воде (температурою 28—29° по Р[еомюра]), с целью удалить с кожи жирную смазку и очистить его от кровей матери. Омывание производится руками повитух при помощи губки, тряпки и мочалки, т. е. мягких волокон рогожи. Иногда при этом кожу новорожденного смазывают деревянным или коровьим маслом. Если ребенок слаб, то в ванночку нередко прибавляют от одной до трех рюмок простой водки. Повитухи хвалят это средство как укрепляющее. Затем в тот же день, или на другой, ребенок вместе с матерью отправляется в довольно жарко натопленную баню, где вновь обмывается и даже парится березовым веником. Это повторяется дня три сряду. В продолжение первых двух недель ребенка обмывают каждодневно (?¹⁴), а впоследствии все реже и реже. Насколько это обмывание делается тщательно, замечает медик, можно судить по тому, что много раз случалось осматривать двухнедельных детей и находить на них родовые нечистоты в пахах и подмышках. Так же небрежно матери смотрят за чистотой кожи ребенка и впоследствии. Нередко мать является к медику даже с полугодовым ребенком, жалуется, что он «не спит, плачет, не дает покоя». При осмотре оказывается, что ребенок совершенно здоров, но в пахах и подмышках «до такой степени заперлось, что кожа предалась гниению». Не говоря уже о простонародье, такие вещи случаются у купцов, и притом более или менее развитых. Более всего неряшество и небрежности к новорожденным встречаются у крестьян-переселенцев из Воронежской и Тамбовской губерний. Обопрелые воспаленные места кожи присыпают крахмалом, сухими древесными гнилушками, иногда квасцами. С другой стороны, вследствие парения новорожденного несколько дней в бане и влияния жара на кожу, она сильно раздражается и подвергается сильным заболеваниям в виде накожных сыпей.

У некоторых детей вскоре после рождения развивается особенная болезнь, известная в народе под именем *кочерги*; другие даже и рождаются с нею. Болезнь эту приписывают тому, что беременная мать пинала собак, свиней или переступала через оглоблю. Она выражается

¹³ Настоящая статья составляет свод сведений, доставленных в [Томский] статистический комитет городскими и окружными медиками. (*Примеч. автора*). Автор — известный краевед, этнограф и статистик 2-й половины XIX в. По окончании Московского университета служил в административных учреждениях Енисейской губ., затем в Томском губернском статистическом комитете. Печатается с сокращениями по газетному тексту. Сокращены материалы, относящиеся к аборигенному населению.

¹⁴ Вопросительный знак поставлен автором, Н. А. Костровым.

тем, что ребенок без всякой видимой причины начинает сильно беспокоиться, плохо спит, постоянно кричит и шевелится, выгибая спинку назад. Все эти болезненные явления, по мнению народа, зависят от присутствия в глубине кожи маленьких жестких, похожих на щетину, волосков, которые первоначально появляются сперва вдоль позвоночного столба, а впоследствии разрастаются повсюду; при этом никаких местных признаков раздражения общих покровов не заметно. Лечение этой болезни знахарки, обыкновенно, производят так: больного ребенка несут в легко истопленную баню, где больные места натирают при помощи жесткой тряпки дрожжами, молоком с крымзой¹⁵ или калиной, гущей, грудным молоком. От натирания волоски в большом количестве выходят наружу. Знахарки утверждают, что иногда бывает достаточно одного сеанса для полного излечения этой болезни; совершенное успокоение ребенка составляет признак благоприятного ее исхода.

Другая болезнь, встречающаяся нередко у детей первого возраста, называется народом *собачья старость*. Она состоит в том, что ребенок принимает старческий вид. При излечении ее знахарки обмазывают больного сметаной, которую дают слизать собаке; или варят пельмени с наговорами и также скармливают собаке.

За границей и даже в [Европейской] России полагают, что в Сибири иногда купают новорожденных в рассолах, настоях, смесях и даже погружают в снег; но в Томской губернии эти операции не только не практикуются, об них даже не слышно. Но зато нередко можно встретить следующие интересные случаи. «Хозяйка моей квартиры, — говорит бийский окружной медик, — ночью родила, а утром я ее встретил с новорожденным на улице. Она была в одной рубахе, юбке и босиком, а ребенок лежал на тряпке, но лицо и голова, живот и ножонки были открыты и красны, как кумач — доказательство, что он прямо из бани. Это было в январе, мороз был сильный, а баня от избы находилась сажень в 200. Родильница по настоящее время совершенно здорова, а ребенок растет и уже чуть ни невеста. Факт этот имел место в городе, в купеческом доме. Что после этого придется думать о крестьянах, живущих где-нибудь в глуши?» <...>

Одежда детей в русском населении края, равно как в обруселом инородческом, состоит из рубашечки более или менее толстого холста, которая, переменяясь более или менее редко, пропитывается накожным испарением и, таким образом, производит раздражение кожи. Рубашка надевается на ребенка сейчас же после омовения. Однако ж в Нарымском крае рубашка надевается на ребенка не раньше того, когда он окрещен; до этого же времени он просто завертывается в какие-нибудь тряпицы. Впрочем, то же самое можно встретить иногда и в других местах. <...>

Пеленание детей общеупотребительно как в русском, так и в оседло-инородческом

¹⁵ *Крымза* — белый цинковый купорос.

населении губернии. Ребенка поверх рубашечки обвертывают с головки до ножных ступней холщовой или бумажной пеленкой, складывая ноги прямо, а руки на грудь или вдоль туловища, и опоясывают так называемым свивальником, то есть бинтом вершка $1\frac{1}{2}$ —2 ширины и аршин около 2 и более длины, состоящим из холста или какой-нибудь материи или связанным из бумаги, шерсти и т. п., с пришитыми на концах тесемочками для завязывания. Иногда свивальник заменяется кромкою от сукна и даже простою веревкою.

Бинтование обыкновенно начинается с плеч и оканчивается на лодыжках. Надетый на головку ребенка платок, подложенный концами под пеленку и увиваемый по ней циркулярными ходами свивальника по туловищу, удерживает головку в положении между сгибанием и разгибанием. Пеленание всегда производится осторожно, не очень туго, как говорится здесь — *охляб*, легко сбивается и держится слабо. Поэтому в большинстве случаев оно не имеет заметного влияния на формирование членов. Однако ж при небрежности пеленания нередко является кривобокость и косолапость. Пеленание обусловливается в народе удерживанием ручек ребенка от расцарапывания личика и т. п., при существующем в то же время убеждении, что оно вообще действует успокоительно на ребенка и способствует тому, чтобы он раньше ходил. При этом необходимо заметить, что при пеленании остается незакрытой задняя часть тела ребенка, на случай более удобной перемены постилок после испражнения; но это дает повод некоторым матерям по два и более дня не распеленывать ребенка. <...>

Во всей губернии, за исключением некоторых местностей Нарымского края, у русского населения существует обычай «ровнять», или «править» ребенка. С этою целью тотчас по обмытии кладут его на спину, берут и стягивают сперва вперед и накрест пальцы ног к локтям, потом поворачивают на живот и стягивают также накрест пальцы рук к ногам; наконец, кладут на ладони серединой тела так, чтобы голова и ноги висели, и встряхивают несколько раз, приговаривая: «Расправлен — теперь уж уродцем не будешь». Ровняние производится повитухами, а иногда знахарками. Принимая родовую опухоль за уродливость черепа, повитуха или знахарка ровняет также головку ребенка с помощью легких подавливаний и разглаживаний опухоли. Носик ровняется посредством легкого сжимания его кончика. Иногда ровняние не ограничивается только одним разом, а повторяется несколько раз в первые дни после рождения, при каждом пеленании ребенка. <...>

Колыбели и постели употребляются как у русских, так и у инородцев.

У русского населения колыбель или, по-здешнему, зыбка устраивается в форме деревянных рамок, как у палец, обтянутых холстом, дабой, тиком и т. п. В некоторых местах эти зыбки делаются очень плоские, так что дети часто выпадают из них, и медикам нередко случается наблюдать значительные ушибы, происшедшие от этого, а равно вывихи рук и ног.

Впрочем, это можно отнести еще и к тому, что у крестьян старшая дочь или сын пяти и даже четырех лет уже нянчит своего месячного братишку или сестренку, а восьмилетние девочки нанимаются уже в няньки в крестьянские, более зажиточные, дома. Можно ли удивляться, что при таких няньках бывают десятки случаев не только ушибов детей от падения из колыбели, но и утоплений, ранений животными и т. п. Переселенцы из внутренних губерний очень часто плетут зыбки из прутьев, в виде корыта. Для подстилки в зыбках употребляются перинки, тюфячки с шерстью, куделей и т. п., поверх которых под задние части детей подкладывают стеганые подстилки, сменяемые после пропитания их испражнениями. Зыбку привешивают, большею частью, к концу длинной жерди, аршина в 4, заткнутой другим концом за потолочную матицу, причем качание ее, считающееся, по общему мнению, неизбежною потребностью в первое время жизни ребенка, производится в вертикальном направлении. Или же зыбку вешают за кольцо или крюк, ввинченные в потолок, причем качание производится горизонтально. <...>

Перейдем теперь к питанию ребенка у крестьян и инородцев. Несколько часов после рождения ребенку не дают никакой пищи. Затем, вымыв его, ему вкладывают в рот тряпичную соску, наполненную тертой свеклой, тертой морковью, разжеванным конопляным семенем или чем-либо подобным. Это делается в видах очищения желудка. Большею частью жуют хлеб, завязывают жовку в тряпицу и дают сосать ребенку, чтобы покормить и успокоить его, пока он не поправится. Через полсуток, а иногда и через сутки ребенка прикладывают к груди, так как кормление грудью признается совершенно необходимым как русским, так и инородческим населением. Но часто случается, что ребенок не берет груди или по слабости, или по малости сосков. Тогда мать со спокойною совестью отказывается от кормления грудью и начинает кормить ребенка коровьим молоком с рожка, для чего обыкновенно берется небольшой коровий, вычищенный внутри рог, на конец его навязывается коровья титька со сделанным на оконечности ее отверстием величиною с булавочную головку; затем в рог наливается молоко. У более зажиточных рожки бывают металлические из белой жести и даже серебряные. Рожки эти содержатся в крайней небрежности. Часто титька не снимается и не моется до тех пор, пока не издержится совершенно; рожок тоже, если и моется, то не более одного раза в неделю. Иногда рожок издает такую вонь, что к нему неприятно даже подойти близко.

Недели три-четыре спустя после рождения ребенку начинают давать соску с размоченными хлебными крошками, кашею, разжеванным картофелем, словом, всем тем, что едят большие. Соска состоит из простой тряпочки с рожком, если дают сосать что-нибудь жидкое, или же одной тряпочки без рожка, если употребляют хлеб, булку, сушки и т. п., разжеванные или размоченные в воде простой или сахарной, или в молоке. Соска

употребляется не столько для кормления собственно, сколько для убаюкивания беспокойных детей. От раннего употребления крахмалистых веществ и частого присутствия в полости рта молочной титки у детей делается расстройство пищеварительных путей, истощение тела и, наконец, причиняется смерть. В простом классе большая часть детей погибает в первом году жизни именно от неправильного искусственного кормления.

Если мать кормит ребенка грудью, то отнятие от нее обуславливается в большинстве случаев рождением другого ребенка, хотя нередко бывают случаи кормления грудью вместе с новорожденным и прежнего ребенка... Если же другого ребенка не бывает вскоре, то кормление грудью производится нередко года по три и по четыре, смотря по домашней обстановке, здоровью и желанию матери. Нередко тут играет важную роль и любовь матери к ребенку: чем более она его любит, тем долее кормит (нежит). «Однажды мне случилось заехать в крестьянский дом, — рассказывает один медик. — Войдя в избу, я увидел мать, стоящую подле лавки, а на лавке стоял порядочный парнишка и сосал грудь. На вопрос: “Ты что делаешь?”, — парнишка оставил грудь, сплюнул, вытер губы рукавом и преспокойно ответил: “Титьку сосу”. — “Да тебе который год?” — “А сестой”». Кормление грудью два и три года — вещь обыкновенная как у русского, так и у инородческого населения.

Что касается до сиденья, ползанья и начала ходьбы ребенка, то развитие этих актов предоставляется природе, и никаких искусственных средств для приучивания к ним детей не употребляется, за исключением разве обкладывания детей подушками или одеждою при начале сиденья и поддерживания их за ручки при начале хождения. Смотри по крепости и силе ребенка, он начинает сидеть, большею частью, с 3-го месяца по рождении, ползать с 6-го месяца, а ходить с 9-го и даже с года. Бывают и такие случаи, что ребенок начинает ходить только в половине или в конце третьего года.

Сибирь (Иркутск). 1881. 24 мая. С. 5—6.

А. М. МИХАЛЕВА. [ДО ПОЗДНЕЙ НОЧЕНЬКИ]¹⁶

Работали мы много. К труду приучали нас с детства. И пряли, и ткать умели с измальства. Шутка ли — только дойных коров в хозяйстве пятнадцать. А работников не держали. Сами все обрабатывали, с раннего утра и до поздней ноченьки трудились.

Воспитывали нас в семье дедушка с бабушкой, да мама с папой. Если родителей дома не

¹⁶ Автор воспоминаний родилась в 1905 г., приехала в Сибирь с родителями из Тамбовской губ. в 1908 г. В описываемое время семья жила в с. Ершово Барнаульского уезда Томской губ. (ныне Новосибирская обл.). Воспоминания записаны студенткой ОЗО исторического факультета Новосибирского государственного педагогического института (ИФ НГПИ) Н. П. Михалевой в 1985 г. в Новосибирске. Публикуется впервые.

было, подчинялись дедушке с бабушкой и ослушаться боялись.

Помню такой случай. Послала меня мать вязать просо. Одной-то мне скучно, взяла младшую сестренку. Она еще мала была и вязать снопы не умела. А идти до места километров десять. Считали — недалеко, лошадей гонять на близкое расстояние незачем. Пришли мы на место, я просо связала, поставила суслоны. В суслоне шесть снопов. Сняла нарукавники, которые надевала, чтобы руки не исколоть. Шились они из старых мужских брюк специально для таких работ. Положила я нарукавники на суслоны и побежала с сестрой в согру порвать смородины. Чую — вечеряет. Надо домой бежать, а не то мама заругается. И побежали мы домой.

А дома мама спросила: «Связала?» — «Связала». — «Сколько?» — «Три копны!» — «А нарукавники где же?» Я отвечаю: «Ох-ох! На суслоне оставила!» Мама только и сказала: «Сейчас же принеси».

Выбежала я молчком за ворота, взяла березовую палку, села на нее на вершни, как ребятишки катаются на палках. И пошел... Оглянуся — сзади только пыль столбом. Сейчас приеду! Подбегаю, вижу: лежат нарукавники. Я их схватила, опять на эту палку и обратно домой. Добегаю до деревни, пастух уж коров погнал. Зашла в ворота — солнце уже село. Встречает меня мама, спрашивает: «Принесла нарукавники? Никто не унес?» Я говорю: «Вот они!» Мама говорит: «Анюшка, Анюшка, нарукавники — пустяк, двадцать таких еще сошью. Но только не будь такой: косила — косу бросила; сгребла — грабли бросила, а кто-то пошел – подобрал. Тебе назавтра косить, хватилась – косы нет; сгребать, а граблей-то нет. Береги свое, что имеешь, не будь растеряхой».

Так приучила меня мать к бережливости. Привила на всю жизнь. Сейчас мне 80 лет, а ничего у меня не пропадет. Каждому лоскутку дело дам. Было мне тогда лет четырнадцать.

А поощрять нас ничем не поощряли. Скажут: «Молодец», — и всё. Не будут же мне премию выдавать! Для себя все делали.

Как-то дедушка попросил меня на изношенных санях веревочки развязать, они еще годны были для новых саней. На веревках-то сани крепятся. Узелков много, крепко затянуты, а каждый развязать надо. Пообещал дед за работу гостинец из Камня привезти. Мама нагрела воды, я на каждый узелок поливала горячей водой и шилом развязывала. Подружки помогали мне. Все веревочки распутляла, связала пучочками.

Жду дедушку. Какой-то гостинчик привезет? И подружки со мной.

Приехал дедушка. Мы сидим, ждем, когда войдет в избу, даст гостинчик. Дед в избу вошел и поужинал уж, а все молчит. И не спрашивает, сделала ли я его наказ. Потому как знает, что я все сделала, не посмела ослушаться. Сидит дед на кухне, со взрослыми разговаривает, а про гостинец как забыл.

Тогда прошла я в горницу, гляжу — на столе лежат лосевые рукавицы, а в них полно конфеток «Раковые шейки». Я конфетки-то в подол ссыпала и за печь с подружками — угостить их за работу. Поели все конфеты, а бумажки в щелку в полу в подполье поспихала. Будто ничего не было.

Дедушка не спросил, кто взял конфеты. И никто ничего. Нигде ни бумажки даже.

Прошло несколько времени. Мне мама с отцом говорят: «Вот как, Анютка! Мучались, мучались с девчонками, а дедушка никакого подарка не привез». А я и рассказала, все как было. Мать руками так и всплеснула: «Что вы наделали?! Ну, не дал дед конфет, и не надо самоуправничать было!» Достала из подпола все бумажки, когда деда дома не было, и в печь. Как бы дед не заметил. Вот как боялись, уважали и почитали старших.

Так нас воспитывали. Лет с десяти приучали к труду. Сперва с младшими сестрами нянчилась, а лет в тринадцать уже косить стала, от взрослых мужиков не отставала. И за скотиной ходила, и сготовить знала как. Готовить-то меня мать учила. И как квашню поставить, и как тесто замесить. Говорила: «Анютка, припоминай всё. Пойдешь замуж, всё сгодится. Да каждый день одно и то же не готовь, надоест».

Я все перенимала от матери. Из одного теста могла десять блюд сготовить. Было бы только из чего. Недаром ведь говорят: «Была бы коровка да курочка, состряпает и дурочка». А готовить было из чего. Обработывали сами себя, и все у нас было.

На игру тоже времени хватало. Не все же работать. С измальства так играли: рвали на дворе траву, сушили, лаптем возили, ставили игрушечные снопики. Из глины лепили игрушечную посуду, обжигали на печи, которую сами мастерили. Кукол нам дедушка или папаня делали из полена. Выстрогают фигурку, чтоб на человека была похожа. Мы ее в тряпочки нарядим, и кукла готова. А еще играли в бисюрочки. Играющих шесть человек, у каждого бусинки. Один собирает со всех бусинки, по одной с каждого. Из земли насыпаем шесть холмиков. Тот, что собрал бусинки, прячет их в один из холмиков, чтоб никто не видел. И по очереди отгадываем, в какой кучке бусинки: «Дуб, клен, крест, в этом нету, в этом есть». Тот, кто отгадывал, все бусинки из кучки забирал себе. Выигрывал тот, у кого больше оставалось бусинок, чем у других.

Еще учились друг от друга молитвам. Кто какую знает, научился от родителей. На пост исповедовались в церкви, и поп спрашивал молитвы, какие знаешь. Прочтешь молитву, и поп исповедает. Попа мы боялись, ему исповедовали свои грехи. Вот и старались учить молитвы, чтобы не рассердить батюшку.

Так играли лет до тринадцати. А потом-то днем в основном работали. А вечером выходили на улицу, играли в лапту, в «разлуки»: вставали в два ряда — ряд парни, ряд девки. По очереди выбирали друг друга. К примеру, девка к парню подбежит, заденет его и

убегает; он догоняет ее, догонит и опять в ряд становятся.

Позже собираться стали где-нибудь на бревнах. Пели под гармошку, плясали, водили хороводы.

На семнадцатом году выдали меня замуж. А мужу моему восемнадцать лет было. Жили мы с ним по соседству. Сговорились пожениться, венчались в последнюю пятницу под Масленку. И замуж-то я идти не боялась. Знала всё: с чего начать и как жить.

Всему меня родители научили, к жизни подготовили. На ноги я стала крепко. Первой снохой была, и вся работа в доме свекрови легла на мои плечи. Нашелся первый ребенок, муж мне пеленки не стирал. Сама все успевала. А если бы в семье не приучили к работе, кто бы меня и замуж-то взял?

*Новосибирский государственный педагогический университет,
кафедра отечественной истории,
материалы по истории Сибири (НГПУ), д. 5, л. 34—49 об.*

А. П. КАЙГОРОВОВА. [С НАШИМ НЕМАЛЫМ УЧАСТИЕМ]¹⁷

Родилась я под Рязанью. Родители — крестьяне. Семья была большая — одиннадцать душ. Изба маленькая, спали на полу и полатах. В хате стояли стол и две лавки, больше ничего. Топили по-черному, дым выходил понизу, через открытые двери. Вечерами все девки пряли и, бывало, если замерзали, то прямо в избе жгли солому.

Трудно было. Особенно, помнится, в неурожайный 1911 год. Отец надумал в тот год отправиться в Сибирь. Сложили свои пожитки на телегу и отправились. Помню, что добирались очень долго, до самой осени, а выехали в начале лета.

Остановились в деревне Конёво. Понравилось место озерами. «Значит, будет рыба», — решил отец. По словам мужиков, и урожай в этих краях были неплохие. Деревушка была маленькая, избушки крыты земляными пластами. Но топились не по-черному, дым шел через трубу. Была в деревне и своя лавка, и школа — до 4-го класса. Но училось в ней мало — дети тех, кто стоял покрепче.

Нам учиться никому не пришлось. Сначала и в Сибири был тяжело — семья большая. Все, кто были постарше (четыре сестры) с матерью и отцом от темна до темна пропадали на пашне. Землю любили, к работе были привычны. И через пару лет наш двор на деревне стали считать «крепким». Земли засевали много — до 25—40 десятин. И свой лес имели —

¹⁷ Автор родилась в первые годы XX в. Воспоминания записаны учителем-историком Т. Ю. Нерода в 1986 г. в с. Конёво Краснозерского р-на Новосибирской обл. (бывший Барнаульский уезд Томской губ.). Впервые опубликовано: *Зверев В. А. Живешь — не оглянись... // Сов. Сибирь (Новосибирск). 1992. 15 июля.*

березовый колок. А сеяли пшеницу, коноплю, лен.

Все детство мое связано со льном. Засевали мы его в огороде — при дворе. Когда вызревал, дергали руками (не косили, а именно дергали), ставили маленькие снопы. Потом молотили и расстилали на «кошанину», то есть на убранный участок. Затем стаскивали в вытопленную баню и там сушили. После этого уже мяли мялкой, получали «ёмку». Ее надо было освободить от кострики, для этого — тереть ёмку.

После того, как ёмка была освобождена от кострики, ее толкли в деревянной ступе. Получалась куделя, мы ее называли «намычка». Намычку надевали на большие гребни и чесали. И только после тщательной прочески она была готова для прядения.

Прясть умели все — и взрослые, и дети. Необходимо было, чтобы пряжа была как можно тоньше. Бытовало поверье, что для этого надо съесть коровье сухожилие. Мы его называли «тонкопряха».

Никогда не забуду один случай. Прядение всегда начиналось на Филипповку и мясоед — это поздняя осень и начало зимы. В это время начинали и скот колоть. И я однажды, желая прясть лучше всех, добралась до корзины с мясом и съела, вернее, сгрызла сырыми сухожилия, которые там оказались. Не знаю, чем бы это все закончилось, если б не мать, которая нашла меня катающейся по полу от боли. Я ей кричу: «Ой, мамочка, только не говори бате, я завтра с утра до вечера буду ёмки тереть, только не рассказывай!»

Вовремя к нам зашла старуха-соседка Александра Афанасьевна. Она в деревне была «врачом» и «священником» — лечила больных и крестила малых. Бабуся заставила меня выпить две больших кружки теплого молока, после чего вызвала рвоту. Живот болел еще долго, но прясть я действительно научилась не хуже других.

С приходом поста (с марта) мы вместе со старшими ткали холст. Здесь тоже надо было иметь сноровку. Ткали по-разному. Если проще — «туда-сюда» — полотно получалось гладкое, без узора. Сложнее — в 4 сопка — получался узор «ёлочкой», в 8 сопков — кружочками, а в досточку — выпуклостями по поверхности холста.

Весной, когда уже всюду зеленела травка, начиналась самая любимая часть работы — отбеливание холстов. Полотно расстилали дорожками на траве, мочили, сушили, затем снова мочили — до тех пор, пока оно не становилось совсем белым. Для нас, детворы, это был праздник. Наверно, потому, что видели, что сделано с нашим немалым участием. Да и родители наш праздник старались поддержать, для всех к этому дню заранее готовились подарки — пряники, леденцы, а кое-кому и новый сарафан...

А впереди было лето — и снова работа всем нам, да еще потяжелее, чем зимой. Родители и старшие с восходом и допоздна были уже на пашне.

В наши обязанности входил и уход за скотом: утром выгнать в поле, а вечером загнать,

напоить. А коров у нас было всегда не меньше двух, да четыре телки, 20—30 овец. Приходилось и пасти, так как стадо в деревне пасли всем обществом по очереди.

Поскольку деревня была небольшая, то и очередь приходила быстро. На пастбище с нами обязательно был кто-нибудь взрослый — боялись потравы. Пасти мы любили, хотя сильно нас донимали пауты и комары. Иногда приходили настолько распухшими от укусов, что и мать не узнавала.

В школу я так и не походила. В 1920 году, уже будучи замужем, два месяца занималась в избе-читальне. Там наш грамотный земляк Николай Оспенников открыл курсы. Выучилась немного читать, вот и вся моя грамота.

НГПУ, д. 5, л. 103—109.

В. К. ВОЛОСНИКОВ. [СПАСИБО ЗА ОТЦОВСКУЮ НАУКУ]¹⁸

Я крепким рос, видно, в деда-ямщика. Выглядел старше своих лет, в 12 меня принимали за пятнадцатилетнего. Рано стал отцу во всем помогать. Он был строгим, никогда нас, детей, не баловал, но и куском не попрекал, хотя небогато жили. Мать, Аполинарья Ефимовна, была бойкой, веселой, наряжаться любила. Как помню, она была из семьи богатой, замуж пошла против отцовской воли; отец ее так до самой смерти и не простил, а бабушка (материна мать) частенько тайком гостинцы нам носила, плакала часто.

Мать моя была большая рукодельница, все умела — и ткать и прясть, и вышивать. Но в основном все на людей делала, чтобы отцу помочь. Первый раз работать меня отдали к лавочнику Сырьеву, я у него за скотом ходил.

Школу открыли в Лопарево, когда мне примерно лет 12—13 было. Был сход, на сходе сказали мужикам: кто желает своих детей отдать учиться, то пусть запишется. Отец пришел, дома рассказывает. Я помню, давай проситься. Он закричал на меня, что лавочнику столько должны... «Как отдавать? Сказано, работай у него целый год, там, может, долги спишет». Мать — та по-хорошему уговаривала: «Ладно, сынок, какая нам от грамоты польза. Считать нам нечего. Да и школа не близко, не набегаешься». На том мои мечты о школе и кончились.

Через год меня уже совсем за взрослого считали. Отец о моей учебе никогда и не заикнулся. Работал я, видно, хорошо. Старательный был, меня многие стали в работники к себе зазывать: «Василко, иди к нам! Нет, к нам!» Отцу это нравилось.

Помню, все-таки смогли мы вторую лошадь купить. А брату Виктору как раз десять лет

¹⁸ Автор родился в 1901 г. и вырос в д. Казаркиной Курганского уезда Тобольской губ., в окрестностях с. Лопарево (ныне Курганская обл.). Воспоминания записаны студенткой ОЗО ИФ НГПИ Л. В. Петляковской в Исилькульском р-не Омской обл. (Комсомольское отд-ние совхоза «Лесной») в 1984 г. Впервые опубликовано с сокращениями: *Зверев В. А. Живешь — не оглянешься...*

сравнялось. Робята, дружки его, стали к осени в школу собираться, и он давай отца просить. Виктора как-то больше жалели, да он и младше был, и слабее здоровьем. Пришел я как-то домой, а мать Виктору рубашку новую меряет. «Что это, — думаю, — вроде праздников нет». А сестра Поля и говорит, что Виктор у нас в школу пойдет. Завидно мне стало, но сказать ничего не посмел; отца боялся, он и вожжами мог отстегать, несмотря, что я с него почти ростом вымахал.

Так я даже фамилию свою не научился писать. «Хватит, — говорил отец, — нам одного писаря. Почитай, вся деревня крестом расписывается, а ты тоже не велик барин».

В шестнадцать лет я уже совсем взрослым парнем стал. Делать по хозяйству крестьянскому все умел. Этой «грамоте» я хорошо выучился. Хомуты умел делать, кошевки плести, корзины. За скотом хорошо умел глядеть. Дед даже лечить кое-какие скотские болезни умел — всему этому меня учил. А уж траву косить — это угнаться в деревне за мной почти никто не мог. Уж робить-то я умел.

На гулянья деревенские рано начал ходить. Вот ведь вроде наработаешься, пасть бы да спать, а ведь нет, сменишь рубашку — и на гулянку. Молодежь у нас «улицей» ходила. Весело! У меня дружок, Аркадий Бавин — гармонист, так честь ему была великая. Он, правда, не учился нигде, как сейчас, музыке, а играл хорошо — самоуком. Песни в основном девки пели.

Зимой тоже развлекались, да тогда и работы поменьше. Гадали — вот как сейчас помню. Гадали-то девки, а мы за ними подглядывали. Глупые, верили во всё. Боялись. Случай один нехороший помню от тех гаданий.

Стали девки как-то гадать в избе, а мы в сенях спрятались. Они в избе погадали и на улицу выскочили. Все пробежали, а одна-то замешкалась — Паланька Басова. Выбежала она поздней, а кто-то из нас возьми, да и обними ее сзади. Девка, видно, и так гаданием была напугана, не ожидала — сразу и обмерла, потом родимчик ее стал бить. Так потом и умерла от припадков.

Отец по первости ругался из-за гулянок: «Опять допоздна, утром рано вставать, день дремать — какой из тебя работник!» Но мне и трех часов поспать хватало, могутный был, отец и смирился.

А Польку (сестру) долго, помню, не пускали. Мать ее прясть, ткать заставляла вечерами. Отец им станок сделал — половики из тряпья нанимались людям ткать. Оно и правда — наука эта во вред не пошла, потом в жизни все пригодилось бы. Но, пока молодой, этого не понимаешь — погулять свое охота. Подружки придут — она реветь. Однако отец суровый был: «В жены будут брать — не спросят, как гуляла, а спросят, что наткала». Мать потом плакала, жалела, что погулять девке не дали. В гражданскую тиф пошел, мы все как-то

выжили, а Польша померла.

Отцовская наука хоть и суровая, а спасибо за нее всегда говорю тятю. Все научил делать с малых лет. Люди меня всегда за это уважали. И с молодого Василием Калистратовичем называли. Помню, уже сюда переехали (в Омскую область) — в совхозной бригаде работал. Как поедем копны класть, бригадир спрашивает, кого вершить поставим, все кричат: «Волосникова!» И по домашности — кому хомут починить, кому чайник запаять или скотина занеможет — ко мне шли. Что умел, ни в чем людям не отказывал.

А что читать-писать не умел, тут уж винить некого, время наше такое было. А сенокос без меня ни один не проходит. Конечно, на копну уже я теперь не поднимусь, но подскрести к копне и поучить молодых, как класть, еще могу. Теперь люди опять к хозяйству крестьянскому стали тянуться. Очень меня это радует. При теперешней грамоте, да руками все уметь делать — одна польза всем от этого, и баловства меньше!

НГПУ, д. 6, л. 101—107.

А. М. ЛУШНИКОВА. [НА ТРУДНОЙ ЗЕМЛЕ]¹⁹

Молодая была — все делала, на что та и машина. Никогда не уставала, руки-то были во какие, это теперича высохли, остались одни мослы, страшно смотреть... И сама была хоть куда прыткая, и на все сил хватало. С пашни придем, умоемся, да еще на вечеринку сбегает, до полночи с парнями гуляем. Молодые ж были, и всегда высыпались, а утром снова в поле...

Деревня наша была маленькая, дворов двадцать. Семья большая: мама, тятя, бабка Малаша (ох, и боялись мы ее, сердитая была!), Ленка, Володька, Кешка и я — вот и вся наша орава. Изба у нас была и не большая, и не маленькая — мазанка. Теплая — навоз с глиной мешали и мазали снаружи, крепко держалась. Хозяйство хоть было и небольшое, но свое, а без него нельзя было.

Пашня наша была за лесом, версты три до нее, наверное. Всем в хозяйстве заправляла бабка Малаша. Лошадь возьмет, телегу, на телегу взвалят плуг, сами садятся — мама, тятя, Ленка — едут на пашню. Возвращаются вечером. Помню, когда пшеница созрела, собрались жать и меня взяли. Жали серпами, в снопы вязали. Бабка меня всё дармоедкой звала и заставляла колосья собирать, а я была еще совсем «от горшка три вершка».

С малых лет я уж начала работать, работы-то было много. Грядки, картошку полола,

¹⁹ Автор родилась в 1902 г. в с. Борково Барнаульского уезда Томской губ., через некоторое время семья переехала в Каинский уезд той же губернии (сейчас — Новосибирская обл.). Воспоминания записаны в Новосибирске в 1987 г. студентом ОЗО ИФ НГПИ А. Я. Калионовым. Публикуется впервые.

стирала. А когда бабка Малаша умерла, всё делали сами. Через полгода умерла и Ленка, ей было девять лет — десятый. Не то пчела, не то шмель укусил ее в голову, а больницы не было... И бабка Ольга так и не смогла ничего сделать...

Жить в этой деревне родители не захотели, и мы решили уехать в Купинский район, от Купино в 30 километрах. Купили мы там хатенку, я уж большенькая стала. Озеро было большое, рыбы было много. Тятя с Володькой ходили рыбачить сетями. Много рыбы приносили, мы рыбу солили, зимой — морозили. Тятя с мужиками возили рыбу в Купино к станции, там ее продавали или обменивали на продукты, материю. Жили мы плохо.

Однажды приехали в нашу деревню мужики и с ними одна баба. Разодетая вся, нарядная. Дело было по весне. Что-то говорили с моим тятей, ругались... Помню, подошла ко мне эта баба и говорит: «Поедешь ко мне жить, я тебя кормить буду, одевать». Я заплакала, бросилась к матери, мать меня начала уговаривать. В общем, увезли меня.

И стала я жить у этой бабы. У ней была маленькая девочка, месяцев так шесть-семь... Меня отдали родители в няньки. Нянчилась, убирала комнаты – прислугой жила. Дом был большой, хозяйство было. Денег у этой бабы было много. Начнешь убирать, заглянешь под подушку или матрац, а там и бумажные, и серебро, и медные, так и посыпятся. Взять-то боялась.

Года два я жила у своей хозяйки. Отец с матерью совсем разорились, и подались мы в Новониколаевск. Поселились в селе Кривощеково, у того моста, что через Обь, он был тогда единственный. Здесь у нас сестра жила, сначала поселились у нее. Отец стал заниматься кустарным промыслом — делал телеги, сани, косы. Он был мастерской у нас. Этим и жили.

Хатенку купили, меня отдали грамоте учить. Школа была маленькая, книг не было. Закон Божий учили, пели молитвенные песни... Если не так напишешь, сразу указкой или палочкой по рукам, по рукам. И в угол ставили на соль, горох. Придешь домой — плачешь, больно. Все наизусть учили, а домой придешь — все забудешь. Боялись учителей. Если идет учитель, прижались к стене. Парт не было, были столы и скамейки некрашенные. Если грязные, мы их смачивали и скоблили ножами, потом смывали грязь.

Потом отца забрали на войну, он так и не вернулся, так и не знаем, чья матушка-земля его приняла. В школу я ходить не стала — надо было кормиться. Что учила в школе, все забыла, помню только некоторые церковные песни да молитвы — те, что наизусть учили.

Мама и старший брат пошли на завод работать. Ох, и тяжелая жизнь была! Уходили рано, приходили с работы поздно — уставшие, измученные. Мама долго не проработала, заболела сильно и умерла. Так ее прах и покоится на Кривощековском кладбище. Остались мы одни. Старший брат Володя был нам за отца. Я ходила по людям то нянькой, то прислугой, так и перебивались.

Приходит однажды Володя домой со своим другом — Платоном кликали его. Он и стал моим мужем, вышла я за него замуж. Хороший он был, работающий. Перебрались мы к его родителям на разъезд. Работали мы, нарожала я ему пятерых детей. Трудное время было. Пахали пашню, сеяли хлеб, убирал серпами, корову держали...

Там, в поле, я и Галину родила. Да, прямо в поле. Обтерла, завернула, отдохнула маленько, и дальше начала жать. Вот так-то дело было...

НГПУ, д. 7, л. 6–12.

А. В. ТРИФОНОВА. [МОЕ БЕСПОКОЙНОЕ «ХОЗЯЙСТВО»]²⁰

Родилась я в 1897 году в с. Хаихта Куйтунской волости Иркутской губернии в крестьянской семье Василия Денисовича и Анны Андреевны Сахаровских. Семья наша большая, много детей – мал мала меньше. Отец и мать были большие труженики. Особенно трудно было матери: чем только не приходилось ей заниматься и дома, и в поле, да всего и не перечесать, чтобы вырастить столько детей. Родители наши были скромные люди, добродушные, очень гостеприимные.

Жили мы в небольшой бревенчатой избе с двускатной крышей. Одна комната и кухня с большой русской печью, сени высоким крыльцом. Нас, детей, не баловали, ласки от родителей видели мало. Да и не было у них времени на это, но по-своему любили нас, физически не наказывали.

Если кто из нас болел, мать была нежна и заботлива, сама лечила, как умела. Так как больница была в селе Куйтун за 15 верст, к врачу не обращались. Сильные выживали, слабые умирали. И все же в каждой семье детей было немало. Кто выживал в первые годы жизни, рос крепким, здоровым.

Мальчишки росли среди природы — лес, речка, поле, и с ранних лет посильный труд дома и в поле.

Помню, с 9 лет в страдную пору я оставалась дома одна полной хозяйкой. Мама рано утром, подоив корову, уходила в поле на целый день жать хлеб, оставляя на меня все хозяйство. Мне нужно было присмотреть и накормить всю мелкую живность – кур, цыплят, поросят, а вечером встретить из стада коров. Но самое беспокойное «хозяйство» были мальчишки — Архип, Федя, Гриша, да двое малышей — Анька и Гошка. Утром накормлю, и убегают они на речку, в лес до полдня. Прибегут голодные, как галчата, что ни поставишь на

²⁰ Воспоминания «Как я стала учительницей: Автобиографический очерк» написаны в 1970 г. в Евпатории. Публикуется впервые по подлинной машинописной рукописи. Изменена структура

стол — мигом все исчезает. Не успеешь оглянуться, как мальчишки уже за воротами с ватагой ребят бегут по улице, только голые пятки мелькают, да пыль клубится за ними.

Поздно вечером приходит мать с поля, ребяташки уже крепко спят покатом на полу. Пересчитает, все ли дома, и спросит: «Лбы, глаза у всех целы?» — «Целы», — отвечаю. «Ну, и слава Богу, что все благополучно», — и пойдет доить корову. Обе усталые ложимся спать. И так изо дня в день, пока идет самая жаркая пора, «страда деревенская» — уборка урожая.

Но однажды с маленьким Гошкой случилась беда. Недосмотрела, как он выбежал за ворота на улицу и ухватил лошадь за хвост. Лошадь ударом копыта далеко отбросила Гошку, и лежит он безжизненный на дороге. Первой увидела его бабушка. Слышу, на всю улицу крик: «Гошку лошадь убила! Ой, батюшка, беда-то какая!» — и несет Гошку на руках. Голова свесилась, руки-ноги болтаются, как плети. Что делать? Врача нет, помочь некому. Обмыли окровавленное лицо, и Гошка открыл глаза. «Жив, жив наш Гошка!» — вздохнули облегченно с бабушкой. Долго проболел, но выжил братишка.

Шли годы, подросли братишки, стали помощниками отцу. Он уже не надрывался один над непосильной работой в поле. Легче стало и матери. Я по-настоящему стала помощницей во всех домашних делах, научилась и прясть, и ткать, корову подоить и вкусный хлеб испечь.

В селе я первая учительница из крестьян, в своей семье — первая грамотная. Ни отец, ни мать, ни деды и прадеды грамоты не знали. И своим образованием я обязана моему дорогому отцу. Он, будучи сам неграмотным, понял мое страстное желание учиться и при всех материальных трудностях дал мне второе рождение. Много обязана и своей матери: как ей трудно было отпускать меня в школу, лишившись помощницы.

Раннее детство

Летнее утро. Солнце уже полыхало всеми своими лучами на голубом небе. Маленькая девочка двух с половиной лет в розовой с цветочками рубашонке только что проснулась и, протирая глаза кулачками, выбежала из избы на крыльцо.

Солнце ударило в глаза. Зажмурилась, поморгала светлыми ресничками и увидела, как важно во дворе расхаживает большой белый гусак и громко кричит: «Го-го-го!». За ним идут гусыни, и позади спешат маленькие пушистые желтенькие гусенята с красными лапками, переваливаясь с боку на бок.

Ножки сами затопали вниз по ступенькам крыльца и, протягивая ручки, девочка с возгласом «Гуль-гуль-гуленьки» побежала, чтобы поймать гусенка и подержать его на своих ладошках. Не успела Ната, как звали меня — маленькую девочку, наклониться, как что-то грозное со страшным шипением набросилось, ударило и повалило на землю. Все гуси начали

бить крыльями клевать и ... больше ничего не помню. Очнулась в избе, у бабушки на руках, избитая, окровавленная. После не раз мне рассказывали бабушка и мама, как, услышав мой отчаянный крик, выбежали на крыльцо и увидели, что я лежу на земле, а гуси всем стадом бьют крыльями и клюют. Долго болела.

Это было мое первое яркое впечатление детства. Я впервые увидела окружающий меня мир, наш двор, Полкана, лежащего около своей будки с высунутым длинным красным языком. Яркое солнышко на чистом голубом небе, гусей с маленькими пушистыми гусенятами. Мне всё показалось таким чудесным, таким прекрасным, и вдруг этот страшный гусак!

Второе, что запомнилось мне на всю жизнь, событие очень страшное — была наша рыжая корова с большими острыми рогами.

У нее был такой же рыженький теленок с белой звездочкой на лбу. Как-то мама пошла доить корову, а я увязалась за нею. Мне так хотелось посмотреть на Рыжика и погладить его мордочку. <...>. Была зима, на мне было старенькое ватное пальтишко с красной в черную клетку подкладкой. Бегу по двору, а навстречу идет корова. Я нагнулась, чтобы поднять с земли прутик, как вдруг корова бросилась на меня, рогами повалила на землю. Потом я взлетела кверху и очутилась у нее на спине, затем корова сбросила меня и больно ударила о землю, затем снова полетела я вверх, вниз и ... больше ничего не знаю. Избитая и перепуганная, долго и тяжело болела. В бреду кричала: «Боюсь, боюсь, рога, мама, рога». Иногда приходила в себя и видела, как надо мною склонилась то мама, то бабушка, и снова забывалась. <...>

Выросла я в деревне, но страх перед коровами, особенно чужими, и перед гусями остался на всю жизнь. Было немало и других опасных приключений, но это уже позднее, когда мне было 8—13 лет.

Маленькая нянька

<...> Как старшей в семье из детей, да еще девочке, мне выпала нелегкая доля. Уже в три года меня заставляла мама качать люльку. Нянька и сама еще ребенок; так хотелось покататься на этой люльке. Однажды так раскачала люльку, привязанную к потолку за веревку, что веревка оборвалась, и мы вместе с Федюшкой свалились на пол. Конечно, Федюшка больно ушибся, а нянька получила подзатыльник. Трех братишек и сестренку вынянчила, «мучителей» своих.

Горькое было мое раннее детство. Детство без детства! Подросла, стала настоящей нянькой. Но как по утрам хочется спать... Мама вставала рано, уходила доить корову, убирать скотину, а меня разбудит: «Не спи, прислушивайся, чтобы не кричал ребенок, не

вывалился из люльки на пол». — «Хорошо, мама! Не буду спать». Но только мама за порог, я уснула как убитая. Братишка проснулся и не хочет лежать в мокрой люльке, закричал и вывалился из люльки на пол. Падать-то ему на меня, не ушибся, и спала я под люлькой на полу. Водрузила братишку в люльку, засунула в рот соску: «Спи, спи, гадкий мальчишка!» — приказываю ему. А он знай себе, орёт. Качаю люльку — не помогает; тогда уже ревели мы в два голоса.

Но было и отрадное в детстве. Помню, как однажды отец посадил меня на плечо и идет по улице. С какой гордостью смотрела я на ребятишек с высоты отцовского плеча! Как была счастлива от этой ласки!

Отец купил у лавочника дудочку-свистульку, но недолгой была моя радость. Мальчишки отняли дудочку, каждому хотелось хоть разок свистнуть. Подрались между собой, сломали мою дудочку. Без крика и слез не обошлось. Это была единственная игрушка, подаренная отцом. Игрушек нам, детям, не покупали. Подросла — сама шила из тряпок куклы. Чашечки, тарелочки лепила из глины, лепила лошадок, собачек.

Из животных любила собак и лошадей. Собаки — мои друзья. К лошадям была какая-то страсть. Очень любила ездить верхом на лошади, не раз падала, больно ушибалась, но при удобном случае снова взбиралась на лошадь и скакала по степи.

Самое отрадное воспоминание детства — когда отец брал меня с собою в поле. Вот вижу себя с отцом весной в поле, как он пашет землю деревянной сохой, запряженной в две лошади цугом. На передней сизу верхом и управляю ею, чтобы шла прямо бороздою. Какой это тяжелый труд — держать за ручку деревянную соху и шагать с нею с утра до вечера. Пот струйками катится по лицу, отец устал, тяжело дышит. Садимся отдыхать и обедаем.

А поле? Оно такое большое, еще столько нужно вспахать, потом вручную из лукошка, привязанного через плечо, разбросать ровными рядками зерно и заборонить.

Боронить — это моя работа. Отец только наблюдает, чтобы лошади слушались меня, да на поворотах очищает бороны от веток и стерни.

Вечером возвращаемся домой. Я уставшая, но счастливая крепко засыпаю на телеге под звон колокольчика под дугой. Вот мы и дома. Сквозь сон слышу, как отец берет меня на руки и несет в избу, передает матери: «На, бери своего пахаря, укладывай!» — говорит он.

Больше всего любила сенокос. Для меня это была самая веселая, радостная пора лета.

Отец, братишки и я живем на сенокосе, спим в шалаше. Трудно мне словами описать всю красоту наших сибирских лесов, степей и полей. Зеленым ковром расстилаются луга с запахами душистого меда, цветов и ягод. Там, на полянке, горит красным цветом клубника и земляника. В балочке на кустах висят гроздья душистой черемухи. Зайдешь в небольшой лес — и чего-то там только нет! Чего только не увидишь! Сколько ягод — голубики, малины;

черника поспела, и черные зубы у нас. А там грибы, и как их много — глаза разбегаются, не знаешь какой брать. Маслята, мои любимые грибы, стоят семейкой и большие, и совсем маленькие в хорошеньких светло-коричневых шляпках, блестящие, точно смазанные маслом. И, кажется, сами просятся: «Нас, нас бери, мы самые красивые, самые вкусные из всех грибов». — «Ну что ж, если уж сами напросились, полезайте в мое лукошко!»

Вдруг среди ветвей махнет своим рыжим хвостом белка, прыгнет на высокую ветку и смотрит на нас своими любопытными черными бусинками глаз. То из-под куста выскочит перепуганный серый зайчишка и ну наутек во все лопатки, только мелькнут вдали высоко вскинутые лапы да беленький хвостик. Удрал косо!

Но вот у нас полные лукошки грибов и ягод. Идем к шалашу, пора готовить обед. Зажигаем костер, нажарю грибов в сметане или сварю суп с грибами, и нет для меня лучшей похвалы, если отец скажет: «Какой же сегодня приготовила вкусный обед наша маленькая повариха!»

А как бывают вкусными печеная картошка, посыпанная солью, чай из котелка, пахнущий дымком, или ломоть пшеничного хлеба с вкусной ягодой клубникой. Ничего более вкусного не ела в жизни, как в поле, на чистом воздухе, у костра, после трудового дня! Даже хлеб с водой.

Вечер. Быстро темнеет. Небо становится черным, как будто кто-то невидимой рукой накинул на него черную шаль, затканную яркими золотыми звездочками. Их так много, так много, не сосчитать!

«Вот это моя звездочка, — указываю на самую яркую, — а это твоя, — шепчу братишке. — Смотри, смотри, вон звездочка покатила... и погасла!»

Интересно смотреть в ночное небо и слушать музыку цикад и еще какие-то звуки. Степь не спит, лошади недалеко пасутся, и слышится, как колокольчик мерно позванивает. Костер догорает. Пора спать. Быстро засыпаем на душистом сене в шалаше, и снятся мне чудесные и страшные сны.

Мы ходим с братишкой по лесу. Вот белка машет нам с ветки рыжим хвостом, а серый зайчишка стоит на задних ногах, перед нами уперся в бока, громко смеется: «А что, не поймали! Удрал от вас! И никто меня не поймает, никого не боюсь...». А грибы, снова грибы... И как их много. И растут, растут уже до пояса нам, обступили и кружатся в хороводе вокруг нас, улыбаются, машут своими шляпками. А маслята поют свою песенку: «Мы самые красивые, самые вкусные!» Вперед выступает гриб-боровик на белой толстой ноге, в белой шляпе и громко говорит: «Нет, я самый вкусный, самый лучший гриб, я царь всех грибов!» И грозно наступает на нас, машет своей шляпой, и нам стало так страшно, так жутко. Бросились вон из лесу, бежим, бежим, и сквозь сон слышу голос отца: «Ребята, пора

вставать, уж солнышко высоко!»

Начинается новый день, полный чудесных впечатлений и радости от труда. Наскоро завтракаем, кладем на плечи свои маленькие косы и важно шагаем за отцом к делянке, начинаем косить траву.

Отец идет впереди, за ним я, за мною братишка. Любуюсь отцом, как под его сильными взмахами косою подрезанная трава покорно ложится ровными рядками за ним, только коса издает мелодичный звук: «Дзинь, дзинь!». А на зеленых рядках, точно красные бусы, разбросана спелая клубника.

Стараемся и мы с братишкой косить, как отец, но косы наши плохо слушаются. Размахнешься — р-р-раз, а коса носком в землю. Размахнешься снова, а коса скользнет поверх травы. Смотрит на нас отец и смеется: «Ох, горе мое, а не косари!» — и начинает показывать, как держать косу, как плавно к земле двигаться. День-два, постепенно науку косьбы осваиваем, только силенок мало, устаем быстро. Да еще эта клубника, так и дразнит, так и манит к себе! Бросаем косы, бежим за лукошком, собираем ягоды, но больше в рот, чем в лукошко.

Самое приятное для меня — маленькими граблями сгребать сено в валки, складывать его в копны, а потом возить в стог. С братишкой верхами на конях мчимся наперегонки: кто первым поведет копну к стогу, тот весь год будет счастливым, везти же последнюю копну считается позорным.

Целый день кипит жаркая работа: надо быстро сложить копны в стог, а то вдруг тучка появится в небе, пойдет дождь и попортит сено, надо спешить. Но вот все копны свезены, стог завершен, и стоит он большой, с нашу избу. А сколько труда вложили в него отец и мать... Видим их радость, радуемся и мы, ведь и наш труд здесь есть.

Сенокос не всегда обходится без приключений, иногда весьма опасных. Однажды с братишкой поехали верхами на конях к колодцу, чтобы напоить их. Колодец на высокой горе. Итак, поднимаемся в гору... Как вдруг из-за кустов кто-то черный, мохнатый и, как медведь, встав на задние лапы, передними замахал и дико по-звериному заревел. Лошади остановились, захрапели и, резко повернув, стрелой помчались вниз с горы. Братишка не удержался и сразу же слетел с коня. Слышу его крик: «Натка, падай, падай, он убьет тебя!» Я ухватилась за гриву руками, стараясь удержаться на лошади, но чувствую и вижу, что лошадь моя мчится далеко впереди, а я лечу, лечу сама. Дух захватывает, страшно и приятно. Лечу по воздуху, сидя на войлоке, как на ковре-самолете, и плавно приземляюсь. Сидела на коне без седла, просто на войлоке, и сильным порывом воздуха от мчавшейся лошади меня снесло, как пушинку (а было-то мне лет 9 тогда), и летела я на войлоке, точно в сказке на ковре-самолете. <...> Глупая шутка злого мальчишки в вывернутой мехом наверх черной

шубе, разыгравшего «медведя», могла окончиться для нас очень печально.

Вспоминаю и второй трагический случай со мною на сенокосе.

Делянка для покоса в тот год досталась отцу на высокой горе и по склону горы переходила в долину. Мне было 13–14 лет, старшие братишки подросли, и работа шла у нас споро. Трава скошена, высохла в валках. Чтобы быстрее ее сгрести, отец одолжил у соседа машинные грабли на высоких колесах, какие и теперь можно встретить в колхозах. Сено собрано, сложено в копны, начали свозить их и укладывать в стог. Стог под горой.

В этот день и мама приехала из дому, чтобы мы поскорее управились с сеном.

Младшие мальчишки верхами на лошадях возили копны к стогу. Около одной копны стояли эти злополучные грабли и мешали подъехать близко к копне. Я взяла за оглобли и потянула грабли от копны вдоль горы, но силы не хватило. Тогда чуть-чуть повернула их вниз по склону и ... они сами покатались с горы. Старалась изо всех сил удержать грабли, но не тут-то было... Чем дальше, тем быстрее и быстрее катятся грабли с горы, а я-то впряглась в них, как лошадка. И вот мчат они меня вниз все сильнее и сильнее, я бегу с невероятной быстротой, еле ноги убираю. Как током пронизало мозг: вот-вот упаду, и грабли завертят меня, как валок сена, железными острыми зубьями заколют и... Конец мне!

Инстинкт самосохранения быстро сработал. Бросив грабли — прыжок вперед, еще прыжок, быстро отскочила в сторону. Грабли с шумом и лязгом пронесли мимо и оглоблями врезались в стог. Я упала на землю и разрыдалась. Отец, стоя внизу около стога, мать и братишки на горе оцепенели от ужаса, наблюдая эту страшную картину... Долго не могли прийти в себя от пережитого. И на этот раз, будучи на волоске от смерти, выскочила невредимой.

«Ну, и счастливая ты, Натка, — из какой беды выскочила... Знать, под счастливой звездой родилась», — говорила мне потом бабушка. И снова рассказала мне про случай с гусями: как они меня маленькую чуть не заклевали до смерти. И про рыжую корову, как она мотала меня на своих рогах.

Да, все это было с маленькой девочкой очень давно, но не забыть мне и теперь.

*Иркутский областной центр документации новейшей истории,
ф. 393. оп. 5, д. 528 (ИОЦДНИ), л. 2—10, 18—20.*

И. К. ЧУВАШЕВА. СЛАВА БОГУ ЗА ВСЁ!²¹

²¹ Мемуары «Слава Богу за все! Воспоминания деревенской учительницы» написаны в ноябре 1915 г. жительницей д. Сеитковой Кошукской волости Туринского уезда Тобольской губ. Публикуемые фрагменты рассказывают о событиях 1898—1900 гг., когда 16—18-летняя учительница, имевшая лишь домашнее образование, работала в церковной школе грамоты д. Сосновка Туринского уезда (ныне Свердловская обл.). Публикуется впервые по тексту подлинной

I

Легко и радостно было мне работать в дорогой Сосновской школе, потому что я была не одна: незабвенный о[тец] заведующий школою, мой руководитель и учитель в школьном деле, ныне покойный, о. Димитрий (мир праху его!) был душой всей школьной жизни, в коей он принимал самое горячее участие, был моим вдохновителем, двигателем на этом поприще. Он для чтений пожертвовал фонарь²², кроме того, он выписывал книги, брошюрки, если находил что в церковной или своей библиотеке подходящее для народа — непременно привозил на чтения, или сам прочитывал, или поручал мне.

Школу он посещал, несмотря на расстояние, не менее раза в неделю, иногда больше.

Если приедет рано, то присутствовал на утренней молитве, наблюдая, как она совершается, после нее прочитывал сам житие дневного святого (12 ежемесячных книг коих, как и многие наглядные пособия для школы, были выписаны непосредственно им же), заставляя учеников кратко рассказать содержание прочитанного. Иногда приезжал днем во время занятия, всегда первым делом спрашивал ребят: чью память сегодня совершаем и кто может рассказать. Занимался во время своих посещений не по одному лишь Закону Божию, а основательно проверял знания учеников по всем предметам, следил за их духовным развитием и, как тонкий психолог, всегда метко определял индивидуальные особенности каждого ученика. Всех их знал по имени, чьи дети (в приходе своем он всех знал от мала до велика), если какого ученика начинали отвлекать от занятия домашними работами, призывал родителей, выяснял, какой они приносят этим вред ребенку.

Уроки батюшка вел занимательно, энергично, живо, объясняя все большею частью наглядно. Ребятенки слушают, затаив дыхание, глаз с него не сводят. Часто предлагал заниматься мне по тому или иному предмету, сам сядет в сторону, следит за ходом урока, по окончании всегда укажет недостатки, как указывал другие слабые стороны преподавания, замеченные им при проверке знаний учеников. Будучи сам по натуре своей очень живым, энергичным, деятельным, требовал и от меня, чтобы я влаживала в урок больше живости, не давала скучать и зевать на уроках детям, всегда помнила, не выпуская ни на минуту из вида, какие передо мной слушатели, что они *дети* и, как голодные птенцы, ждут пищи.

Несмотря на то, что на вид он казался серьезным, строгим, ученики его очень любили. Всегда, как только покажется из-за часовни его буланая лошадка, все повскакают с мест: «Батюшка едет! Батюшка едет!» Захлопают от радости в ладоши, запрыгают на месте или

рукописи, имеющей редакционные пометки, свидетельствующие о подготовке ее к печати. Несколько изменена структура текста: он разбит на более мелкие, чем у автора, части, которым дана новая нумерация.

²² *Фонарь* — здесь — проекционный аппарат для демонстрирования «туманных картин» — иллюстраций во время школьных уроков, вечерних и воскресных просветительных чтений для

чем другим выражают свой бурный восторг, насилу угомонятся к тому моменту, когда он войдет к нам в класс своей быстрой, энергичной, но вместе с тем величавой походкой, начнет заниматься или, выражаясь вернее, беседовать с ними...

Большая часть моих учеников не видали храма, понятие о нем имели лишь по картинкам. Батюшка предложил нам всем приехать к богослужению в село 21-го ноября. Крестьяне охотно дали нам лошадей. Поехали мы 20-го после 12 часов. <...>

Ехали очень весело, мальчики часто высказывались, бегали от кошевы к кошеве, менялись местами, ко мне подбегали, садились на облучки, начинали петь, бежали вперегонку. Дорога прошла для всех нас быстро и незаметно.

Учеников средней группы батюшка пригласил к себе ночевать, потому что они готовились читать в церкви, и батюшка вечером их лично прослушивал. Для остальных учеников вместе со мной батюшка приготовил квартиру в доме одного крестьянина.

Надышавшись днем свежим бодрящим воздухом, крепко спали мои ученики. Сколько раз ночью я всматривалась при слабом свете лампы в их безмятежные, спокойные лица, никакой тревоги и заботы не выражалось на них. Счастливая пора! И сны, вероятно, видели свои — детские, радостные, веселые...

Рано утром поднялись мои ребятки, умылись, причесались, нетерпеливо ждали благовеста.

Пришли к утрени, а ученики среднего отделения уже стоят с батюшкой на клиросе. С любопытством и вместе с тем со страхом осматриваются мои детки в храме. Никогда они не видели такого здания, такого украшения, множества лампад и свеч. Часовня наша бедная, школа помещается в крестьянском доме, а тут все сияет огнями, горит позолотой — иконы, дым кадильный, блестящее одеяние на батюшке и дьяконе... Усердно молятся они в доме Божием.

Девочка средней группы читала посреди храма шестопсалмие, вторая — первый час, а мальчики — один 3-й час, второй — 6-й час. Все читали на середине церкви, недалеко от нас, где стояли рядами остальные ученики.

Во время Божественной литургии и остальные ученики приняли небольшое участие — пели тропарь и кондак праздника, Символ веры, Господню молитву, «Достойно есть», за причастием — 145-й псалом.

После службы батюшка подробнее показал им храм, объяснил некоторые изображения на св[ятых] иконах, всем подарил по местному образку, а чтецам — по небольшой исполненной на металле иконе их тезоименитого святого. Сколько радости и восторга вызвало все это у них!

В зиму мы посещали храм еще несколько раз, выбирая для этого теплую погоду. На второй неделе Св. Великого поста ездили говеть²³. <...>

II

В январе месяце в сумерки после уроков приходят ко мне в школу молодой парень и девушка, на мой вопрос: «По какому делу?» — заявили, что пришли учить молитвы.

— Что вы так вздумали учиться?

— Да мы венчаться на этой неделе собрались, поехали к бабушке благословляться свадьбу заводить, а он спросил нас, знаем ли мы хотя одну молитву, а я и Акулина ни одной оба не знаем, он и говорит: «Так как же вы будете своих детей воспитывать, когда сами ни одной молитвы не знаете? Поучитесь молитвам в школе, тогда и повенчаю». Да вот он тебе расписку послал.

И парень начал искать в карманах «расписку», не найдя — обращается к невесте: «Акулина, где расписка-то?»

— Да ты ее за голенище прятал.

Нашел, подает смятую бумажку, на ней рукою бабушки составлен список, какие нужно выучить молитвы.

— Хорошо, — говорю, — садитесь, буду вас учить.

Сели мои великовозрастные ученики за парту, начали заниматься. Жених уткнул лицо в шапку, невеста стыдливо опустил глаза.

— Ты что же, Елеазар, шапкой-то закрылся, ведь ты ничего не поймешь, — замечаю ему.

— Да мне штыдно!

— Все-таки откройся и повторяй за мной молитву.

Учили с объяснением. Так целую неделю ходили они. Как только ребята из школы, начнет смеркаться, Елеазар и Акулина идут ко мне в школу, садятся за парты, начинают учить молитвы. Акулина понимала лучше, чем Елеазар, а с ним приходилось биться. Потому ли, что ему «штыдно» было, или уже способности такие, не знаю. Через неделю бабушка, отзанимавшись в школе, послал за ними проверить их знания. Вместе с женихом и невестой пришли в школу и их родители. Проверив все выученное, бабушка предлагает все указанное им окончить, тогда обещав и повенчать.

Отец жениха начинает просить: «Бабушка, не май ты их, брось, пусть они не учатся больше, ведь им штыд чистый ходить в школу, как ребятам маленьким».

— Так зачем ты его не учил маленького?

²³ *Говеть* — приготавливаться в течение нескольких дней к таинству причащения, что включает в себя пост, посещение всех храмовых богослужений, домашние молитвы, а также исповедь.

— А не знал, что надо учить.

— Ну вот, он теперь узнает, что учиться непременно нужно, и уж не задержит от школы своих детей.

— Ей-богу, батюшка, сколько будет, всех отдам в школу! — пообещал стыдливый жених.

Дня через три батюшка пообещал приехать, а эти дни предложил еще поучиться. К этому приезду мои «ученики» отличились, выучили все молитвы, некоторые рассказы из Св[ященной] истории.

III

Третий год моего учительства ознаменовался в истории школы важным событием. Проезжая по епархии, посетил наше село ныне покойный епископ Антоний, ревнитель и насадитель церковных школ. Все ученики нашей школы поехали в село встретить архипастыря и получить благословение. Перед приездом его мы собрались в церковь, очень волновались, только батюшка наш был спокоен, рассказывал детям в храме то или другое.

Владыка приехал днем. При встрече пели ученики всех школ в приходе, коих было, кроме Сосновской, еще три — две министерских и одна церковная. Каждая учащая стояла со своими учениками. После молебствия учащиеся подходили к благословию архипастыря. О[тец] Димитрий называл, какой школы ученики. Владыка задавал вопросы по Закону Божию. Дошла очередь и до моей школы. Мы стояли сзади и подошли после всех.

Владыка ласково обратился к Тане Барбашиной, умненькой девочке, спросил ее тропарь праздника Введения во храм Пресвятой Девы. Она прочитала его громко и отчетливо.

— Кого подразумеваем мы в словах: «Радуйся, смотрения Зиждителя исполнения»? — раздается тихий, внятный голос епископа.

— Божию Матерь, — отчетливо отвечает Таня.

Получив одобрение от владыки, она отходит, следующего за ней мальчика он спросил рассказать это событие. Мальчик рассказал.

— Здесь в храме есть изображение Введения во храм Пресвятой Девы? — спросил владыка следующего ученика; тот показал, где оно стоит.

Многих еще спрашивал епископ, некоторых молитвы, некоторых события из Св[ященной] истории Ветхого и Нового Завета. Ученика старшей группы спросил 9-й член Символа веры, с объяснением.

После всех учеников подошла я. Владыка мне сказал что-то такое хорошее, светлое, радостное, что я забыла все свои треволения, заботы, мелочи жизни, сознавая в душе лишь важность того великого дела, участницей коего я имела счастье быть.

После отъезда преосвященного батюшка в память этого события подарил всем ученикам

по книге, оделил гостинцами, поблагодарил их за хорошие ответы. <...>

IV

Проходят в моих воспоминаниях милые лица моих друзей-учеников, моих товарищей по прогулкам. Теперь, по прошествии многих лет, при воспоминании о них сердце наполняется таким хорошим, теплым чувством. Отрадное, светлое, яркое воспоминание! Как же мне было не любить их, когда они с открытой душой шли ко мне, поверяя все свои «секреты».

Помню — раз Ваня с Алешей утром пришли на уроки, переглядываются между собой, на меня взглянут, как будто что сказать хотят: и не смеют, и скрыть не хочется. Класс начинает наполняться, говор, гул, смех, кругом — детский, серебристый. Я сидела у стола. Ваня подошел ко мне, обнял меня за шею и шепчет в самое ухо: «Я вам что скажу, — только Вы никому не говорите! Шли мы вчера с Алексеем из школы, а у Кузьмы в бане в окне стеклышко так и светится, я и говорю: “Алексей, бросим глызкой, попадем или нет?” Так нам стало охота стеклышко это сломать. Алексей взял глызку, бросил и попал самое стеклышко, оно сломалось, а мы испугались и убежали. Только Вы, И. К., ради Христа, никому не говорите!»

Вот в чем и состоял их секрет, которым они поделились мной. Что же я должна была сделать? Если серьезно рассудить — то ведь в них уже начали проявляться хулиганские наклонности, я должна была настоять на том, чтобы они шли к Кузьме, сознались, уплатили за разбитое стекло. Этим они и наказаны были бы, и сильнее почувствовали всю нелепость поступка, и я не была бы их сообщницей в таком некрасивом деле. Но я не сделала так. Пусть меня осуждают — *не могла* так сделать, не хотела, даже мысли в голову не допустила, чтобы выдать их. Если б я поступила так «рассудительно», тогда прощай откровенность! Они тогда еще хуже что могут сделать, разовьются и наклонности хулиганские, но уже не придут ко мне, не обнимут за шею, не шепнут на ушко о своих проделках. Тогда между нами будет стоять преграда, исчезнет откровенность, отношения испортятся. И какой же я им «товарищ» буду, если «выдам» их!

Я ответила Ване на его признание: «Потом, Ваня, об этом поговорим». После занятия в тот же вечер я пошла с ними обоими гулять — никого не взяли, только трое пошли. Во время прогулки они мне сами в мельчайших подробностях рассказали это происшествие, показали разбитое стекло. Я обещала им, что никому не скажу, и убеждала их не делать так больше, не бросать глызы куда попало, а также палки и камни и т. п. Если уж явится неудержимая потребность размахнуться, бросить что, то делать это так, чтобы никому и ничему не принесло вреда.

Несмотря на это мое «укрывательство», из них обоих не вышло хулиганов. Оба они в

настоящее время отбывают воинскую повинность, пишут мне такие славные письма. Мне не пришлось краснеть за своих питомцев, несмотря на такую слабую дисциплину, так как наказания у меня не полагается, не могу я наказывать; если уж кто в чем сильно провинится, то лишь очереди вечеровать в классе со мной. Это для них очень чувствительно, так как нашими вечерами, проведенными вместе, они очень дорожили.

Встречались и такие типы, с которыми много приходилось бороться, трудно было их исправить. Особенно помню двух — Мишу и Леву. Первый был очень способный, но настолько упрямый, что если не захочет что делать, то уж никакими мерами его не принудить к этому. Напр[имер], все пишут, а он положит ручку и не пишет. Настаиваю, чтобы писал, — нет, ляжет на парту — не плачет, а так лежит. Бьюсь, бьюсь с ним, ничего не могу поделать; отойду, не стану, по-видимому, обращать на него внимания, но украдкой наблюдаю — что из него выйдет, а он тоже украдкой начнет на меня поглядывать, всё подольше и подольше. Выжидает, что будет, но я упорно не обращаю на него внимания. Пovyглядывает, возьмется за ручку и начнет работать. Особенно на уроках арифметики он так делал.

Знаю, способный был, ему не стоило большого труда заниматься, но не хотел; какие у него были для этого побуждения — не знаю, душа его для меня, несмотря на все мое старание, осталась тайником. Бывало, сидит в школе с нами вечерком, ребята на перерыве меня спрашивают о том, о другом или рассказывают что, шумно так, откровенно, а он смотрит на нас как-то пытливо, как будто изучает, устремив на нас свои темно-синие глаза, но очень редко примет участие в разговоре, немножко оживится. И как я рада была, когда он присоединялся к нашему разговору!

Свое упрямство он оставил лишь во вторую половину последнего учебного года, когда стал деятельно готовиться к выпускному экзамену. Он был очень самолюбив, я задела у него эту струнку, и таким образом, не желая сдать экзамен хуже других, он бросил упрямство, начал деятельно готовиться к экзамену и сдал его одним из лучших. Но по окончании школы он отошел от меня, не был так близок, как другие. Те хотя и окончат школу, но из нашей семьи не выходили; на уроки, разумеется, не ходили, или [ходили] очень редко, да и то немногие, но чтения посещали исправно, принимали участие в пении и чтении в часовне, нередко приходили сидеть вечерами в школу. Словом, не отдалялись от школы и от меня, лишь отношения наши немного изменялись тем, что они чувствовали себя свободнее, чем раньше.

Да, о Леве еще вспомнила: сердечный был мальчик, смысленый, понятливый, но его неудержимо тянуло на драку. Чуть кто обидит его чем — никакого ответа нет, кроме драки. Вспыльчивый в высшей степени был. Уж я убеждала его, внушала ему, что плохо это, —

соглашается со мной, но в то же время заявляет: «Рад бы я не драться, да никак терпения не хватает. Как обидит, кто — кулаки сами сжимаются, всё забуду, так и тянет драться». Унижения сколько, бедняга, пережил из-за этого. Нередко при всех учениках заставлю его просить прощения у обиженного, — всегда соглашается, помню, даже плакал не раз при этом. Скажет: «Прости меня!» — и сам зальется слезами, а случится, кто обидит его, — опять кулаки в ход пошли. <...>

V

У нас как-то так устроилось, что ребята писали мне письма, я была очень довольна этим, так как в письмах они свободнее высказывали свои мысли и даже то, чем они мною недовольны.

Я поощряла их к такой откровенности, никогда не высказывала недовольствия, если что и неприятное напишут мне. Лучше проверишь себя, разберешься, одумаешься, и если они в чем ошибаются — я объясню им, если они правы — тоже не скрою этого от них.

Некоторые из писем сохранились у меня до сих пор, очень жалею, что не все. Привожу целиком дословно их записки, исправив лишь ошибки.

Письмо Степы. «Здравствуйте, дорогая моя учительница И. К. Я Вам посылаю поклон. Вы не ездите летом домой, будем гулять, как вы здесь будете, а если уедете домой, то нам скучно будет страсть. Пожалуйста, не ездите! Будем мы плакать. Научился бы я хорошо задачи решать — поставил бы пяташную свечку, Бога поблагодарил, а то я не умею решать. Я молюсь каждый вечер, все прошу Бога научить меня, может и научусь. Вот еще что я сказал бы Вам, — поди, не поглянется это, — домой-то я пришел, да Демку (младшего братишку) хотел бить. Он за мной побежал, книгу просит, я не даю, он меня царапать начал по губе, я заплакал, осердился, побежал бить его. Бабушка не дает, потом я его все-таки треснул, он залез за печку и ревет. Мне купили сапоги, давали 4 рубля. До свидания! Я Вам еще стишок спишу тут же, вот он:

Учительнице

*Из пышного дома, от знатной родни
Ты вышла на скорбную ниву,
Решив невозвратные юности дни
Отдать неземному порыву.*

*В селении бедном, в далекой глуши,
Крестьянских детей ты учила,
Всю силу великую бодрой души
Ты в дело свое положила.*

*Ты светом науки, души теплотой
Крестьян просвещала и грела.
Любила ты всех их любовью святой,
За долю их сердцем болела».*

К стыду своему, должна сознаться, что не знаю, чье это стихотворение, откуда он его взял, но оно тронуло меня. Значит, милый мальчик думал обо мне, хотел сделать мне приятное, выбрал и написал это стихотворение. Только ко мне оно мало применимо: не «из пышного дома» и не «от знатной родни» вышла на дорогу учительства, а из такой же крестьянской семьи, из того же народа, и вышла я не на «скорбную ниву», — нет, скорбной она для меня не была, эта нива, пока я жила в Сосновке. Там я пережила так много счастливых, отрадных минут, какие уже не повторятся. И не трудно мне было там дорогое учительство, все было дорого, все любимо.

Письмо Ионы по окончании им курса. «Здравствуйте, милая моя И. К.! Посылаю я Вам свое почтение и с любовью низкий поклон. Благодарю Вас за Вашу карточку и уведомляю: тятя что-то захворал, присягу в волости еще не принял²⁴. Я собирался в воскресенье идти в часовню часы читать, никак не мог — по солому ездил, воды привез, коней напоил, все один. Может, Вы гулять пойдете и попроведаете тятю? Остаюсь жив и здоров, того и Вам желаю, Ваш ученик, любящий Вас Иона Коркин. Извините, я карандашом написал, чернил нет».

Писали они мне и коллективные письма, если им нужно было сообща высказать мне что-нибудь важное. Вот одно из них. Оно не случайно сохранилось у меня, а я нарочно храню его и даже временами перечитываю. <...> Когда пошли из школы совсем, Киприан сунул мне в руку мелко сложенный лист бумаги и бросился бежать, за ним поспешили и Алексей с Ионой. Отпустила всех учеников, начала читать, — чувствую, что краснею, сердце сильнее бьется, и думаю: «Господи! Вот где беда-то! Как же я завтра взгляну на них?»

Вот оно, их письмо: «Письмо от Алексея Барбашина, Киприана Бадина, Ионы Коркина. Здравствуйте, дорогая наша учительница И. К.! Не гневайтесь Вы на нас за наше письмо, а больше мы терпеть не можем, тяжело нашему сердцу. <...> Мы думали, что Вы нас любите, а Вы уже не любите больше нас, а барина любите²⁵. Ради Христа, не ходите Вы с ним гулять, в школу нашу тоже его не пускайте. Мы писали это письмо и все трое плакали, нам жалко Вас, Вы нас не любите уж. Мы ведь видим: любили когда нас, так вечером-то с нами были, ни с

²⁴ *Присягу в волости еще не принял* — в данном случае — не приступил официально к исполнению выборной должности волостного старшины, члена волостного суда или сельского старосты.

²⁵ *Барина любите* — речь идет о дружбе учительницы с молодым медицинским работником, прибывшим в деревню для борьбы с эпидемией брюшного тифа, по-видимому, из Туринска.

кем не гуляли. Ребята младшие ничего не знают, что они и понимают! Задачи мы решили, а стих потому и не выучили, что сговорились Вам письмо писать. Вы, поди, шибко на нас осердитесь, боимся страсть как. Писал Киприан дома в горнице, и Алексей с Ионой тут же были. Письмо это Вам от всех троих».

<...> Разумеется, я не «прогневалась» на них, но письмо это в высшей степени поразило меня: какие чуткие они, и как осторожно нужно жить, внимательно относиться к себе и своим поступкам. Тут же я пришла к решению, которое и написала на полях их письма себе для памяти: «Вы правы... *Кроме вас, дети, я никого не должна любить!* Так оно и будет!»

*Российский государственный исторический архив,
ф. 834, оп. 4, д. 1175, л. 58—74, 92—110.*

СВЕДЕНИЯ ПО БОРЬБЕ С ХУЛИГАНСТВОМ.

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА ОБЩЕГО ПРИСУТСТВИЯ ИРКУТСКОГО ГУБЕРНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ОТДЕЛЕНИЮ, 1 ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ

от 19 декабря 1912 г., № 1041²⁶

По циркуляру министра внутренних дел от 18-го июля с. г. за № 42 по вопросу о принятии мер против развивающегося хулиганства были собраны через крестьянских начальников и заведующих переселенческими подрайонами Иркутской губернии сведения и заключения, сущность которых приводится ниже в порядке предложенных в циркуляре вопросов и заключается в следующем:

1. Проявление хулиганства замечается почти во всех селениях Иркутской губернии, особенно близ г. Иркутска и линии железной дороги.

2. Хулиганство проявляется главным образом в хождении по улицам в пьяном виде с пением непристойных песен и сквернословием; в ссорах, драках, нанесении ран; оскорблении словами и действием проходящих; вымогательстве, а иногда и отнятии денег на покупку вина; в разбитии стекол в окнах, поломке изгородей, вырывании овощей в огородах; поджогах стогов сена и хлеба; в мазании дегтем ворот и домов, что считается позорным для живущих там женщин и девиц; в глумлении над инородцами (бурятами) и т. п. Действия хулиганов организованными шайками не замечается, но случаи проявления хулиганства группами наблюдаются.

3. Появилось хулиганство в сельских местностях лет 10—15 тому назад. Уменьшения его не замечается.

²⁶ Документ составлен на основе рапортов крестьянских начальников и заведующих переселенческими подрайонами, где учтены отзывы волостных правлений и сельских крестьянских

4. Развитию хулиганства очень способствует торговля спиртными напитками вообще и беспатентная продажа, в частности. Больше всего имеет значение в этом отношении падение нравов в деревне. Неуважение старших, непочтение к родителям, ослабление религиозного чувства, отсутствие нравственных устоев создают благоприятную почву для развития хулиганства.

5. Хуторского расселения в губернии почти еще нет. Влияния переселения в данном отношении не заметно.

6. Хулиганство распространено главным образом среди молодежи и в возрасте от 15 до 25 лет, хотя встречаются и хулиганы зрелых лет. Степень состоятельности в данном отношении имеет мало значения, но можно сказать, что более склонны к хулиганству лица, занимающиеся не земледелием, а сторонними заработками, которые, будучи случайными, вообще меньше обеспечивают материальное благосостояние, чем сельское хозяйство. Кроме того, на лиц, имеющих заработки на стороне, например, на приисках, развращающе действует и среда.

У инородцев-бурят хулиганство развито меньше, чем среди коренного русского населения; у бродячих инородцев его совсем не замечается. Несомненно, оказывает влияние на развитие этого порока значительное количество ссыльнопоселенцев в губернии. Профессиональные деревенские хулиганы встречаются, хотя [и] редко.

7. Случаев самосуда над хулиганами не наблюдалось; к высылке хулиганов в порядке 205 ст. Уст[ава] о пред[упреждении] и прес[ечении] прест[уплений]²⁷ крестьянские общества прибегают в том случае, если порочные лица, кроме хулиганства, проявляют стремление к краже, к мести посредством поджогов и т. п. Должностные лица сельского и волостного управления, боясь мести со стороны хулиганов, редко пользуются по отношению к последним правом наложения административных взысканий. Волостные суды, ввиду значительной величины волостей и разбросанности населения, часто не имеют возможности рассматривать дела о хулиганах немедленно, по обнаружении проступка; обычной мерой наказания хулиганов является семидневный арест. Мирowych судей в губернии недостаточно, дел у них много, и поэтому быстро оканчивать их судьи не имеют возможности. Сельская полиция в лице сотских и десятских обычно не проявляет энергии в борьбе с хулиганами,

сходов. Печатается впервые по машинописному оригиналу.

²⁷ Статья 205 «Устава...» позволяла мирским обществам «представлять сельских обывателей и сельских обывательниц дурного поведения в распоряжение правительства». Они затем высылались в Сибирь, а жители Сибири — в наиболее отдаленные места этого региона. Приговоры сходов о высылке не могли касаться несовершеннолетних (до 21 года) и лиц старше 60 лет, а также одержимых болезнями и телесными недостатками, препятствующими следованию в ссылку. Право высылки было ограничено в отношении отставных солдат, уволенных со службы «по неспособности», и казаков.

опасаясь мести. Крестьянские начальники могут оказывать воздействие на хулиганов только путем применения 445 ст. Пол[ожения о] уст[ановлениях] кр[естьянских]²⁸, что возможно лишь при непосредственно усмотренном ими проявлении бесчинства; применение указанной ст[атьи] встречается редко.

8. Заметного участия в борьбе с хулиганством со стороны сельского духовенства не наблюдается. Школа также не имеет в этом отношении серьезного значения, потому что дети большую часть года проводят вне школьной среды, что часто подавляет в них те добрые семена, которые вкладываются школой.

9. Местные деятели в лице крестьянских начальников для борьбы с хулиганством предлагают следующие меры: а) увеличение числа чинов полиции, с учреждением взамен десятских и сотских полицейских стражников; б) усиление меры наказаний за хулиганство, с предоставлением разбора этих дел или мировым установлениям, или крестьянским начальникам и с требованием от судей быстроты разбора дел и немедленного исполнения распоряжений; в) увеличение дисциплинарной власти волостных старшин и сельских старост; г) установление наказаний за появление на улицах в пьяном виде; д) усиление надзора за беспатентной торговлей вином и увеличение за таковую торговлю наказаний; е) организацию разумных развлечений, которые служили бы к облагораживанию нравов, устройство библиотек и читален; ж) учреждение обществ трезвости, дешевых чайных и т. п.; з) воспитание и образование юношества путем введения всеобщего обучения; и) проповеди священников и і) прекращение ссылки в Иркутскую губернию.

Обсудив доложенное, Общее присутствие Губернского управления нашло, что проектируемые крестьянскими начальниками меры, указанные в пунктах а, б, г, д, е, ж, з, и, і § 9 доклада, являются весьма желательными. Сверх того, Присутствие признало необходимым более точно определить понятие хулиганства, перечислив те проступки, которые подходят под это понятие, и установить наказание специально за хулиганство не ниже тюремного заключения. В числе мер борьбы с пьянством, неразрывно связанным с хулиганством, следовало бы включить, по мнению Присутствия, сокращение мест продажи водки. Предоставление же волостным старшинам и сельским старостам большей дисциплинарной власти, по мнению Присутствия, нецелесообразно, так как, с одной стороны, предоставление слишком значительной власти мало развитым крестьянским

²⁸ Статья 445 «Положения о крестьянских установлениях» предоставляла чиновникам по крестьянским делам в случаях «нарушения общественной тишины (посредством ссоры, драки или иного буйства)», грубости к властям, неисполнения законных требований властей со стороны лиц, подведомственных крестьянским или «инородческим» управлениям, следующие права: или распорядиться о привлечении виновных к ответственности «в общеустановленном порядке» по решению волостного суда и т. д., или «собственною властью, без формального производства» подвергнуть их аресту на срок не более трех дней, либо денежному штрафу не свыше 15 руб.

должностным лицам вызывает опасение возможности злоупотребления ею, а, с другой стороны, если теперь сельские должностные лица часто не применяют свою власть в борьбе с хулиганством, боясь мести, то и увеличение ее не изменит этого условия. Меры, перечисленные выше в пунктах е—и, как клонящиеся к просвещению и улучшению нравов населения вообще, являются, по мнению Присутствия, наиболее желательными.

Об изложенном Общее присутствие определяет представить в Министерство внутренних дел, вследствие циркуляра от 18-го июля с. г. за № 42.

[Подписи исполняющего делами губернатора, вице-губернатора А. Римского-Корсакова, а также заместителя управляющего казенной палатой, заместителя начальника управления земледелия и государственных имуществ, прокурора окружного суда, двух непременных членов общего присутствия губернского управления].

*Государственный архив Иркутской области,
ф. 32, оп. 4, д. 137, л. 138—139 об.*

Часть вторая

ПРИБОЩЕНИЕ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ К ГРАМОТЕ

Ш-В. СИБИРСКИЙ СТРАНСТВУЮЩИЙ УЧИТЕЛЬ²⁹

Стремление к грамотности в среде сибирского крестьянства заметно усиливается ... хотя процент грамотных весьма еще мал, и много, очень много нужно сделать, чтобы поднять народное образование до надлежащей высоты. Такое стремление проявляется не столько в заведении новых школ и увеличении числа учащихся в существующих, сколько в большем распространении домашнего обучения грамоте.

На поприще научения грамоте сельского населения Сибири сыздавна работали две силы: училища, число которых пока очень ограничено, и странствующий домашний учитель; не обинуясь, можно сказать, что из числа всех грамотных крестьян на долю училища падает не более четвертой части, остальные три части обязаны своей грамотностью домашнему обучению. Еще раньше устройства школ в сибирских селениях появился здесь странствующий учитель как насадитель грамотности и с большим или меньшим успехом продолжает действовать до сих пор в лице уже целых сотен личностей, рассеянных по селам и деревням Сибири.

Кто же этот насадитель грамотности между крестьянами, трудящийся уже другую сотню лет, не стусевавшийся в последующие времена, когда стали устраиваться настоящие школы, и удачно конкурирующий с учителями-специалистами и в селениях подгородных, людно населенных, бок о бок с училищем, и в отдаленных захолустных небольших деревушках, и в заимках в 2—5 домов, и в инородческих улусах вследствие везде возникающего спроса на его труды? Это человек ссыльный, невольный населенник Сибири, попавший сюда справедливо или несправедливо, за преступные ли деяния, за увлечения ли страстями, или просто укрывшийся от преследующих его невзгод житейских ... от семейных неурядиц и т. д.

Сибирское население легко примиряется с ссыльным, зарекомендовавшим себя с хорошей стороны. Оно охотно впускает его в свою среду в качестве пахаря и хозяина, торгаша, мастерового, сидельца, писаря, богомаза и — учителя, если только этот поселюга ведет себя честно и трудится.

Относительно учителя требования крестьянина невелики: уменье научить читать и подписывать свое имя. <...> Грамотный — значит, может и других научить грамоте, и ладно. Большинство крестьян еще не мечтает видеть в своих детях образованных людей, могущих

²⁹ Полное имя автора не установлено. Возможно, это И. Г. Шешунов — учитель, юрист, редактор газеты «Восточное обозрение» в 1890-х гг. Печатается по газетному тексту.

выдвинутся из своего сословия в другие слои, да и не желает этого. Обучая своих детей грамоте, они преследуют чисто практическую цель, чтобы человек не был «темным», как называют себя неграмотные крестьяне. Не спрашивая много от грамотности, вместе с тем крестьяне ставят неперемнным условием ... чтобы обучение шло как можно скорее, стоило возможно дешевле.

Странствующий учитель как раз удовлетворяет этим условиям.

Он неприхотлив, нетребователен, довольствуется грошевою платою, мирится со всякою обстановкою своей школы и своего житья, свыкается с крестьянским обществом, заводит с ним приязнь, дружбу, случается — родство, и крестьяне зачастую видят в нем человека, нужного им не только как учитель, но и по другим надобностям: подсчитать какой-либо счет, рассчитаться с работником, прочесть, написать письмо, посоветоваться о тяжбах, написать условие, просьбу, смекнуть по рубежам о магазинах³⁰, узнать день именин, даже прочесть Псалтырь по покойнику, — к кому обратиться, как не к учителю, где нет писаря, да где и есть, скорее обратятся к первому, чем к последнему.

Учитель официальной школы — чиновник в глазах крестьянства ... он чужой крестьянству. <...> Домашний учитель занимается с ребятами от утра до вечера и в то же время не мешает и домашним работам этих ребят, когда они неотложны; даже сам помогает им. <...> Странствующий учитель нередко составляет себе такую репутацию, что его зовут на расхват многие деревни, а затем долго поминают, когда и кости его сгниют в земле. <...>

В домашних школах обыкновенно бывает от 3 до 10 учеников, большее число лишь в немногих селениях, плата от 50 коп. до 1 руб. в месяц, кое-где платят по 2 руб. с мальчика; зависит это от того, где больше находится лиц, предлагающих учительствовать. Содержание и квартира даются готовые понедельно в семьях учеников... Женатые, не желающие пользоваться содержанием понедельно, получают по $\frac{1}{2}$ —1 п[уду] в месяц муки, несколько мяса и проч[их] продуктов. Живет учитель или в семьях учеников, или в особой избе, где помещается школа; тогда он должен быть и ее истопником.

Ученье продолжается 6—7 месяцев, затем приходится искать других средств к жизни. Иные состоятельные крестьяне учат детей целый год, не отвлекая их на полевые работы, и учитель остается на лето при одном-трех учениках, лишь бы прокормиться; у иных дети по малолетству пригодны к одной бороньбе и только на то время прекращают ученье. Вообще число учеников с мая остается ничтожное, так как крестьяне дорожат работою своих детей-подростков, годных для сельских работ, для полотья огородов, ухода за младенцами и т. п.

³⁰ *Смекнуть по рубежам о магазинах* — подсчитать количество хлеба, сданного крестьянами и хранящегося в общественном складе (хлебозапасном магазине), выдаваемого оттуда нуждающимся членам сельского общества. Учет велся неграмотными сельчанами с помощью особых деревянных планок с нарезками — рубежей, бирок.

В других случаях учителя, если знают какое-либо мастерство, занимаются лето этим мастерством, что делают отчасти и при учительстве; в селениях, где сельские управы, учителя зачастую помогают писарям по письмоводству; умеющие косить и жать нанимаются на сенокос и страду... Есть селения, где дорожат хорошим учителем, и во время лета, если и нет ни одного ученика, дают ему содержание, и в таких местах один и тот же учитель живет по 5—10 лет; но немалая часть учителей летом более странствует, ища подходящих занятий, терпя лишения и недостатки.

Настает осень, и снова в сотнях деревень возникают школы. Чем благоприятнее был урожай, тем более возникает спрос на учителей, плох урожай — и число желающих учиться гораздо меньше. Экономический достаток населения, обусловливаемый годовою производительностью земледелия и прочих крестьянских производств, служит регулятором большего или меньшего числа учащихся в домашних школах в тот или иной год.

Обстановка школ, разумеется, весьма проста и нисколько не приспособлена к своему назначению; тут немислимы какие-либо требования школьных удобств. Вообще школа помещается в небольшой избе с невзрачной обстановкою, случается — холодной, угарной; если же в ней достаточно тепло, светло, имеется не расшатавшийся стол, лавки, скамья, то это уже верх удобства. Избы для помещения школы нанимаются родителями учеников, когда у них нет своих отдельных изб; когда же имеются, тогда учение производится в них поочередно у каждого ученика; в последнем случае помещение бывает удобнее. Случается, что дети [по] два-три человека учатся в тех же избах, где живет семья, когда она немногочисленна, и нет расчета нанимать отдельную квартиру.

Школьных порядков тут тоже не ищите; устанавливают их [лишь] некоторые учителя. Обыкновенный порядок занятий в школе: от раннего утра до заката солнца, с перерывами на время обеда, паужина и в весенние месяцы (и летом, если учат) отдых на час после обеда. Во время занятий понимающие учителя дают отдых при перемене уроков на 10—15 минут и занимают учеников устным преподаванием. Усидчивые занятия в школе крестьяне весьма любят и не жалеют детей, обреченных сидеть в школе день целый.

Хотя отцы и предлагают всегда учителям прибегать к мерам строгости с детьми — розгам, зато матери недолюбливают этого, а голос их в семье многозначителен, потому такая мера почти не практикуется; единственные меры взыскания: дранье за уши и за волосы, удары по голове, постановка на колени, оставление без обеда. Для учителя много значит, если в числе его учеников есть дети людей понимающих, грамотных: хорошо отзываются они об успехах учения, тогда и прочие крестьяне убеждаются в успешности преподавания.

Образовательные пособия в школах ничтожны, на этот счет родители учащихся очень скупы. Азбуки, в большинстве [своем] московских изданий, Псалтирь или Часослов,

грифельная доска, счеты, бумага и перо — вот весь инвентарь учебных пособий в школах. В немногих встречаются: «Родное слово»³¹, «Настав[ления] в прав[ославной] вере» Соколова, «Арифметика» и только; прописей употребляют мало, более пишут с рукописных прописей учителей.

Предметами преподавания служат: чтение гражданское и церковное, письмо, счет на бумаге или доске и на счетах, заучивание наизусть молитв и Священной истории, без объяснения смысла; в этом согласуются с требованием родителей: они желают, чтобы в школе дети единственно читали, писали, считали, тратить время на устные занятия с учениками, разъясняя им о научных предметах, — совсем не стоит; самое «Родное слово» проходится только как книга для чтения, без вопросов по ней. Налегая на сказанные предметы, учителя, действительно, за одну зиму достигают значительных успехов.

В умственном отношении сибирские крестьяне-грамотеи, где бы они ни получили свое «образование», почти нисколько не отличаются от своих безграмотных собратьев: те же предрассудки, те же скудные знания, и тот же уровень нравственности, и те же смутные религиозные представления.

Сельское население довольствуется системою домашнего образования детей и предпочитает его школьному, несмотря на то, что при первом оно все-таки несет особые расходы, обязательно платит и на официальные школы. Таким образом, институт странствующих учителей более процветает, а влечение к правильным школам замечается не очень большое, хотя первый в продолжение своего существования претерпевал немало гонений и запрещений. Бывали предписания не допускать ссыльным учительства, старательное местное начальство строго исполняло их; иной писарек, разгоняя школу, еще грозил родителям учеников ответственностью за наем такого учителя. Но и при таком положении дела крестьяне ухитрялись учить детей дома; учителя слыли фиктивными работниками, дети из других семейств приходили в дом, где жил учитель, как в гости; при посещении селения начальством тайная школа распускалась, о ней боялись тогда и упоминать.

Предпочтение домашних учителей официальным школам объясняется большею частью экономическими соображениями: во-1-х, продолжительностью учения в школе, требованием регулярного, ежедневного посещения школы учениками и, наконец, малоуспешностью обучения после 2—3-летнего посещения школы; во-2-х, дорогою стоимостью содержания детей, если они из других селений; в селениях, где [имеются] училища, дети еще учатся в

³¹ «Родное слово» — знаменитая книга для начальной народной школы, составленная К. Д. Ушинским. Включает азбуку-букварь, первую и вторую после азбуки книги для чтения, первоначальную практическую грамматику. См. новейшее переиздание: *Ушинский К. Д. Родное слово: Книга для детей и родителей.* Новосибирск, 1994.

них, но нередко примеры, что и в таких селениях учат домашние учителя. Замечательно, что домашнее учение вместо школьного предпочитается в селениях не одними крестьянами, но и лицами, более их образованными: дети торговцев, писарей, поляков³², даже духовных во множестве учатся в домашних школах, тогда как средства родителей позволяли бы поместить их в официальные училища.

При всем искреннем желании большего увеличения школ приходских, содержимых обществами, и церковно-приходских, а также увеличения сочувствия и влечения к ним в среде сельского населения, в настоящее время не приходится, в видах усиления грамотности в народе, пренебрегать и домашним обучением. <...> Пусть сперва дети крестьян научатся грамоте от кого бы то ни было. С поднятием уровня общего образования народа само собой возникнет стремление к школам высшего порядка, что замечается отчасти и теперь, но еще в самых скромных размерах.

А потому повторяем, что брезговать домашними школами не приходится. Следует только принять меры к более успешному и рациональному ведению дела, поставив эти школы под разумный контроль. При указании более правильных методов обучения и обращения с детьми, при снабжении этих школ учебными пособиями они были бы в состоянии сослужить полезную службу без особого обременения крестьян взносами на дорогие школьные здания и дорогих учителей.

Сибирь. 1887. 7 июня. С. 13—14.

Б. И. СЦИБОРСКИЙ. ОТЧЕТ О СОСТОЯНИИ СЕЛЬСКИХ УЧИЛИЩ В ТОБОЛЬСКОЙ И ТОМСКОЙ ГУБЕРНИЯХ³³

<...> Состояние осмотренных сельских училищ в Тобольской и Томской губерниях представляется в следующем виде.

Успехи учащихся в большинстве училищ удовлетворительны, в некоторых даже отличные по всем предметам; плохие школы оказываются редким исключением и притом явлением временным в зависимости от случайных обстоятельств, которые при первой возможности вполне устраняются. Дети в 3 года при средних способностях вообще успешно

³² *Поляки* — здесь, по-видимому, ссыльные участники восстания в Польше, Литве и Белоруссии 1863 г.

³³ Автор — статский советник, бывший директор училищ Акмолинской и Семипалатинской областей, затем — Томской губ., директор Череповецкой учительской семинарии. Публикуются впервые отрывки из отчета о ревизии начальных сельских (приходских) училищ Западно-Сибирского учебного округа, проведенной в 1893 г. по поручению Министерства народного просвещения. Рукопись, подлинник. Изменена структура текста: материал по округам вынесен в конец. Опущены некоторые примечания.

проходят курс положенных учебных предметов, равный курсу городских приходских училищ.

Как учреждения, вызванные жизненными потребностями населения и по силе возможности удовлетворяющие таковым, и как довольно окрепшие в известном определенном направлении, сельские школы пользуются сочувствием и доверием крестьян, что доказывается как значительным количеством учащихся в большинстве их, так и усиленным содержанием, выдаваемым учащим многими сельскими обществами. Конечно, городские приходские училища того же типа ... гораздо лучше обставлены, и учение их идет гораздо успешнее, чем в сельских, но это объясняется как большею материальною обеспеченностью городского населения и лучшим составом учителей, так и большим надзором со стороны инспекции училищ. Тем не менее, и последние, несмотря на разнообразные и довольно многочисленные внешние обстоятельства, иногда задерживающие успешность обучения, заключают в себе достаточно нравственных сил и необходимых условий для дальнейшего развития и совершенствования.

Для усвоения сельской школой религиозно-нравственного направления и народных коренных государственных начал Министерство народного просвещения ... располагает достаточными нравственными и материальными средствами, а также специальными органами, а потому все его благодетельные распоряжения относительно устройства сельской школы в Сибири, насколько это от него зависело, внесли в ее жизнь несомненные улучшения. Не говоря уже о введении в народные училища программ, вполне соответствующих требованиям педагогики и условиям элементарного обучения³⁴, оно озаботилось учреждением учебных заведений, специально назначенных для приготовления учителей и учительниц начальных училищ, каковы Омская учительская семинария и педагогические классы при женских гимназиях...

Поэтому-то в настоящее время (не так, как прежде) в педагогическом персонале сельских школ встречаются люди энергические, хорошо подготовленные и основательно знающие свое дело, усердно, охотно и с любовью занимающиеся, не только не жалеющие своего труда, но даже не щадящие и своего здоровья, таких учителей и учительниц дело идет живо, успешно, и в же время во всем соблюдается должный порядок; количество ведений, сообщаемых ими учащимся, довольно значительно и разнообразно, и познания, приобретаемые ими, отличаются основательностью и прочностью.

Но среди таких способных и полезных тружеников на обширной ниве народного образования встречается немало посредственных и даже слабых. К последним большею частью принадлежат учительницы из учениц женских трехклассных прогимназий, курс

которых весьма ограничен и недостаточен для того, чтобы дать им возможность к дальнейшему самообразованию и совершенствованию в деле обучения; они обыкновенно ведут дело рутинно, как сами механически научились во время своих практических полугодичных занятий при подготовке к званию учительницы, и редко стремятся к улучшению учебного дела. <...>

Обстоятельство это имеет весьма важное значение для установления сочувственного отношения сельского населения к школе, так как отношение это находится в прямой зависимости от того, насколько школа хорошо или дурно поставлена, ибо с уверенностью можно сказать, что среди крестьян установился уже ясный взгляд на пользу обучения вообще, а потому только хорошо поставленная школа может пользоваться полным сочувствием населения. Иначе сказать, доверие выпадает на долю не школы, а учителя, в особенности долго прослужившего в ней. Для доказательства этого можно привлечь массу несомненных актов.

Так, например, в с. Кутаговском (Каинского округа) несколько лет служила учительницей при Каинской прогимназии некая Булгакова, малоспособная и нерадивая при исполнении своих обязанностей, вследствие чего несколько лет не было выпуска учеников, и число учащихся понизилось до 7—9 человек. Когда же 27 ноября 1892 года вместо Булгаковой была назначена Семенова, способная и старательная учительница, энергически взявшаяся за дело, то крестьяне сразу оценили ее, число учащихся при самом начале ее занятий возросло до 27 (в том числе 7 девочек), результаты обучения получились прекрасные, и в этом году уже окончили курс два мальчика. Словом, причина упадка школы — плохой учитель, причина улучшения школы — хороший учитель; следовательно, чтобы поднять народное образование в Сибири, следует дать школам хороших учителей.

Нельзя умолчать об одном грустном явлении в школе — это о слабых успехах во многих училищах по самому главному предмету школьного обучения, именно по Закону Божию. По внимательному рассмотрению причин такой безуспешности оказывается, что она зависит: 1) от значительного пропуска уроков законоучителями, 2) от плохой педагогической подготовки некоторых из них и 3) от чисто формального отношения многих из них к делу преподавания.

Обремененные многочисленными требоисправлениями в обширных приходах, раскинутых часто на огромные расстояния, законоучители решительно не могут исправно посещать школу и давать определенное количество уроков. <...> Конечно, уклонение священников от преподавания в школе делает последнюю до некоторой степени ненормальной. По самому характеру сельской школы священник, принимающий к сердцу ее

³⁴ Имеется в виду «Положение о начальных народных училищах» 1874 г.

преуспеяние, проявляет в ней круг деятельности более широкий, чем только преподавание Закона Божия: он нравственно может оказывать благотворное влияние и на все прочие отрасли преподавания, указав, например, на значение труда и образования с христианской точки зрения, и тем самым может придать громадную силу даже и тем элементарным сведениям, какие в школе сообщаются. Но для этого необходимо, чтобы сам законоучитель был проникнут истинно христианскою любовью к своему великому делу.

Но насколько благотворно сердечное отношение законоучителя к школе, настолько же сильное влияние на безуспешность преподавания Закона Божия оказывает плохая педагогическая подготовка некоторых законоучителей. Не говоря уже о том, что некоторые из них не могут внести «душу живу» в преподавание предмета такой высокой важности, у таких еще недостает самого обыкновенного педагогического такта. Так, например, у таких законоучителей ответы учеников ведутся обыкновенно таким образом: как только ученик начал отвечать, законоучитель не может удержаться, чтобы не повторять за ним вслух, и в том месте рассказа, где, по его мнению, сказано было мало, добавляет от себя. Понятно, ученик, обратив внимание на речь законоучителя, теряет нить рассказа, и некоторое время стоит, припоминая. Законоучитель же, не выждав продолжения ответа, находит нужным поддержать ученика и подсказывает ему следующую фразу, выпустив последнее слово; это окончательно сбивает ученика с толку и дальнейший рассказ ведется законоучителем со вставкой лишь некоторых слов учеником. Подобный способ преподавания до того отучает учеников от самостоятельности, что большинство из них не может вести самого простого рассказа без подсказываний.

Формально относящиеся к своим обязанностям законоучители обыкновенно задают по Закону Божию на дом урок без всяких объяснений, который и заучивается учениками без всякого понимания, вследствие чего знания по этому предмету весьма невелики. <...> Такой пробел в курсе сельской школы почти везде пополняется учителями и учительницами и весьма часто очень успешно.

С учреждением Западно-Сибирского учебного округа³⁵ на сельские училища в Сибири обращено серьезное внимание, почему и самые результаты обучения в школах значительно улучшились: за последнее десятилетие окончивших курс в сельских училищах с правом на льготу 4-го разряда³⁶ по некоторым округам можно считать уже сотнями, между тем как раньше число таковых было очень незначительное. С этого же времени распоряжениями окружного начальства установлена подробная и правильная ежегодная отчетность по обозрению сельских училищ, что заставило смотрителей возможно чаще и подробнее

³⁵ Западно-Сибирский учебный округ был учрежден в 1885 г.

³⁶ Юноши, успешно окончившие полный курс в начальных училищах, имели право на сокращение

производить ревизию этих училищ, а разрешение отпускать зрителям в дополнение к разъездным суточные дало им возможность вполне добросовестно и обстоятельно выполнить упомянутые требования со стороны учебного начальства.

Из указаний на то, какие Министерство народного просвещения и местная учебная администрация прилагали усилия для улучшения сельской школы в Западной Сибири, еще нельзя вывести заключение, что таковые безусловно хороши во всех отношениях.

Как выше изложено было, в ведении директоров и смотрителей училищ находится только учебная часть сельских школ, административная же и хозяйственная находятся вне сферы их влияния. Вот в этом-то именно отношении и проявляются в иных случаях даже крупные недостатки, которые иногда чувствительным образом отражаются и на учебной части, так как все три стороны школьной жизни весьма тесно связаны между собой. <...>

Как в Тобольской, так и в Томской губернии административная часть сельских училищ находится в ведении губернаторов, но в действительности делом этим заведывают столоначальники Общего губернского присутствия, совершенно индифферентно относящиеся к интересам школы. При этом ими практикуется очередной порядок назначения по списку кандидатов, подавших прошение. Кандидаты эти обыкновенно получают документы обратно и располагают своей судьбой как угодно, не давая знать губернатору ни о перемене места жительства, ни о поступлении в другое ведомство, которое исключает учительство. В силу этого при открытии вакансии кандидаты разыскиваются чуть ни по всей Сибири (назначались служащие уже в других ведомствах и даже умершие), на что тратится много времени, а училища остаются без учителей по нескольку месяцев, даже до году. Такой порядок замещения ... вредно отзываясь на успехах учеников, роняет школу в глазах населения. Так, например, в Тагановском училище (Каинского округа), открытом в 1887 году, где переменялось уже 5 учительниц, причем иногда школа по нескольку месяцев оставалась без учительницы, в настоящее время всего 3 ученика. <...>

Тот же ненормальный порядок в администрации наносит большой ущерб сельской школе и в снабжении ее учебными пособиями и книгами. При осмотре училищ везде было обращено внимание и на состояние школьных библиотек, причем оказалось, что почти все они составлялись более или менее случайно и по своему составу не приурочены к потребностям правильно организованных училищ.

К сожалению, в этом отношении замечается полное отсутствие всякой системы. Выписка книг и рассылка их по училищам раньше поручена была земским полицейским управлениям, которые выполняли эту обязанность, во-первых, неаккуратно, во-вторых, без надлежащего выбора, почему и случилось то, что некоторые училища имеют много книг, но

срока военной службы.

мало полезных для учащихся, а изредка даже и недозволенных. Так, например, встречаются сочинения Герберта Спенсера и другие, но чаще всего попадают книги, вовсе ненужные для школ, валяющиеся в шкафах без всякого употребления как бесполезный хлам. Между ними есть и ценные, например, «Жизнь европейских народов» Водовозовой, ценою 12 р. 30 к., химия Менделеева, сочинения Жуковского (9 р.), Лермонтова и другие, а между тем мало книг недорогих, доступных пониманию крестьянских детей и могущих заинтересовать их своим простым содержанием. На затраченные суммы при покупке дорогих книг можно было бы составить порядочную библиотеку, которую могли бы пользоваться не только учащиеся, но даже и взрослые.

На предлагаемые во всех школах вопросы, берут ли из школьных библиотек крестьяне книги для чтения и преимущественно какого содержания, везде получался один и тот же ответ, что крестьяне и малые, и взрослые охотно берут книги, и даже нет возможности удовлетворить всех просящих. Относительно же содержания книг трудно придти к определенным выводам: в одних местностях любят читать религиозно-нравственные, в других интересуются сельскохозяйственными и т. д.

С 1883 года в Томской, а с половины текущего года и в Тобольской губернии заботы о снабжении книгами школ возложены на чиновников по крестьянским делам, и хотя вследствие этого явились некоторые улучшения, но не везде, так как дело это вполне зависит от личности чиновников. Например, в Кузнецком округе почти во всех училищах имеется очень дорогое издание: (85 р.) — сочинение Элизе Реклю «Земля и люди»; кроме того, имеются и такие дорогие, но мало пригодные для школы книги: географический атлас — 31 р., картины по естественной истории — 18 р. 50 к., «Иллюстрированная жизнь животных» Брема — 15 р., «Кавказская война» Потто — 6 р., «Калевала» и другие, между тем книг недорогих и интересных для народа имеется незначительное количество. <...>

Одна из существенно важных причин неудовлетворительного положения школы относительно снабжения книгами и учебными пособиями заключается еще в следующем: на каждую школу ассигнуется 50 р., из них 25 р. на приобретение учебников и учебных пособий. Но так как в некоторых школах обучается лишь 10—12 человек, а в других — до 70 и даже больше, то, понятно, в первых образуются остатки, которые непроизводительно остаются в кассах волостных правлений ... в многолюдных же школах недостает средств на приобретение самых необходимых пособий — достаточного количества грифельных досок, бумаги и пр. <...>

Зависимость сельских училищ от органов разных ведомств является причиной неустройства их и еще в одной из существенных потребностей, именно — в удовлетворительном устройстве школьных помещений и снабжении школы необходимой

классной мебелью.

Хотя потребность в начальном образовании в народе несомненно существует, и народ, как может, старается удовлетворить ее, но только в нем еще нет ясного сознания, что школа должна содержаться всем обществом, а не отдельными членами его, имеющими детей школьного возраста. «У нас нет детей; пусть содержат школу те, у кого они есть», — вот точка зрения крестьян на школу. Вследствие этого, а в особенности вследствие непонимания важности удобных школьных помещений, общества большею частью не выказывают забот по доставлению училищам более удобных, чем настоящие, помещений.

Наемные дома даже своим внешним видом и устройством напоминают скорее сарай, чем школу. Кроме того, они обыкновенно отличаются следующими неудобствами: 1) несоразмерностью классов с числом учащихся; 2) отсутствием в большей части училищ передних для снятия верхнего платья, почему учащиеся раздеваются и складывают платье в классных помещениях, чаще всего прямо на полу, что еще более увеличивает тесноту и портит воздух; 3) ни при одном училище не имеется хоть сколько-нибудь сносно устроенных отхожих мест и дети — мальчики и девочки — выходят на открытый двор училища; 4) освещение классных комнат не во всех осмотренных училищах достаточно и большею частью распределено неправильно; 5) классная мебель во многих училищах не соответствует возрасту учащихся, а в некоторых до того нецелесообразно устроена, что не только мешает правильному ходу обучения, но дурно отзывается и на физическом развитии учащихся (крестьяне классную мебель считают соответствующею своему назначению, если она еще окончательно не развалилась).

Попытки со стороны учителей и смотрителей исправить хоть некоторые из крупных недостатков в школьной обстановке в самом начале устраняются роковым выражением: «Нет средств». А между тем, по отзывам крестьян, с которыми приходилось рассуждать по этому поводу, у них найдутся деньги для постройки школьного дома, если со стороны власти сделано будет некоторое внушение. Отсутствие такого внушения можно объяснить только равнодушием к школе администрации, в ведении которой находится хозяйственная часть училищ, т. е. чиновников по крестьянским делам.

Чиновникам по крестьянским делам, по букве закона обязанным быть попечителями и радателями крестьянских интересов, обязанным заботиться как об улучшении экономического быта вверенных участков, так и о народном здравии, приличнее всего было бы позаботиться о просвещении народа, как об одной из серьезных нужд крестьянского быта. И действительно, более энергические из них и преданные своему делу, вникая в нужды школы, оказывают ей свое содействие в том, что путем разъяснений и убеждений стараются повлиять на крестьян — и большею частью успешно, доказавши им необходимость строить

училищные здания, хотя крестьяне, руководясь ложными соображениями, будто содержание дома, построенного собственно для училища, будет стоить дороже содержания частной квартиры, обыкновенно уклоняются от постройки собственных школьных помещений. Но если им наглядно доказать, что при настоящих условиях найма расход на это в несколько лет превысит стоимость порядочного дома, то они, без сомнения, собственное здание предпочтут частной квартире. При этом необходимо указать и на то, что большая часть наемных домов, принадлежащих почти всегда беднейшим крестьянам, ветхи, холодны, темны и тесны; да и весьма трудно в селе найти для училища дом, удобный в педагогическом и гигиеническом отношениях, а если в селе встречаются хорошие дома, то таковые все без исключения принадлежат зажиточным крестьянам, которые не встречают нужды отдавать их в наем.

Но среди чиновников по крестьянским делам нередко встречаются и такие, которые совершенно равнодушно относятся школе и не предпринимают никаких мер к выяснению крестьянам необходимости и пользы обучения и возможно лучшей обстановки школы. Со стороны таких деятелей ... проявляется скорее сознание силы и значения своего права, чем сознание своей обязанности доброго влияния на эту среду. Под влиянием такого самообольщения и превратного понимания своего назначения такие чиновники не только небрежно относятся к школе, но иногда даже оскорбительно и к зрителям училищ, вмешиваясь в учебную часть и позволяя себе делать личные распоряжения. <...>

Казалось бы, что для сельской школы могли бы оказать хоть некоторую услугу попечители ее, но, к сожалению, попечители из крестьян, большею частью безграмотные, за весьма редкими исключениями, никакой помощи училищам не оказывают, а отбывают срок своей службы как очередную общественную повинность, ни к чему их не обязывающую, наравне с другими выборными должностями — десятскими, старостами и проч. Это главным образом зависит от того, что при выборе их не принимается во внимание ни зажиточность, ни влиятельное их положение в среде сельского общества. Так, при осмотре одной из школ в Курганском округе на вопрос, где попечитель, получился ответ: «По миру пошел»; в другой же школе попечителем оказался сторож ее. <...>

Бывают случаи, что школа почти всецело попадает в руки волостной администрации, во главе которой стоит волостной писарь, пользующийся в Сибири самую незавидную популярностью. Судьба таких школ бывает обыкновенно очень печальна; писаря большею частью руководствуются не пользою училища, а своими собственными соображениями, направленными иногда против личности учителя и в особенности учительницы, а иногда и против самого учреждения.

Успешности некоторых сельских школ вредит еще частовременное нехождение

учеников на уроки. Манкировки уроками — обычное явление в жизни школы, и против этого зла трудно предпринять какие-нибудь меры, пока сами родители не будут стремиться к тому, чтобы аккуратность посещения школы их детьми была для них неременным долгом. Пропуски уроков замечаются не только со стороны мальчиков, которых часто употребляют на домашние (возка сена, дров) и полевые работы, но даже и со стороны девочек. Установившийся обычай, особенно у матерей, для помощи по домашнему хозяйству (особенно в качестве нянек) употреблять девочек преимущественно перед мальчиками производит то, что они не только уроки часто пропускают, но что даже в лучших школах обыкновенно встречается весьма незначительное число девочек — явление, не замечаемое в городах.

Из объяснений с учителями оказалось, что для прекращения частых пропусков уроков принимались самые разнообразные меры, и все они не приводили к желанной цели. Многие учителя в видах искоренения этого недостатка старались разузнать причины его, но это часто было бесполезно, так как родители учащихся, за редкими исключениями, очень неохотно вступают в объяснения. Если принять энергические меры — исключение из школы за частовременные манкировки, то это, во-первых, до крайности уменьшит число учащихся, а, во-вторых, наверно возбудит ропот в сельском обществе, в котором и менее строгие меры вызывают чувство неудовольствия, жалобы на заведенные порядки и даже враждебное отношение к школе. <...>

К числу того же рода недостатков сельской школы следует отнести то, что начало учебных занятий до сих пор еще не урегулировано; оно часто откладывается по причинам, совершенно от учителя не зависящим, а единственно объясняется тем, что большинство детей занято окончанием полевых работ. Самые крестьянские общества, в силу условий своей жизни, не отдавая своевременно детей в школу, не вполне сознают, какой вред от этого происходит. Впрочем, это такое зло, с которым трудно бороться даже во внутренних губерниях России, где и климатические, и экономические условия крестьянской семьи более благоприятны, чем в Сибири.

Точно так же не установлено время окончания учебных занятий, с чем тесно связан вопрос о времени окончательных испытаний в сельских училищах. <...>

При рассмотрении условий, неблагоприятных для правильно и успешного развития сельской школы, нельзя не обратить внимания и на значительное количество раскольников, живущих Тобольской и Томской губерниях³⁷.

Правда, детей раскольников, хоть и в ограниченном количестве, можно встретить в тех

³⁷ В Тобольской губернии [старообрядцев] считается около 60 тысяч, а в Томской более 80 т[ысяч]. Но в некоторых отдельных округах они составляют: более 1/5 всего населения и разбросаны

школах, где священники из опасения оттолкнуть их от училища избегают при них раскрывать заблуждения раскола и стараются вразумительно объяснять только положительные христианские истины, обращая при это особенное внимание на те из них, которыми раскол и без указания на него ясно обличается. Из бесед со многими законоучителями, в приходах которых живут раскольники, выяснилось, что иной образ действий неизбежно приводил к тому, что родители брали своих детей из училищ и отдавали их своим начетникам, у которых нередко и православные обучаются³⁸.

К сожалению, во многих случаях местное духовенство не всегда с должным вниманием относится к религиозным интересам своей паствы и обращается к сектантам или с пренебрежением и даже враждебно, или же слишком снисходительно, иногда в нужде одолеваясь у них, как у людей зажиточных, материальными средствами. Если можно питать некоторую надежду на то, что с развитием просвещения раскол ослабнет, то, по всей вероятности, время это еще не скоро наступит при настоящих неблагоприятных для того условиях. Да притом и раскольническая грамотность так ограничена, что не может вести к просвещению: она начинается букварем, продолжается Часословом и оканчивается Псалтирью; а затем уже начинается самообразование, состоящее в чтении и заучивании небольшого круга старопечатных книг.

Вообще раскольник не поклонник просвещения, а скорее враг его; в наших учебных заведениях значительный процент католиков, лютеран и евреев, а раскольники составляют редкое исключение, несмотря на то, что их считается с лишком 10 миллионов³⁹. Уклонение раскольников от просвещения обуславливается взглядом их на православную церковь и на всё православное население; следовательно, пока наше духовенство не употребит всех усилий к тому, чтобы они сделались членами святой и истинной церкви, до тех пор они будут коснеть в невежестве.

Между тем, так называемые староверы составляют в Сибири нравственную, трудолюбивую и зажиточную часть крестьянства, потому они имеют огромное влияние на сельские общества при решении вопросов о его нуждах, являясь в качестве старшин, старост и вообще представителей народного управления. Хотя они и не решаются открыто противодействовать законным стремлениям сельских обществ к улучшению школы, тем не менее, их косвенное влияние в этом деле, сколько можно было заметить, нередко весьма вредно отражается на добрых отношениях крестьян к своей школе. Конечно, в этом случае

повсюду. <...> (Примеч. автора).

³⁸ Указом Святейшего Синода от 16 ноября 1836 г. воспрещено раскольником вообще обучать детей не только православных, но и раскольников. <...>. (Примеч. автора).

³⁹ Имеется в виду общая оценочная численность старообрядцев на территории как Европейской, так и Азиатской России.

вся ответственность падает на духовенство, которому предстоит великая и трудная задача — направить на истинный путь заблудившихся и, примирив их с обществом, возбудить в них интерес к истинному просвещению. <...>

Нельзя опустить из виду то обстоятельство, что при постоянно развивающейся жизни в Сибири и улучшающихся экономических условиях, в особенности с проведением Сибирской железной дороги, без сомнения, у сельского населения явится потребность более чем в простой грамоте. И теперь уже нельзя сказать, что сибирская деревня сплошь безграмотна и не нуждается в книге: читатель найдется теперь и в сибирской деревне, но ему читать нечего. Вследствие этого наблюдается очень грустное явление: вышедшие из школы окончательно прерывают связь свою с нею; скоро забывают то, чему учились, и даже являются рецидивистами безграмотности.

Очевидно, одною грамотностью не должно завершиться образование народа; она должна служить только средством для дальнейшего развития и обогащения практическими знаниями чрез самостоятельное чтение. При нынешнем широком развитии книжного дела грамотному человеку представляется обширный материал для чтения, и в этом материале он может найти весьма много полезного как для истинного духовного просвещения, так и для разумной практической жизни.

Полное отсутствие элементарных понятий об окружающем мире является источником тяжких бедствий, нередко постигающих народ, и делает его беспомощным в борьбе с ними. Люди, близко стоящие к народу, голодовки, испытываемые им, объясняют, главным образом, невежеством сельского населения; точно так же лучшие врачи утверждают, что народное невежество, крепость предрассудков и совершенное незнание с болезнью являются главными препятствиями в успешной борьбе с эпидемическими болезнями. Таким образом, и экономический быт, и санитарные условия — вообще народное благосостояние находится в полной зависимости от правильной постановки школы, которая является истинным благом народным.

Одно только Министерство народного просвещения обладает вполне достаточными средствами для правильного устройства и развития народной школы, а потому ему одному должно быть предоставлено право руководить ею. Те школы, которые находятся в непосредственном его ведении, уже доказали свою целесообразность непрерывным ростом, заметным распространением начального образования, а главное — возбуждением и развитием в народе любознательности.

Такого рода школа необходима и для Сибири: крестьяне, проникнувшись убеждением, что министерство располагает достаточными нравственными и умственными силами (администрацией и учителями), с полным сочувствием отнесутся к своей школе, поспешат

исполнить принятые на себя обязанности и удовлетворить ее нуждам, то есть устроят удобные помещения и позаботятся о надлежащей ее обстановке.

При обстоятельном рассмотрении положения школьного дела в Сибири нельзя не прийти к убеждению, что только при совокупных мощных усилиях правительства и сочувственных отношениях общества школа может вполне выполнить свое назначение; [если] спокойно ожидать, пока сельское общество самостоятельно придет к полному сознанию пользы образования, [то] потребуется еще много времени.

Тарский округ

К 1 января 1893 года в 17 училищах этого округа обучалось 418 учеников ... окончило курс 33; средняя школа имела только 24,6 ученика. Округ не отличается густым населением на своем огромном пространстве, чем и объясняется малочисленность детей, посещающих школу.

Осмотренные 8 школ вполне удовлетворительны: между ними Такмыкскую следует признать во всех отношениях прекрасною. Учительница ее Мисюрева пользуется особенным доверием со стороны крестьян; так, она дважды подвергалась крупным неприятностям, и оба раза самыми горячими защитниками ее являлись крестьяне.

Вообще крестьяне этой местности весьма сочувственно относятся к своим школам, и так как до настоящего времени школьные помещения большею частью были неудобны, то ныне почти повсеместно строятся довольно ценные здания для школ. Кроме того, почти во всех школах крестьяне выдают прибавку к жалованью учителям.

Каинский округ

К 1 января 1893 года в 31 училище учащихся было 709 человек (545 мальчиков и 164 девочки); из них окончило курс 65 (50 мальчиков и 15 девочек).

Из 14 осмотренных школ ни одной нельзя назвать плохую, хотя и есть школы, оставляющие желать лучшего. Но зато встречались школы, во всех отношениях очень хорошо поставленные, таковы: Спасская, Камышевская, Кыштовская, Каргатская и другие; притом лучшие школы эти отличаются значительным числом учащихся в них.

Среди духовенства встретилось несколько законоучителей из окончивших курс семинарии, серьезно и усердно относящихся к своим обязанностям, вследствие чего получают хорошие успехи по Закону Божию. Они же стараются и поддерживать школу во мнении крестьян; но немало встретилось и плохих законоучителей, индифферентно относящихся к школе и к преподаванию Закона Божия. Состав учащихся более или менее удовлетворителен, и обучение по всем предметам ведется довольно успешно.

Помещения осмотренных училищ везде почти удобные, особенно же в этом отношении выдается прекрасное здание Каргатского училища, выстроенное на средства попечителя, который, кроме того, выстроил и содержит ремесленную школу, постоянно вникает в нужды училища и помогает ему. Тоже в с. Спасском имеется прекрасное двухэтажное здание для училища; общество выстроило его с целью ходатайствовать об открытии двухклассного сельского училища с ремесленным отделением.

Томский округ

Округ этот имеет наибольшее число сельских школ — 56, и учащихся в них к 1 января 1893 года было 1519 (1088 мальчиков и 431 девочка), средняя школа имела 27,1 учеников. Здесь свои волости, в которых по несколько училищ; так, в Ишимской — 10, в Богородской и Семилужной — по 6, а в остальных по 4 и по 3 училища, и только в трех волостях по одному училищу.

В числе лучших училищ оказались: Ишимское, Медведчиковское, Семилужное, Гутовское, Даньковское и Александровское, хотя и остальные из 18 осмотренных в учебном отношении довольно удовлетворительны, за исключением Проскоковского и Ачинского. Но материальная часть училищ обставлена крайне плохо: большая часть школьных помещений, особенно наемные, жалки до невозможности. Даже снабжение книгами и учебными пособиями ведется весьма неправильно: училища иногда по несколько лет не получают их вследствие растраты денег волостными писарями. Так, в Проскоковском сельском училище в 1891 году не было ни бумаги, ни грифель, ни аспидных досок, и ученики учились только читать. Причина такого неустройства заключается в равнодушии к школе властей, заведующих хозяйством их.

Кузнецкий округ

К 1 января 1893 года в 11 училищах этого округа обучался 351 ученик (284 мальчика и 67 девочек); окончил курс 21 (19 мальчиков, 2 девочки); средняя школа имела 32 учащихся. Из 9 осмотренных училищ Салаирское и Христорождественское оказались лучшими, а Усть-Сосновское, бывшее раньше удовлетворительным, падает от небрежности и малоспособности учителя Орлова. Школьные помещения везде собственные и отличные, устроенные еще в 70-х годах бывшими мировыми посредникам. Замечательно, что с этого времени открылась только одна школа в 1885 году — Атамановская; причиною этого следует признать не экономический быт, условия которого везде хороши, а значительное количество раскольников, имеющих свои школы, содержимые начетчиками.

Отношение сельского православного населения к своим школам можно назвать

сочувственным, доказательством чего служит то обстоятельство, что почти все сельские общества к казенному жалованью учащихся прибавляют еще по 100 рублей и даже больше.

Благодаря обширным помещениям школ, при некоторых них устроены ночлежные приюты для учеников из отдаленных деревень. От волости нанимается кухарка за 2 руб. в месяц, а родители дают провизию, и дети помещаются в отдельной просторной комнате; в Христорождественской школе было 10 мальчиков.

Успехи по Закону Божию оказались весьма удовлетворительными, но не везде: некоторые законоучители очень редко посещали школу, а законоучитель Красноярского училища Лашков по личному соглашению с учительницею уступил ей свое жалованье и школу не посещал. Успехи по другим предметам во всех училищах, за исключением Усть-Сосновского, вполне удовлетворительны.

Барнаульский округ

К 1 января 1893 года в 24 училищах этого округа обучалось 674 (505 мальчиков и 169 девочек) человека; из них окончило курс 48... Средняя школа имела 28 учащихся.

По количеству и плотности населения это самый большой округ; незначительное число школ и учащихся в них объясняется отчасти значительным раскольничьим элементом, отчасти же тем, что есть несколько горнозаводских училищ, которыми пользуются и местные крестьяне.

Лучшими из 10 осмотренных училищ следует признать Анисимовское и Берское, в особенности последнее, попечитель которого купец Горохов, построивший для него прекрасное помещение, всегда заботливо относится к интересам его: на свои средства одевает бедных учеников и платит жалованье помощнице учительницы (учащихся 100 человек — 75 мальчиков и 25 девочек). Тем же Гороховым в 4 верстах от Берска устроена частная бесплатная школа (с интернатом на 11 человек) для детей рабочих — отличающееся чистотою и порядком помещением, специально для школы устроенное. Весьма удовлетворительные успехи учеников, исправно посещающих уроки, ставят и эту школу в ряду лучших; мальчики, кроме того, занимаются столярным ремеслом, а девочек учительница учит рукоделиям.

Самое неудовлетворительное из осмотренных училищ оказалось Тальменское, служащее наглядным доказательством того, что положение училища всецело зависит от качеств учителя. Много лет в нем плодотворно трудился учитель Коробейников; при нем училище было в блистательном положении и число учащихся доходило до 47. Сами крестьяне в благодарность за его труды по доброй воле устроили ему удобное помещение и из общественных сумм прибавили более 100 рублей. Когда его заменил теперешний учитель

Кузнецов, ленивый и неаккуратный, школа перестала пользоваться симпатиями населения: в полтора года число учащихся понизилось до 9 и крестьяне отобрали у учителя прибавку к жалованию.

Яркий пример такого же рода представляет училище Жилинское: при бывшей учительнице Зыриной, весьма способной и усердной, школа пользовалась сочувствием населения и число учащихся доходило до 50, когда же она ушла в монастырь и ее место занял учитель Велижанин, менее усердный и почти неумелый, успешность значительно понизилась и число учащихся упало до 18. Ясно, что личность учителя непосредственно и главным образом влияет на улучшение или упадок каждой отдельно школы.

Остальные школы в общем довольно удовлетворительны. Только 2 училища помещаются в наемных домах, прочие же пользуются прекрасными собственными помещениями, построенными бывшими мировыми посредниками.

*Государственный архив Томской области,
ф. 126, оп. 1, д. 672, л. 90 об.— 109 об.*

М. И. ПАЛЬМИН. [УРОКИ В ТРАКТОВОМ СЕЛЕ]⁴⁰

Березовская церковно-приходская школа помещалась в собственном доме, около церкви. Она состояла из одной классной комнаты на 15—20 человек детей, небольшой комнаты для учителя и раздевальни, в которой была русская печь и жили сторожа церкви или трапезник. Учителем в 1890 году был Марк Фомич Граевский, из солдат, с большой темно-русой бородой.

Уроки обычно начинались и проходили так. Учитель сначала спрашивал всех учеников, что у тебя сегодня к обеду готовит мамка. Ученики отвечали, что знали. Иногда учитель уточнял вопрос — из свежего или соленого мяса будет варить шти (щи)? Опросив всех учеников, он заявлял примерно так: «Ну, Кузьмичев, сегодня я иду к тебе обедать». Иногда в ответ от учеников слышалось: «Мамка говорит, что ты и так к нам часто ходишь, а вот у Толстикова бываешь редко». Учитель, получая грошевое жалованье, по договору условливался обедать по очереди у родителей учеников, что они сами едят. Учитель, конечно, сам выбирал таких крестьян, у которых обеды лучше, и избегал плохих; отсюда получалось то, что к одним он чаще ходил, а к другим реже. Это, в свою очередь, вызывало неудовольствие наиболее часто посещаемых и через учеников передавалось учителю.

Обеспечив так или иначе себя обедом, Марк Фомич начинал делать указки из

⁴⁰ Печатается впервые по тексту воспоминаний автора о Московско-Сибирском тракте до проведения железной дороги. Записано М. В. Красноженовой в 1920-х гг. в с. Березовском

принесенных с собой лучинок. Без указок чтение не мыслилось. Надо было сидеть, в правой руке тремя пальцами держать указку над той буквой, которую произносил. Указки очень часто ломались то у одного, то у другого ученика, и общее чтение задерживалось. Учитель садился опять за свой стол и начинал делать новую указку.

Чтение шло хором — все кричали: «П-а-па, п-а-па, папа». В конце концов все хором повторяли предложение: «Папа, подай вилы». Потом так же по складам читали фразу «Пекла мама пироги». За первый год обучения по русскому чтению прочитали только две строчки: «Папа, подай вилы. Пекла мама пироги».

Писать учились по масляной бумаге разведенным в воде мелом. Масляную бумагу ученики тут же в классе готовили под руководством учителя. Лист бумаги смазывался конопляным маслом и вывешивался для просушки на веревочку около печки. Эта операция занимала немало времени. Когда бумага подсыхала, ее клали на пропись и по просвечивающим буквам обводили разведенным в воде мелом. Здесь часто получались кляксы и буквы расплывались, приходилось их вытирать рукавом и писать снова. Писали почти одно и то же непонятное: «Житомир, Троицко-Савск, Сарепта, Царицын».

Арифметику проходили по грифельной доске, писали цифры. Закон Божий оставил тяжелое впечатление своей картиной: Авраам замахнулся ножом на своего сына Исаака, хотел его убить.

В конце года приехал ревизор из Красноярска. Марк Фомич, непонятно для нас почему, но заметно волновался. Ревизор спрашивал читать. Ученики по очереди вскакивали, быстро отчеканивали: «Папа, подай вилы. Пекла мама пироги», — и стоп. «Ну, читай дальше». Ученик молчал. При более настойчивом вопросе ... некоторые ученики начинали плакать.

Через некоторое время Марка Фомича убрали. Ученики его очень жалели, так как он был добр и ласков, с собой в школу часто приносил мятных пряников и, разламывая пряник на две части, давал каждому ученику. Иногда он приносил карамель с косточками и, откусывая, по половинке конфетки давал ученикам. <...>

За два года в Березовской школе сменилось пять учителей. После Марка Фомича был черный высокий строгий мужчина — Лебединский. На столе у него всегда лежали березовые прутья — для острастки. Все сидели тихо, муха пролетит — услышишь. Бить учеников он не бил, не было к тому оснований. Один вид его заставлял душу уходить в пятки, к чему еще было бить. Ученики сидели молча и смотрели в книгу, а учитель в это время занимался чисткой охотничьего ружья. На столе у него лежали тряпочки, пакля, стоял пузырек с керосином. Чистил он тщательно и все смотрел внутрь ствола, подойдя к окну. При Лебединском наука совсем застоповала. Его вскоре сменили, и он сделался писарем в

соседней деревне.

На смену приехала городская учительница — Тихомирова. Она любила кататься зимой на лошади в кошевке и требовала, чтобы ученики при встрече с ней на улице кланялись.

Тихомирову сменила Екат. Ал. Попова. Она, придя в школу, выстраивала учеников на молитву в ряды, сама стояла впереди и держала руки, сложив ладонь одной руки на другую. Для учеников это было ново, и в отсутствие учительницы ее передразнивали. Попова зимой делала выход с учениками на остров Песчанку — несколько раз. Книгой по русскому чтению было «Солнышко», в красной обложке. Из всех рассказов этой книги ученикам нравился переход Суворова через Альпы, нравился своей картинкой, на которой изображены вьючные ослы и солдаты, спускающиеся с высокой снежной горы. Об этой картинке и Суворове было много разговоров, догадок, предположений и проч.

Последним учителем был Брюховецкий, окончивший учительскую семинарию и выслуживший пенсию в министерской школе.

Внешность Брюховецкого была оригинальна. Низенький седой старичок с большими волосами, как у дирижера оркестра или у художника, бритая борода, седые усы. На голове форменная фуражка, одет в сюртук и брюки. На урок в школу он приходил со скрипкой, во время занятий часто играл на скрипке, а учеников заставлял петь. Несколько раз ученики с ним ходили в лес, где он говорил о листьях, деревьях, животных. Иногда он зазывал к себе на квартиру учеников и показывал свои коллекции. У него были кокосовые орехи, засушенные змеи, цветы, бабочки и другие предметы. Вообще, как теперь думаю, Брюховецкий был настоящий учитель, любящий детей (его звали «Ласка», «Ласточка» — прозвища, данные ему еще в городских школах и какими-то судьбами ставшие известными березовским школьникам), подготовленный к учительскому труду, способный дать ученикам не только грамоту, но и эстетическое развитие. Брюховецкий хорошо делал из прутьев сани, обклеивал их бумагой и раскрашивал красками.

КККМ, п. и. 117, л. 27—28 об.

Ф. С. ГЛУХИХ. [ИЗ НЕВЕДОМОГО МИРА]⁴¹

Родилась и выросла я в деревне Лопаревой Тобольской губернии в большой дружной семье. В 12 неполных лет пошла учиться в местную двухклассную школу, было это года за два-три до революции. Отец, Спиридон Григорьевич, поначалу был против того, чтобы его младшая дочь училась. «Для чего девкам учиться, парень хоть на службу пойдет, а девкам

⁴¹ Мемуаристка родилась в 1902 г. и выросла в Курганском уезде Тобольской губ. Воспоминания записаны в 1984 г. в г. Исилькуле Омской обл. студенткой ОЗО ИФ НГПИ Л. В. Петляковской.

только письма женихам писать», — говорил он. Но после уговоров и слез уступил. Мать Аксинья Ивановна сшила дочери сумку из холста.

Школа в селе появилась так. Миром решили строить церковь, поставила фундамент, но началась война с Германией, стало не до церкви, решили сложить из бревен школу. Здание получилось огромным. Класс был всего один, из него вела дверь в квартиру учительницы. В классе стояло три печи. В первый год в школу пошло 40 человек, но места в классе хватило бы с избытком еще на 40. Дети были разновозрастные, некоторые умели читать. Поэтому учительница решила сделать два класса, первый и второй.

Первой моей учительницей была Анна Николаевна Королькова, восемнадцатилетняя девушка, купеческая дочь. Понравилась она детям сразу. Нарядная, красивая, ласковая, она казалась нам пришедшей из другого, неведомого мира. К каждому платью у нее были туфли, и мы тоже всегда старались одеваться в школу получше, тянулись за ней. Она сразу это замечала, хвалила за аккуратность. Даже парнишки старались всегда угодить ей.

Речь ее, слова первое время были нам странными: мы привыкли к грубой, резкой речи. Старшие не шибко-то с нами, ребяташками, беседовали, все больше на ходу, окриками, а она как-то спокойно, вроде и ласково, а послушаться не смели.

Вспоминается один забавный случай на уроке. Показывает нам Анна Николаевна картинку, на ней лес и мальчик плачет, заблудился. «Что, дети, делает мальчик?» — «Орет!» — отвечает один ученик. «Нет», — говорит учительница. «Ревет!» — заявляет другой ученик. «Тоже нет. Ревут медведи». «Воет!» — догадывается третий. «Воют волки», — возражает учительница. Так ведь никто из класса и не смог сказать, что мальчик плачет. Слова-то такого не знали...⁴²

На уроках Анна Николаевна учила сразу два класса. Нам даст задание, а сама к другим, которые читать умели. А я старательная была: свое сделаю и тех слушаю. Помню, задает она вопрос: «Сколько чисел в ряд?» Никто не смог ответить из другого класса, а я читала у нее в книжке какой-то и на уроке слышала, руку тяну. Она засмеялась и спросила, а я и говорю: «Чисел бесконечный ряд!» Она меня долго хвалила за это.

На уроках Анна Николаевна нас не торопила, все спокойно старалась. По первости мы крикливые были, особенно парнишки. Она вроде и не ругала их за это, а все спокойно как-то, и мы постепенно к покою привыкли, кричать уже в школе не смели. И даже в помине никогда не было, чтобы Анна Николаевна кого рукой задела, а мы бы и не обиделись очень, так как дома у многих колотушки частенько перепали.

Учились мы в школе с утра до вечера. Обеды приносили с собой, а чай кипятила в

Публикуется впервые.

⁴² По-видимому, в неупотребительности слова «плакать» отразилась особенность местной

самоваре для нас учительница. Мать у нее часто гостила, помогала ей.

Часто учительница оставляла девочек после уроков повязать, повышивать. Уж она мастерица на это была. Журналы у нас специальные были и альбомы. Много я рисунков у нее переняла. Вяжем, а она рассказывает нам что-нибудь. Мы любили у нее вечеровать. Первый раз яблоки у нее попробовала, а то сроду ведь в деревне этого дива не было.

Дома у нас были все неграмотные, уроки помочь делать был некому. Отец, правда, газеты выписывал, читал немного, но помочь мне считал пустым занятием, да и некогда было ему. Маменька тоже учебой моей почти никогда не интересовалась, считала за баловство. Но как-то раз отец пошел на родительское собрание. Пришел веселый, довольный. «Ну, Феколка, учителька хвалила тебя, чаем потом нас всех напоила, расспрашивала обо всем. Уважительно к мужикам и бабам относится».

Долго гордился тятя, что с учительницей чай пил. Потом даже вечерами стал заставлять меня газеты ему читать. Удивлялся: «Гли-ко, Феколка буквы бойко складывает». А я и рада стараться.

Зима в том году выдалась холодной. Школа была еще совсем новой, утеплена была плохо. Частенько мы и учительница вынуждены были быть в шубах. Мы-то знали, что после школы на теплые печи заберемся, а вот Анне Николаевне несладко приходилось. К весне она часто болеть стала, испростыла вся, видно. Но доучила нас до каникул. Уезжать стала — заплакала.

Нам тоже жалко с ней было прощаться. Все лето ждали, думали, опять Анна Николаевна приедет. Мужики, какие в деревне оставались в войну, помню, утепляли школу, дрова запасали. К осени из других деревень учеников много пришло. Однако приехала совсем другая учительница. А с Анной Николаевной Корольковой я больше не встречалась, но благодарна ей была всегда и помню ее всю жизнь. И сейчас она у меня перед глазами, как живая.

Во втором классе новую учительницу звали Анисья Александровна. Мне она сразу не понравилась, да и другим ребятам тоже. Неопрятная вся какая-то, помятая вся. Табаком от нее сильно пахло, а у нас в ту пору и мужики-то не шибко курили, многие за грех считали. Да и водочку, видимо, попивала. Пальцы у нее желтые от табака были, если ткнет пальцем в тетрадь — пятно грязное остается. А нас Анна Николаевна к аккуратности приучила, свои тетради в чистоте старались держать. Шибко мне новые порядки не нравились. А потом учительница и бить нас частенько начала, кого рукой, а кого и большой линейкой.

Школу ребята начали бросать. Я до Рождества доучилась, а потом тятя сказала, что больше в школу не пойду. Вот всего полторы зимы и поучилась. Наверное, если бы была

А. В. ТРИФОНОВА. КАК Я СТАЛА УЧИТЕЛЬНИЦЕЙ⁴³

Возвращаюсь к детству.

Мне восьмой год, пора учиться, но мама и слушать об этом не хочет. «Кто будет ребенка нянчить, да и к чему девчонке грамота?! — говорит она. — Проживешь и так».

Я в слезы. Все ребятишки с нашей улицы по утрам бегут в школу с холщовыми сумками через плечо, а я сижу дома, сижу у люльки и горько плачу. Отец первый сдался и сказал матери: «Довольно реветь Натке, пусть ходит в школу, пусть и в нашей семье будет хоть одна грамотейка». Быстро оделась и бегом в школу.

Вот она школа, стоит в небольшом саду за зеленой решетчатой оградой, с окнами в белых наличниках, с высоким крыльцом. Показалась она мне сказочно красивой.

Здравствуй, школа!

С каким трепетным чувством вошла первый раз в класс и увидела ребятишек, сидящих за партами, учителя, о чем-то рассказывающего им.

Михаил Иванович, так звали учителя, подошел ко мне, погладил по голове, спросил, как зовут, и указал на свободное место за партой рядом с конопатым вихрастым мальчишкой. Я покосилась на него, он мне тогда совсем не понравился. Сколько радости, сколько незабываемых впечатлений испытала я в тот первый день. Я в школе! Я ученица! Сижу за партой, как и другие мальчишки и девчонки, и внимательно слушаю учителя, но от волнения мало что понимаю. Только знаю, что скоро научусь, и сама буду читать разные книжки, и от радости в груди распирает. Каждое новое утро не стало для меня обычным, будничным. Как на праздник, бегу в школу, там друзья (я с моим соседом Митькой Родниным подружилась) и там наш учитель Михаил Иванович.

Стоит перед нами Михаил Иванович — молодой, высокий, немного сутулый. Темно-русые волосы, небольшая бородка и добрые серые глаза. Таким я увидела своего первого учителя.

Каждый день приносил мне много нового, интересного. Вот уже читаю первые слова в букваре. Дух захватывает, буквы разные, не похожие одна на другую, а слова из них получаются простые, знакомые: «Мама, Маша, рамы». Чудо какое-то!

Михаил Иванович учит письму, счету. Или расскажет сказку, покажет картинку, и мы рассказываем, что на ней нарисовано. Кто-нибудь из нас расскажет о зверюшках и птицах,

которые живут в нашем лесу; как летом собирали грибы, ягоды и видели кто зайца, кто белку. Пишем на грифельных досках грифельными палочками — тетрадей мало, только для чистописания и диктанта. И книг детских очень мало.

Запомнилась маленькая тоненькая книжечка с теньвыми картинками со сказками про Колобка, о рыбаке и рыбке, о Красной Шапочке. С каким трепетом держала в руках эту маленькую книжечку, рассматривая картинки! Слушала с большим вниманием каждое слово учителя, старалась запомнить все, о чем говорил он на уроке.

Запомнилась мне и первая елка в школе, разукрашенная разными игрушками, золотыми орехами, вся сияющая огоньками от восковых свечей. Как весело, как чудесно было на елке! Мы, дети, кружились в хороводе вместе с Михаилом Ивановичем, пели, рассказывали стихи, играли. На следующий день Михаил Иванович позвал нас в школу и подарил по игрушке с елки! Причем каждый выбирал, что ему нравится. Я облюбовала маленькую балерину с пышной юбочкой из ваты, с золотыми блестками. Это была первая куколка-игрушка в моих руках, сколько радости принесла она мне! Но кто-то из ребят оторвал у нее ногу. Сколько слез пролила я, оплакивая маленькую балерину.

Кончился учебный год. Я уже бойко читала, считала, знала много стихов, сказок. Но счастье мое скоро кончилось. Пролетело лето, наступила осень, ребяташки снова по утрам бегут в школу, а меня не пускает мама. Народился братишка Гошка, нужна нянька. Никакие слезы на этот раз не помогли, качаю люльку.

Прошел год, Гошка подрос. Бабушка, моя дорогая бабушка Марфа Ивановна пожалела меня, сама стала нянчить его. Пошла в школу во второй класс. И снова не могу не вспомнить моего первого учителя.

Михаил Иванович был настоящим педагогом, очень любил детей, школу. Ни разу не видела, чтобы он наказал кого-то, выгнал из класса. В школе не было озорников, мы взаимно очень любили своего учителя. Для взрослых он организовал воскресную школу, куда ходили учиться молодые парни и девушки, даже взрослые мужчины.

Однажды, придя в школу, мы нашли ее закрытой. Нашего учителя арестовали жандармы и увезли в тюрьму за политику, как говорили нам взрослые. <...>

Шел 1907 год. Через наше село проходили группы осужденных «политических», как называли их у нас, под конвоем стражников с ружьями. Все это были молодые интеллигентного вида мужчины и женщины. Мы, ребята, называли их учителями. Шли они на поселение в разные сибирские села, иногда на многие годы. Я пристально всматриваюсь в лица мужчин, надеясь увидеть Михаила Ивановича, но его не было. <...>

Давно это было, но Михаил Иванович, мой первый учитель, словно живой, стоит перед

⁴³ Первая половина текста мемуаров помещена в части I настоящей книги.

глазами — молодой, в темной косоворотке, повязанной крученым пояском с кистями, полный сил и энергии. Первые школьные впечатления оставили глубокий след на всю жизнь как самое светлое, самое радостное воспоминание детства. Именно Михаил Иванович заронил мне в душу искру знаний, привил любовь к книге, приоткрыл завесу в мир прекрасного.

Тогда в школе, глядя на учителя, я выносила мысль — стать учительницей. Буду учиться, буду учительницей и буду учить вот таких же мальчишек и девчонок.

Училась хорошо, хотя условий дома для приготовления уроков не было. Вечерами выполняла разные домашние дела, и мешали ребятишки. Когда же все угомонятся, улягутся спать, лампу гасят — керосин дорог. Встаю сама утром рано-рано, когда мама растопит печь и уйдет доить корову, убирать скотину. Спешу, сидя перед печью, поскорее выучить урок, решить задачи, выучить стихи и выполнить другие задания.

Наконец, школа наша окончена, а что же дальше? Высшее начальное училище находилось в 15 верстах от Хаихты, в селе Куйтун. Снова я прошу родителей отпустить меня учиться в Куйтун, снова муки, переживания. Родители считали, что дочка достаточно грамотная, никто из нашего села больше трех классов не учился. И бранили меня, и уговаривали: «Пожалей мать, ей так трудно одной управиться и с хозяйством, и с ребятишками». «Нет, нет, хочу учиться, это ведь только на зиму уеду, а весной и летом буду во всем помогать матери и дома, и в поле, только отпустите», — просила я.

Первым снова сдался отец, мой дорогой отец, и говорит маме: «Собирай дочку, отвезу в Куйтун, пусть учится, если есть уж такая охота у нее!»

Незаметно прошли еще два года. Училище закончила с похвальным листом. Но ведь моя мечта — быть сельской учительницей, а женская прогимназия находится в городе Нижнеудинске, за 250 верст от ст. Куйтун. Учиться в городе — это уже с моей стороны просто безумие. Сознавала, как трудно будет для родителей материально.

Наша семья не бедняцкая, накормить ребят — продуктов достаточно. Свои коровы и овцы кормили и одевали. Хозяйство в глухих сибирских деревнях в то время было полунатуральным: что производили, в семье и потребляли. Если и были излишки продуктов, то продать их было некому, одному учителю немного нужно. Отец продавал только излишки зернового хлеба куйтунским купцам. Денег было мало, покупали в основном ситец, мыло, спички, керосин, соль. В нашей семье, как и в других семьях, многое из одежды и обуви изготовлялось дома. Из конопли и льна мама ткала полотно, из шерсти — грубое сукно, из которого шила одежду ребятишкам, для себя и отца. Из овечьей шерсти — валенки, из шкур — шубы и полушубки, из кож скота — обувь. Но сколько на все это нужно было затратить труда матери и отцу! Поистине, были они большие труженики. Отец на все руки мастер: все,

что в доме, сделано его руками. Телега, соха и борона — его работа.

Но где взять денег, чтобы учить дочку в городе? Плата за учение, квартиру, питание, да и одеть надо по-городскому. Крепко задумались мои родители: как быть, где достать столько денег? Но, видя мое состояние, скрепя сердце согласились отпустить меня в Нижнеудинск учиться.

И вот я — ученица 3 класса Нижнеудинской женской прогимназии. Город Нижнеудинск не оставил в моей памяти ничего впечатляющего. Я родилась и выросла в сравнительно небольшом селе, кроме волостного села Куйтун нигде не была. Но и Нижнеудинск в те годы был тоже большой деревней. Отличался большими деревянными домами да собором, было два учебных заведения: мужское реальное училище и женская прогимназия. Вот и все достопримечательности города. <...>

Первый год в прогимназии был скучным для меня. Мало нового, все было повторением пройденного в Куйтунском училище. Учителя — большей частью женщины — были такие важные, особенно наша начальница, гроза для девочек. Классные дамы давали нам не столько знания, сколько правила поведения: как держать себя, быть почтительной к начальству. Ходили парами в собор на церковные службы и простаивали там часами. Книг было мало. Нас три деревенских девочки, и дружбы с городскими девочками не получилось. Держались обособленно от них, потому ли, что мы стеснялись, или они нас чуждались? Вернее последнее.

Жила эти два года буквально на гроши. Плата за обучение — 30 рублей в год, сумма очень большая. Квартира, учебники, на питание оставалось мало денег, временами жила на черном хлебе. Но училась на «отлично».

На зимние и весенние каникулы уезжала домой. С каким нетерпением ждала этого времени! Очень скучала по дому, по родителям да сорванцам-братишкам, которых хотелось увидеть. И так хотелось поесть своего домашнего: вкусных шанежек с творогом, пышных калачей, пельменей, напиться досыта горячего молока. <...>

Самым тяжелым годом был последний год в прогимназии. Помню, поехали мы летом с отцом в поле посмотреть пшеницу, стоит целая нива пшеницы — высокая, с крупными колосьями, целая, отливая золотом, и чуть-чуть колышется под дуновением ветерка. Сердце радовалось, глядя на такую пшеницу. Отец потер в руках колос и говорит: «Поспела наша пшеничка, завтра начнем с утра жать». Не успели доехать обратно домой, как на горизонте показалась небольшая тучка. Поднялся ветер, тучка стала все расти и расти и превратилась в грозовую тучу. Повалил крупный-крупный град, стучал по крыше, выбивал в окнах стекла, покрыл сплошь всю землю. Наконец гроза прошла. Все мы с тревогой думали: «А что в поле, не задел ли град нашу пшеницу?»

Отец верхом на лошади поскакал в поле, вскоре вернулся и сам почернел лицом. Мы поняли: нет нашей пшеницы, град выбил всю. Оставшийся необрунный хлеб засыпал рано выпавший снег.

Чтобы уплатить за учение, отцу пришлось одолжить у своего брата 25 рублей. За это дядя увел к себе единственную дойную корову, кормилицу нашу, и оставил детей без молока. Был мешок пшеничной муки, мать берегла ее на лапшу для ребятишек. Забрал дядя и эту муку, хотя у него был полный амбар хлеба и во дворе восемь дойных коров.

Вот этого выдержать я больше не могла. Кое-как дотянула до конца учебного года. Закончила прогимназию с похвальным листом, но права быть учительницей прогимназия не давала.

В следующем году Нижнеудинская прогимназия реорганизовалась в 8-классную женскую гимназию, но я продолжить учение больше не могла. Когда приехала домой, ни мать, ни отец меня не упрекнули за потерянную по моей вине корову, а это было для меня еще больней. Только бабушка не раз, причитая, упрекала меня за корову.

Пережили и это. Подросли телки, и снова были дойные коровы, а ребятишки пили молоко.

Берусь снова за учебники, самостоятельно готовлюсь к сдаче экзаменов на звание сельской учительницы. Пошла работать практиканткой в Хаихтинскую школу бесплатно, чтобы овладевать педагогическим процессом занятий с ребятами, иногда полностью заменяла учителя в классе. В 1914 году успешно сдала экстерном экзамены и получила диплом на звание сельской учительницы.

Все, к чему стремилась с таким упорством, переживая материальные трудности, особенно переживая за родителей, — все позади. Какое это счастье — достичь желаемого, завоеванного таким трудом и настойчивостью! Я учительница, учительница! Какую большую радость испытала я тогда! А впереди школа, какая-то она будет, в каком селе? Как встретят меня ребятишки? Смогу ли я быть учительницей? Передо мною снова вставал образ моего первого учителя Михаила Ивановича. Я всегда буду советоваться с ним, буду много читать, учиться у опытных педагогов. <...>

ИОЦДНИ, л. 10—18.

Ф. Д. ОСТАНИН. [В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ И УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ]⁴⁴

⁴⁴ Автор родился (в 1899 г.) и вырос в переселенческом селе Сидорском Барнаульского уезда Томской губ. (ныне – Алтайский край). Окончив церковно-приходскую школу в родном селе, учился затем в 2-классном училище Министерства народного просвещения в соседнем с. Романовском. В 1916 г. поступил в Новониколаевскую учительскую семинарию. В 1919—1926 гг. работал учителем в сельской школе, инспектором-методистом РОНО, затем инженером. Подлинный машинописный

[Романовское двухклассное училище]

<...> Иван Степанович внешне не производил особого впечатления, но скоро стал всеобщим любимцем. Он преподавал русский язык, арифметику и геометрию. Уроки русского языка стали для нас наслаждением. И тут уместно сказать о том своеобразном стиле занятий, который определял весь строй школьной жизни. Обилие картин, наглядных пособий не только по истории, естествознанию, географии, элементарной физике, но и по русскому языку. Например, «Таблица коренных слов», то есть слов, которые полагалось писать только с буквой «ять». Их много, надо помнить наизусть, — ошибки на правописание буквы «ять» считались грубейшими... Вот таблица падежных окончаний существительных, а вот прилагательных, далее — числительных; все формы местоимений от личных до неопределенных. Наиболее трудные правила правописания глаголов.

Уроки русского языка Иван Степанович проводил примерно так: приходит в класс, в руках у него книжка — Н. В. Гоголь, избранные сочинения. Садится и начинает читать приезд сыновей Тараса из бursы домой. А читает, как артист: с мимикой, выражением, интонацией, жестами. Звонок — час пролетел незаметно. «Ну, ладно, продолжим в следующий раз», — обещает он. А в следующий раз приходит — та же книга в руках. Спрашивает: «Ну как, продолжим?» — «Продолжим», — хором отвечаем мы. «Ну, а запомнили вы хоть что-нибудь из того, что мы прочитали?» — «Запомнили», — уверяем мы. «А ну-ка, давайте попробуем — кто как запомнил. Ну вот, например, Васичев!» Васичев, конечно, запомнил наиболее яркие моменты встречи, но получается кратко, сухо, нет подробностей. То же второй, третий.

Иван Степанович сокрушенно делает вывод: слабо запомнили. А ведь дальше — еще интереснее. Тарас поедет с сыновьями в Запорожскую Сечь, там его будут встречать, потом будут выбирать кошевого, потом война с Польшей, потом Тараса поляки сожгут. Интерес нам взвинчен до предела.

А Иван Степанович говорит, что если мы будем читать и дальше так запоминать, так время тратить не стоит. И предлагает: чтобы лучше запомнить — записать прочитанное в тетрадях под диктовку, если не всё, то хотя бы отдельные эпизоды, которые труднее запоминаются. Выходит к доске тот же Васичев, пишет первую фразу под диктовку учителя. У него, конечно, есть ошибки разных сортов. Коллективно выправляется с обоснованием правильного и неправильного, с выделением существительных, прилагательных и других частей речи, их правописание в данном случае. Получается кропотливое, довольно прозаическое занятие, а час проходит быстро.

В дальнейшем мы, конечно, чтение продолжаем слушать, но закрепление в памяти нового происходит по-иному. Я хочу этим отметить, что трудная грамматика русского языка того времени Иваном Степановичем проходила на материале литературных произведений. Так мы узнали и Тургенева с его «Записками охотника», Пушкина — с его стихами, Григоровича с его «Антоном Горемыкой», а Некрасов был нашим кумиром.

При школе была ученическая библиотека. Спрос на знакомых нам авторов был огромный. Кажется, пустяковый случай породил новую и очень приятную форму занятий языком и литературой. Как-то на уроке русского языка встретилось слово «тротуар». Для нас, деревенских ребят, слово это было, конечно, незнакомо. Учитель объяснил. И тут же предложил: если кому в книге встретится незнакомое слово — запишите его на листочек бумаги, и как только у нас накопятся такие слова, мы в один из субботних вечеров соберемся и все их разберем.

Слова накопились быстро и много. Субботний вечер состоялся, и каким же интересным он для нас оказался! Само по себе разъяснение «непонятных» слов, но и оказалось неизбежным касаться того, откуда оно взялось, из какой книги или произведения, но какому поводу употреблено. И стали такие субботы повторяться еженедельно. На одной из суббот сама собой возникла идея — издавать рукописный журнал «Первый шаг». До конца учебного года вышло два номера. Читались они тоже на субботах.

Словом, зима прошла удачно, интересно, с хорошим накоплением знаний. В нашем четвертом отделении было около 20 человек. Все были переведены в пятое. <...>

В нашем 5-м отделении было человек 15. Все намеревались учиться дальше. А где? Прежняя двухклассная школа давал все-таки солидный объем знаний. Оканчивая пятое отделение, ученик знал грамматику в объеме 1-й и 2-й части Некрасова, этимологию и синтаксис. Считалось недопустимым делать грамматические ошибки — несмотря на исключительные трудности прежней грамматики русского языка. Заканчивая синтаксис, мы должны были свободно пользоваться знаками препинания, вплоть до «точки с запятой» и «многоточия». Арифметику заканчивали задачами на «правило смешений» и сложными процентами. Геометрию — до стереометрии. Географию — не только физический обзор земного шара с совершенно свободной ориентировкой по карте и на глобусе, но и политическая география с элементами экономической. По естествознанию — ботаника и зоология, краткие сведения по физиологии человека в объеме учебника Утушкина. Отечественная история в объеме учебника Рождественского. Не говорю уже о многих разновидностях отдельных «предметов» по Закону Божию.

Значит, по подготовке и наличию знаний мы могли поступать в любое среднее учебное заведение того времени. А по экономическому и правовому положению мы могли делать

очень ограниченный выбор. Самыми доступными для нас были — это учительская семинария в Новониколаевске и фельдшерская школа, кажется, в Томске. На одном из субботних вечеров как-то возник такой разговор. Наш заведующий Фоменко В. Д. много и подробно рассказал об учительской семинарии. В семинарии не только обучали бесплатно, но еще и платили ученикам стипендию 15 рублей в месяц. Конечно же, все мы почти решили поступать после окончания школы в семинарию. <...>

Я часто вспоминал свою двухклассную школу в течение все своей жизни. Ее учителей: скромных, трудолюбивейших, честнейших людей. И всегда испытывал и испытываю огромную сыновнюю любовь и благодарность к ним. Вскоре мне пришлось самому стать учителем в период полной ломки всего старого, в том числе и школы. Более того, в ранней юности мне пришлось работа инспектором, методистом, организатором новой школы. Я не только видел, но и активно участвовал в разрушении старой школы и строительстве новой, от детсада до вуза. Признаюсь совершенно искренне, откровенно: я часто испытываю назойливые и чувствительные угрызения совести. С каким же усердием, достойным лучшего применения, мы громили старую школу! Именно громили, руководствуясь чрезвычайно простым и чрезвычайно упрощенно понятым принципом: все старое — громи!

Мы в порыве «революционного» усердия забыли, что эта старая школа создала ту самую культуру, не усвоив которой нельзя стать коммунистом, как говорил Ленин. Что эта самая школа дала народу высокообразованных специалистов, ученых, борцов за народное дело. Главная же ее заслуга, думаю, в том, что она умела дать прочные, фундаментальные знания по всем изучаемым предметам. <...>

Надо отметить ту святую, непоколебимую, детскую уверенность, которая мало чем отличается от такой же наивности, в том, что мы, разрушая старую школу «до основания», за один-два года, после выхода в свет программы ГУСа — подлинного, строго научного документа марксистско-ленинской педагогики, построим Единую, Трудовую, Политехническую школу! Точно так же, как хотели сразу же строить коммунизм путем организации первых сельскохозяйственных коммун, на основе прадедовской техники. В конце двадцатых годов по «инициативе» «обеспокоенных» за судьбу советской школы педагогов-«марксистов» с невозмутимым спокойствием была изгнана из педагогики «прожектерская» программа ГУСа. И советская педагогика снова была поставлена перед необходимостью «нового» поворота. А куда?!

Старое — охаено, разрушено, новое — не создано. <...> Огромное наследие научно-методического и педагогического опыта старой школы оказалось забытым. <...>

[Новониколаевская учительская семинария]

<...> Из расписания, висевшего в коридоре, мы узнали, что, кроме знакомых ... предметов, нам предстоит изучать церковнославянскую грамматику, черчение, рисование, пение и ручной труд, каждый день — шесть уроков. В первый день занятий каждый из приходивших по расписанию преподавателей знакомил со своим предметом, порядком занятий. По русскому языку мы должны всё снова повторить по грамматикам — этимологии и синтаксису, по новому для нас более полному учебнику автора Петрова. По арифметике — также более обширное и глубокое изучение курса, включая цепное правило и правила смещения. По истории, оказывается, после повторения русской истории мы должны начать изучение древней истории по учебнику Знойко. По географии — политическую географию в полной увязке с экономической и физической географией главнейших государств мира, с черчением контурных, схематических и подетальных карт в красках. По физике — физические явления и физические свойства тел, и только. По естествознанию — ботаника. <...> По Закону Божию отец Николай нам доложил, что мы должны повторить, тоже по более полному объему, священную историю Ветхого и Нового Завета и катехизис по учебнику епископа Филарета. По рисованию мы должны ... не только уметь нарисовать от руки прямые вертикальные и горизонтальные линии, правильные и неправильные кривые, но и с натуры призму, куб, пирамиду, шар, цилиндр, конус, а потом и комбинацию этих предметов с правильным расположением светотеней и в самом разнообразном их положении по отношению друг к другу.

Особенно меня удивило и доставило много хлопот черчение. Оказывается, мы должны всякую простую прямую или кривую линию, исполненную в карандаше, выполнить тушью: всё разнообразие пунктиров, кривых, окружностей и спиралей, сплошных и пунктирных, вплоть до эллипса и правильной конфигурации яйца. И сделать всё это нужно было инструментами, какими не только никогда не пользовался, но и никогда не видел. <...>

Признаюсь, много огорчений мне доставляло и постижении всех тонкостей пения. Казалось — нет ничего проще: взял и запел! Ан — нет. Конечно, просто начертить нотный стан, поставит ключ, но ты должен знать, как и где записать звук, каким размером, записать на слух все эти интервалы, гаммы мажорные и минорные, диезы и бемоли...! Казалось, сплошная «китайская грамота»! <...>

Но настоящим исчадием ада оказалась славянская грамматика; это было подлинным наказанием, проклятием «божьим». Как мы ее ненавидели! Зато ручной труд был буквально предметом отдыха. Он вносил какое-то освежение мозгам, переключая их совсем на иную работу. Было два вида труда: переплетное и столярное дело с хорошо оборудованной мастерской — по тем временам.

Знакомя нас с объемом и содержанием учебного материала по своим предметам,

преподаватели знакомили нас и с распорядком работы нашей семинарской библиотеки, где можно было по любому предмету получить пособие, справочник, карты и необходимую консультацию.

Рабочий (учебный) день наш строго укладывался в следующий режим: с 8 часов утра и до 12 — первые четыре урока. С 12 и до 2 — большая перемена, в течение которой мы все организованно шли под руководством дежурного преподавателя в общежитие на «полдник» (весьма легкая закуска, чай). К 2 часам снова были в семинарии, и с 2 до 4 — снова занятия. В 4 часа мы были уже в общежитии, пообедали. Около часа оставалось свободного собственного времени. К 6 часам мы снова все вместе организованно, с тем же дежурным преподавателем, шли в семинарию. Два часа вечернего занятия: подготовка уроков, совершенно свободные самостоятельные занятия.

Разумно-педагогический смысл этих занятий заключался том, что все занимались на виду у преподавателя, который изредка наведывался в тот или иной класс. К нашим услугам были настенные карты, пособия, мы могли тут же, в библиотеке, получить любую нужную книгу, пособие, а если нужно — получить необходимую консультацию у преподавателя.

В 8 вечера мы приходили домой (в общежитие-интернат), ужинали, пили чай. До 10 оставалось час-полтора личного свободного времени. И снова слышались музыка, пение — групповое и «сольное».

И вот тогда я заметил, что буквально все старшеклассники обязательно играли на каком-либо, и даже не на одном, музыкальном инструменте. Играли свободно по нотам, сходились свободно в дуэтах, трио, квартетах. Пели так же свободно, и по нотам, и без нот. Вот она что наделала, «китайская грамота», которая так пугала меня в начальные дни моего освоения учебных занятий. Мне становился понятным смысл фразы из «Правил для поступающих» в учительскую семинарию: «Неспособные к музыке и пению — не принимаются». Да! Это в скромной, невзрачной школе, готовившей учителей для деревни. И я сразу же задумался — какой же музыкальный инструмент мне избрать. Надо! Всякие инструменты музыкальные ... были в свободном пользовании воспитанников. Оказывается, духовой оркестр под управлением Миши Крылова, который играл на мандолине, гитаре, скрипке, а в духовом — на кларнете, регулярно тренировался, готовился к публичным выступлениям.

В 10 часов «отбой», все расходились по своим комнатам. Дежурный преподаватель обходит спальные комнаты, убеждается: всеми ли точно соблюден режим. Завтра в 6 часов он вручит звонок очередному дежурному из воспитанников, который возвестит назойливо и неприятно: «Подъем».

И снова — учебный рабочий день, такой же, как всегда, сложившийся годами, и казалось — навечно. Началась жизнь, о которой так долго и мучительно мечталось, и

которая казалась необыкновенной и недостижимой. Оказывается, всё просто: быстро привыкается к бытовой обстановке в условиях общежития, к товарищам, к учебной работе в классе, к преподавателям. В классе казалось всё так же, как и в обычной школе, и в то же время *не так*.

С нами обращались на «Вы», корректно, вежливо — по-взрослому. Преподаватели — все разные по возрасту, манере поведения в классе, даже по внешности; одни солидные, сияющие обилием звездочек в петлицах, свободно-независимые, уверенные в себе; другие скромно-застенчивые, и хотя тоже в «сияющих» мундирах, но с весьма скромным количеством и качеством звездочек в петлицах. Мы совершенно не разбирались в рангах, чинах и орденах наших воспитателей. Слышали только от наших старшеклассников, что математик Анищенко Степан Игнатьевич — самый заслуженный, старше по рангу даже директора, что у него много орденов и медалей. И характерно, что только этот гениальный преподаватель всегда и неизменно являлся в класс в обычном своем поношенном темно-сером костюме. В форме и при всех регалиях мы видели его только на торжественном молебне перед началом года.

Мы уже знали, что это любимец всех воспитанников. И действительно, этот учитель достоин был большого уважения и любви со стороны своих учеников. Его уроки с первой же минуты приобретали какую-то особую всеобщую деловитость — работали все неизбежно и заинтересованно, а он сам больше всех, энергично, с подъемом, свойственным только ему. Он излагал суть дела, своей подвижностью и энергичной жестикуляцией придавая всему зримую, осязаемую иллюстративность. И самое удивительное, что он никогда не был однообразен, шаблонен. Он обычно не шутил, не балагурил, не острил, а скучно не было. Но зато когда он вдруг «срывался» на остроту — класс взрывался смехом бурно и искренно. А он в это время смотрел на нас с едва заметной усмешкой в глазах и, не то удивляясь, не то недоумевая, произносил: «Хе, смешно?» Мол, и смеяться-то не над чем, а они смеются.

А вот преподаватель иного стиля — Леонид Лаврентьевич Степанов, учитель языка и литературы, прозванный воспитанниками Мопсом. Кличка, очевидно, была обусловлена внешностью, чрезвычайно отдаленно, с большой долей воображения напоминающей этого благородного представителя собачьего рода. <...> Плотный, солидный, с лукаво-насмешливыми глазами, казалось, всегда неизменно одного настроения, свободный и независимый, всех и всё исследующий и чего-то ожидающий. Его многие уважали, даже любили, а многие ненавидели. <...> Все клички и прозвища, какие носили многие из воспитанников, — все были даны Мопсом в процессе, так сказать, педагогического общения. <...> При всем этом и несмотря на свои артистические замашки — это был очень эрудированный преподаватель, умеющий дать ученикам солидные и прочные знания. На

любых своих уроках он привлекал огромный и, как правило, очень интересный материал. С ним никогда не было скучно, не было казенно-напряженной обстановки.

И уж особо и с большим удовольствием хочется рассказать о нашем всеобщем любимце — об отце Николае Редькине. Да, законоучитель, поп, отец Николай был всеобщим любимцем семинарии! Высок, строен, худощав, с пышной кудрявой шапкой рыжеватых волос, с постоянной едва заметной сдержанной улыбкой, простой, естественный в обращении с нами — он сразу располагал к себе, вызывал симпатию и уважение. <...>

Приходил в класс, открывал журнал, спрашивал: «Все присутствуют?» — «Все, отец Николай», — отвечаем хором. «Ну, что там у нас было?» — «Выход евреев из Египта», — отвечаем. И вот как-то само собой, непроизвольно, будто бы и на тему урока, а на самом деле нет — начинается живой и интересный разговор. Дальше — больше, и от «священной истории» в нашей беседе не остается никакого следа. Звонок возвращает нас к уроку. «Ну, вот, проболтали время, а на долю Закона Божия ничего не осталось! Ну ладно, возьмите следующие две главы». Урок «Закона Божия» закончился.

Но чаще всего бывало так. После обычного вопроса «все ли присутствуют?» и «что там у нас было?», он вдруг спрашивал: «У кого из вас книжка хорошая есть?» — «У меня Тургенев, отец Николай!» — кричит один. «У меня Мельников-Печерский», — сообщал другой. «У меня Леонид Андреев», — предлагал третий. «У меня Чехов, отец Николай!» — «А-а, Чехов. Ну-ка, давайте сюда Чехова!» Полистал томик Чехова. «Лошадиная фамилия», — объявлял он серьезно и начинал читать. Читал он прекрасно, без особого и, как часто бывает, нарочито подчеркнутого артистизма, выразительно, спокойно, естественно. И снова звонок, на сей раз противно-назойливый, нарушал наше очарование и возвращал в классную реальность. Я убежден, что никто из преподавателей, в том числе языка и литературы, не пробудил такой любви у нас к нашей литературе, не научил так любовно и нежно пользоваться ею, как этот «законоучитель, поп» отец Николай.

Но вот закончилась четверть учебного года. Приходит отец Николай на очередной урок Закона Божия. И после своего вопроса «все ли присутствуют?», объявляет: «Ну вот, братцы, кончилась четверть, надо отчитываться, итоги наши подводить». Мы в ожидании: действительно, как подводить «итоги», какие? Отец Николай смотрит в журнал и говорит: «Вот давайте-ка попробуем все вместе выставить отметки всем вам — честно, по совести. Ну вот, скажем, сколько можно поставить Аверину Степану?» Аверин Степан — первый по алфавиту в журнале. «Тройку, отец Николай!» — «Верно, я тоже так думаю, достаточно троечки. А Алендееву?» — «Четыре, отец Николай!» — «Правильно, есть у парня расположение к Закону Божию. Ну, а Беломытцеву Петру?» — Тоже тройку, отец Николай!» — «Согласен, быть по сему — тройка. А Дудину Дмитрию?» — «О-о, этому пять, отец

Николай!» — «Конечно, меньше никак нельзя, пять, значит». И так всем по порядку выставляются отметки — честно и по совести, на широко демократической основе. Итоги за первую четверть «подведены», а следующая четверть начинается точно так же чтением художественной литературы. Оказывается, и в старших классах то же самое, только разговоры более обстоятельные и на более серьезные темы. <...>

Митьша Бурлаков рассказал как-то, как они, старшеклассники, искушали его насчет религии. Ему на уроке задали вопрос «Правда ли, отец Николай, что когда поют “Иже херувимы”, святые дары переносятся с жертвенника на престол, в это время вино и хлеб, предназначенные для причащения, превращаются в подлинную кровь и тело Христа?» Конечно, в царское время в таком учебном заведении, как учительская семинария, [чтобы] задать такой вопрос законоучителю-священнику, нужна была не только большая смелость, но и такая же уверенность в порядочности законоучителя. Поп ответил спокойно и просто: «Знаете, ребята, когда совершаешь богослужение, совершаешь это, как обычную свою работу — отвлекаешься от всего и ни о чем подобном не думаешь. Но когда остановишь себя вот на такой мысли, просто смешно становится». — «Больше, — говорит Митьша, — мы его не искушали». <...>

Необходимо сказать несколько слов о так называемом «ручном труде» и о столярной мастерской, которая была организована при семинарии. Это — две небольшие комнаты, обставлены верстаками, набором инструментов в шкафах и шкафчиках, на полках, с необходимым запасом материалов, сложенных аккуратными «пакетами» под самым потолком на специальных стеллажах. <...> Переплетное дело осваивали буквально все и в совершенстве. Дело это несложное, но требует большой аккуратности и терпения. По деревообработке — каждый мог сделать чисто, красиво столярные поделки, начиная от полочек, подставок, вешалок, и до табуретки, стула, стола. Попутно осваивался процесс окраски, лакировки, полировки. Особо прилежные любители этого дела достигали в нем большого мастерства. <...>

Казалось бы, что для деревни царской России готовились очень неплохие кадры для школы, упускалась из виду только одна «небольшая деталь»: ни одна школа даже в богатых крупных селах, как, например, и та Романовская, в которой я учился, не располагала даже минимальными возможностями для занятий такими видами труда, как переплетное дело и деревообработка. Да и в городских начальных школах едва ли были какие-либо возможности для таких занятий.

Ну, а что же представляли из себя мы — учащиеся, контингент этого учебного заведения?

За первые четыре-пять месяцев учебы и совместной жизни в общежитии мы уже

достаточно хорошо знали друг друга. Знали не только — кто откуда, но и характеры, склонности и таланты друг друга. В основном это всё были «братья мои мужики» — продукт деревни. Правда, в нашем классе около одной трети были местные жители, как правило, дети рабочих-железнодорожников, мелких ремесленников и кустарей или, как мой родственник и товарищ Трунов, дети бывших крестьян, а теперь в городских условиях — извозчиков. Даже дети деревенских купцов были редкостью. И это вполне понятно — ведь только в этом учебном заведении мог получить кое-какое образование тот, кто не только не мог оплатить его, но и сам часто нуждался в материальной помощи. Большой приманкой была стипендия в 15 руб.

Ежегодные конкурсы были огромны: в пределах трехсот и более человек, а принималось, как правило, два десятка с небольшим. О каком «призвании», «профотборе» могла быть речь? Величайшим счастьем и удачей жизни считали все поступление в семинарию, а предстоящая работа в школе представлялась как достижение заветного идеала. Ведь иного-то выбора не было и нет! И, может быть, эти два десятка отобранных счастливых — из трехсот — потому и отличались искренним, настойчивым желанием учиться во что бы то ни стало при любых условиях, достаточной силой воли и, как правило, хорошими способностями и даже одаренностью. Поэтому мы не знали лентяев, отстающих, разгильдяев-бездельников. Конечно, не все работали с одинаковой интенсивностью и с одним и тем же эффектом.

Выявились сразу же увлечения и таланты. Определилась группа математиков, таких, как белорус со станции Мошково Левшук Афанасий, местный железнодорожник Ваня Терпугов и другие. Нашлись биологи и географы. Но особенно многочисленной оказалась группа «литераторов»: увлекались художественной литературой буквально все, но очень многим хотелось писать самим, и особенно стихи. И не какие-нибудь, а обязательно современные, модные. <...> Но единственным и непревзойденным художником у нас оказался пока только Ефрем Трунов. Я старался ему подражать — тянулся изо всех сил.

Оказывается, когда мы ближе узнали своих старших товарищей, — а сближение это было очень простым, естественно-доступным — что в их классах буквально то же самое «расслоение» талантов: есть свои математики, физики, но больше всего «литераторов» — тоже поэтов. <...> И в первом классе так же, как у нас — нашелся только единственный и настоящий художник, который «писал маслом» свои картины. Это был маленький, сухонький, остроносенький мальчуган со станции Шипуново, исключительной подвижности, живости, жизнерадостности и энергии — Андрюша Сухно. <...>

Когда я впервые увидел его за работой — я был поражен! [Глядя] в окно общежития [из] своей комнаты, он рисовал с натуры «кусочек» двора, зимний пейзаж — несколько домиков

с большими тополями около них. У него уже был почти настоящий мольберт, этюдник — ящичек с тюбиками красок и большим набором кистей разных размеров. Художник был явно увлечен, не обращая ни малейшего внимания на разноголосую обычную музыку, веселый смех и говор окружающих. Зажав язык в левом углу губ, он самозабвенно творил!

«Боже мой, Андрюша! До чего здорово. Ты посмотри — ведь в точности все так, все похоже! Сучки, ветки тополей — ну как настоящие!» — восторгался я, рассматривая картину. Художник немедленно реагировал на похвалу своим гогочущим смехом... Однако эта реакция не нарушала прилива вдохновения — художник продолжал писать. И сколько я помню его за все время совместного проживания в общежитии, я всегда и неизменно видел его за мольбертом, рисуящим новую «вещь». Это была стихийная, несознаваемая буйная страсть творчества.

Сейчас я с чувством величайшей радости и с благоговением вспоминаю, насколько плотно, разумно и продуктивно было заполнено все наше время! Казалось, невозможно было выделить так называемый «досуг», и мы его не выделяли, и вместе с тем все-таки отдыхали, сами не замечая того, когда и как это происходило.

*Институт истории Сибирского отделения Российской Академии наук,
сектор истории культуры, коллекция воспоминаний,
п. 118, гл. 1, л. 29—33, 38—39; гл. 3, л. 13—26.*

СТАТИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ⁴⁵

1. Развитие сети начальных училищ в Сибири в конце XIX – начале XX вв.*

Показатель состояния школьной сети	1894 г.		1911 г.	
	В целом по Сибири	В т. ч. в селениях	В целом по Сибири	В т. ч. в селениях
Кол-во официальных школ, абс.	2124	1908	5397	4848
Кол-во учащихся, абс.,	63 749	51 220	268 183	223 137
В т. ч.: мальчиков	48 205	40 572	186 715	161 617
девочек	15 544	10 648	81 468	61 520
Доля девочек среди учащихся, %	24,4	20,8	30,4	27,6
Число учащихся, приходившихся на 1				

⁴⁵ Таблицы 1 и 4 впервые опубликованы: *Зверев В. А.* Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1988. С. 67, 70. Таблица 1 дополнена, цифры в таблице 4 уточнены. Таблица 3 впервые опубликована: *Зверева К. Е.* Грамотность крестьянства Западной Сибири в период капитализма // *Образ жизни сибирского крестьянства периода разложения феодализма и развития капитализма.* Новосибирск, 1983. С. 117. Таблица 2 публикуется впервые. При ее анализе следует учитывать, что «специальные» предметы в официальных начальных школах изучаемого периода — суть предметы не обязательные, их следовало преподавать «по мере возможности». В качестве обязательных во всех школах вводился Закон Божий, церковно-славянская грамота, русский язык, арифметика, чистописание. Программа 2-классных училищ Министерства народного просвещения включала также изучение основ истории, географии и естествознания.

школу	30	27	50	46
Кол-во жителей, приходившихся на 1 школу**	2781	2850	1875	2034
Доля учащихся среди детей школьного возраста, %***	8,0	6,9	19,6	16,5

* Подсчитано по источникам: Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 г. Пг., 1916. Вып. 16. С. 22, 54, 56. Данные относятся к территории Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской, Семипалатинской, Забайкальской и Якутской областей. В качестве учащихся учтены лица, внесенные в классные журналы.

** Рассчитано относительно численности населения на 1 января 1894 и 1911 гг. См.: Отчет Медицинского департамента МВД за 1893—1895 гг. СПб., 1898. Ч. 1. С. 126—277; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1910 г. СПб., 1912. С. 66—67, 91—94.

*** Рассчитано с учетом возрастной структуры населения, зафиксированной в 1897 г. См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904—1905. Т. 73. С. 8—9; Т. 74. С. 8—9; Т. 75. С. 8—9; Т. 78. С. 12—13; Т. 79. С. 12—13; Т. 81. С. 8—9. Школьным считается возраст у мальчиков от 7 до 14, у девочек — от 7 до 12 лет.

2. Количество сельских начальных училищ, в которых преподавались специальные предметы (1911 г.)*

Регион	Церковное пение	Рукоделие	Гимнастика и военный строй	Рисование и черчение	Ремесло	Огородничество, садоводство и пчеловодство
Западная Сибирь	$\frac{1355}{43,8}$	$\frac{390}{12,6}$	$\frac{282}{9,1}$	$\frac{119}{3,8}$	$\frac{33}{1,1}$	$\frac{24}{0,8}$ **
Восточная Сибирь	$\frac{663}{37,8}$	$\frac{234}{13,4}$	$\frac{302}{17,2}$	$\frac{309}{17,6}$	$\frac{21}{1,2}$	$\frac{16}{0,9}$
Сибирь в целом	$\frac{2018}{41,6}$	$\frac{624}{12,9}$	$\frac{584}{12,0}$	$\frac{428}{8,8}$	$\frac{54}{1,1}$	$\frac{40}{0,8}$
Российская империя	$\frac{42194}{47,0}$	$\frac{12498}{13,9}$	$\frac{12331}{13,7}$	$\frac{7858}{8,8}$	$\frac{1114}{1,2}$	$\frac{2771}{3,1}$

* Подсчитано по источнику: Однодневная перепись... Вып. 16. С. 29. В числителе – абсолютное количество, в знаменателе — доля в общем числе училищ, %. Данные относятся к территории Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской, Семипалатинской, Забайкальской и Якутской областей.

** Согласно тому же источнику, в 28 начальных школах Западно-Сибирского учебного округа «учащимся даются некоторые практические сведения по сельскому хозяйству, садоводству, огородничеству и пчеловодству». Таких школ было 5 в Акмолинской обл., 13 – в Тобольской губ. и 10 – в Томской. См.: Однодневная перепись... 1914. Вып. 12. Ч. 1. С. 26.

3. Уровень грамотности населения в различных регионах России в 1897 г.*

Регион	Кол-во грамотных, %	Число грамотных на 100 хоз-в	Грамотных женщин на 100
--------	---------------------	------------------------------	-------------------------

	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	грамотных мужчин
Тобольская губ.	17,7	5,0	11,3	46	13	59	29
в т. ч. в селениях	15,7	3,6	9,6	41	10	51	24
Томская губ.	16,5	4,3	10,4	47	12	59	26
в т. ч. в селениях	14,4	2,8	8,6	41	8	49	19
Акмолинская обл.	15,6	4,7	10,3	47	13	60	28
в т. ч. в селениях	12,1	2,3	7,4	36	6	42	17
Енисейская губ.	20,0	6,8	13,7	58	18	76	31
в т. ч. в селениях	16,4	4,2	10,6	48	11	59	28
Иркутская губ.	21,8	7,6	15,2	65	20	85	30
в т. ч. в селениях	17,8	3,7	11,2	52	10	63	18
Забайкальская обл.	22,5	3,8	13,4	67	11	78	16
в т. ч. в селениях	20,6	2,5	11,6	61	7	68	12
В целом по Сибири	18,3	5,0	11,7	52	14	66	27
в т. ч. в селениях	15,7	3,1	9,5	44	9	53	19
Европейская Россия	32,6	13,6	22,9	92	40	132	44
в т. ч. в селениях	28,5	10,3	19,1	79	30	109	38
Российская империя	29,3	13,1	21,1	83	37	120	45
в т. ч. в селениях	25,2	9,8	17,4	71	28	99	40

* Подсчитано по данным: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 16, 24, 32, 39, 47, 55.

4. Количество грамотного населения в Сибири в 1897 г.*

Уровень образования	По Сибири в целом	В селениях	В т. ч. среди «лиц сельского состояния»		
			мужчин	женщин	всего
Начальное	<u>634328</u>	<u>491731</u>	<u>323308</u>	<u>55030</u>	<u>378338</u>
	1093,7	919,6	1572,3	262,5	910,9
Среднее	<u>41211</u>	<u>12216</u>	<u>1244</u>	<u>628</u>	<u>1872</u>
	71,1	22,9	6,0	3,0	4,5
Высшее	<u>3251</u>	<u>658</u>	<u>65</u>	<u>6</u>	<u>71</u>
	5,6	1,2	0,3	0,0	0,2
Итого:	<u>678790</u>	<u>504605</u>	<u>324617</u>	<u>55664</u>	<u>380281</u>
	1170,4	943,7	1578,6	265,5	915,6

* Подсчитано по источнику: Первая Всеобщая перепись... Т. 73. С. 32—35; Т. 74. С. 36—39; Т. 75. С. 34—37; Т. 78. С. 50—53; Т. 79. С. 44—47; Т. 81. С. 32—35. В числителе — количество грамотных (учившихся в учебных заведениях данного уровня); в знаменателе — доля грамотных в соответствующей категории населения, на каждые 10 тыс. человек. Данные относятся к территории Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской и Забайкальской областей.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Какие современные проблемы развития общества вызывают повышение интереса к истории народной педагогики, воспроизводства поколений, социализации личности в русской крестьянской и казачьей среде досоветского и доколхозного периодов?

2. Выделите по настоящей публикации и по библиографическому списку виды имеющихся письменных источников по теме воспроизводства поколений в русских селениях. Выясните их примерное соотношение в рекомендованном списке.

3. Охарактеризуйте публикуемые в настоящей книге исторические источники по следующим параметрам: а) происхождение (обстоятельств создания); б) степень полноты отражения в них народно-педагогических представлений и практики; в) степень их достоверности.

4. Используя материалы Всероссийской школьной переписи 1911 г., выясните количественное соотношение в Сибири и ее сельской местности начальных школ различного типа и разной ведомственной принадлежности.

5. По таблице 1 сравните состояние и динамику изменения школьной сети, а также уровень грамотности населения: а) по Сибирскому региону в целом; б) в сельской местности Сибири.

6. По публикуемым в данной книге материалам соотнесите ментальные представления крестьян о воспитании и обучении детей, практические реальные действия педагогического характера и результаты воспитательно-образовательных усилий.

7. Сконструируйте модель идеальных условий воспитания ребенка в крестьянской семье изучаемого периода, а также модель идеальных результатов воспитания мальчиков и девочек.

8. Сравните место и роль семьи, семейного домохозяйства в традиционной и современной системах подготовки новых поколений к трудовой жизни. Какие из достижений традиционной системы социализации детей и молодежи в семье можно использовать в современных условиях? Каким образом?

9. Чем отличались цели и смысл, содержание и средства воспитания, образования мальчиков и девочек в сельской среде?

10. От чего, по мнению самих сельчан и по вашему мнению, зависел тот или иной результат, успех или неудача воспитания?

11. Составьте календарь детских хозяйственных работ в сибирских селениях, дополнительно используя записи народного календаря (М. В. Бородкина, Г. С. Виноградов, Ф. К. Зобнин, А. А. Макаренко и др.).

12. Выделите нормы обычного народного права, которыми регулировались взаимоотношения между родителями и детьми, представителями старших и молодого поколения в сельской и волостной общинах. Воспользуйтесь записями крестьянского обычного права, сделанными М. В. Загоскиным, Н. А. Костровым, С. Л. Чудновским.

13. Выделите возрастные этапы социализации молодежи — ее «врастания» в экономические, социальные, цивилизационные структуры. Каким образом социализация сочеталась с индивидуализацией — формированием и развитием неповторимой человеческой личности?

14. Охарактеризуйте роль различных институтов и агентов воспитания, в т. ч. общины, родителей, бабушек и дедушек, старших детей, компаний сверстников и пр. Как эта роль менялась в изучаемый период?

15. В чем, по-вашему, заключались причины высокой заболеваемости и детской смертности в селениях Сибири дооктябрьского периода?

16. Какие традиции обращения с новорожденными детьми и грудными младенцами сохранились с конца XIX — начала XX вв. до сегодняшнего времени в семьях сибиряков? Для ответа составьте небольшой вопросник и опросите по нему несколько своих родственников и знакомых, имеющих детей. Результаты опроса запишите. Используйте также метод наблюдения.

17. Охарактеризуйте роль игры в воспитании и образовании сельских детей. Вспомните игры своего детства. Что общего было в играх сибиряков конца XIX — начала XX вв. и играх вашего детства, чем они отличались друг от друга?

18. Составьте каталог игр и забав, распространенных в селениях Сибири конца XIX — начала XX вв., используя наряду с публикуемыми здесь материалами описания В. П. Астафьева, Г. С. Виноградова, Б. Г. Герасимова, Н. П. Григоровского, Ф. К. Зобнина, Е. А. Покровского, А. М. Поповой, И. Г. Ростовцева и др. Сравните условия проведения и набор игр в то время и сейчас у деревенских и городских детей. Выводы изложите в виде небольшого сочинения.

19. Охарактеризуйте поощрения и наказания, использовавшиеся при воспитании детей в сельской среде.

20. Имелись ли у детей, подростков, молодежи свои праздники? Какова была роль представителей различных половозрастных групп в общесемейных, сельских и общенациональных, в т. ч. религиозных праздниках?

21. Каково было соотношение свободного и «рабочего» времен в различных возрастных группах молодежи и в разные сезоны года? Чем занимались дети и подростки в свободное время, осуществлялся ли при этом контроль взрослых?

22. Что менялось в системе физического развития и воспитании молодежи в сельской местности Сибири в предоктябрьскую эпоху? Что в этих изменениях вам кажется назревшим и прогрессивным, что — негативным и нежелательным?

23. Охарактеризуйте роль в развитии образования его различных институтов и агентов на селе — семьи и родителей, друзей по играм, неофициальной («домовой») и официально начальной школы, сельских интеллигентов, в т. ч. из среды ссыльных, а также печатной литературы и иных. Как проявлялся процесс начавшейся модернизации системы образования сельской молодежи в конце XIX — начале XX вв.?

24. Каковы были взаимоотношения сельских детей с окружающей их природой? Как природно-географические условия сказывались на содержании и результатах образовательно-воспитательного процесса?

25. Выделите причины распространения в сельской местности официальных школ, игравших в конце XIX — начале XX вв. уже главную роль при распространении грамотности и приобщении населения к чтению. Почему большинство детей не получало школьного образования, а те, что ходили в школу, чаще всего не оканчивали полного курса обучения?

26. Каковы были стимулы той части выпускников начальных сельских училищ, которые оканчивали полный курс, для продолжения обучения в неполных средних, специальных учебных заведениях и далее? От чего зависел характер получаемого дальнейшего образования?

27. Как сказывалось социальное разложение крестьянства, с одной стороны, и сохранение относительной целостности этого класса-сословия, с другой, на идеалах, средствах, содержании, результатах образовательно-воспитательного процесса? Что, по вашему мнению, преобладало — общие черты социализации молодежи у всех крестьян или различия в среде сельских пролетариев, бедноты, середняков, зажиточных предпринимателей, в торгово-ростовщической среде?

28. Сравнив список рекомендованных источников с источниковедческими работами (См.: Горюшкин Л. М. Источники по истории крестьянства и сельского хозяйства Сибири во 2-й половине XIX — начале XX вв. Новосибирск, 1988; Зверев В. А. Дети — отцам замена. Новосибирск, 1993. Гл. I), выделите воспоминания сибирских сельчан, не использовавшиеся до сих пор в исследованиях по аграрной истории Сибири и по истории воспроизводства сельского населения.

29. По списку рекомендуемой к изучению исследовательской литературы выделите ее основные группы: по научной специализации авторов; по тематическому (проблемному) принципу; по хронологическим периодам; по охватываемой территории; по видам публикаций — авторские и коллективные монографии, сборники статей, отдельные

статьи, учебные пособия; по объекту изучения (крестьянство, казачество, переселенцы, старообрядцы и прочие категории населения).

30. Составьте библиографию новейших исследований (60—90-х гг.) по этнопедагогике народов России, учтя и работы о Сибири по текущим указателям литературы.

31. Как оценивали состояние здоровья и физического развития подрастающих поколений в русских селениях Сибири медики и антропологи середины XIX — 1-й трети XX вв.? Какие достоинства и недостатки народного акушерства и педиатрии выделяли медицинские работники? Как соотносятся их выводы: а) с результатами наблюдений этнографов; б) со статистическими данными о заболеваемости и смертности населения?

32. По публикациям в периодическом сборнике «Сибирские вопросы» (СПб., 1905—1912) определите круг проблем народного здравоохранения и образования, активно обсуждавшихся общественностью Сибири в начале XX в. Проведите ту же работу по «Трудам местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Какие пути решения назревших проблем предлагали различные общественные силы?

33. По таблице 3 и опубликованным материалам Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. сравните уровень грамотности сельского населения Сибири с таковым у сельчан в других регионах — в Европейской России, Средней Азии, на Урале, Дальнем Востоке.

34. Проведите источниковедческий анализ опубликованных материалов переписей начальных школ Российской империи 1894 и 1911 гг.

35. Прочтите воспоминания людей, родившихся и выросших в сельской среде Сибири, в т. ч. опубликованные ранее мемуары и автобиографии Г. Д. Гребенщикова, В. В. Гределя, М. Е. Ефремова, Х. М. Лопарева, Е. П. Николаевой (См.: Мисюрев А. А. Легенды Горной Колывани. Барнаул, 1989), Г. Н. Потанина, И. Г. Ростовцева, М. Н. Рютина, И. И. Тачалова, А. Токарева, Н. М. Чукмалдина и др. Что общего вы находите в их рассказах о своем детстве? Чем различаются воспоминания выходцев из разных социально-классовых слоев и групп, сословий, местностей, конфессий, а также воспоминания, относящиеся к разному времени? Как на воспоминаниях о детстве отразилась последующая судьба мемуаристов?

36. Дайте источниковедческий анализ воспоминаний и очерков людей, непосредственно занимавшихся обучением сельских детей грамоте — Г. А. Вяткина, М. В. Загоскина, П. Н. Караваева, И. П. Коурова, В. Пономарева, А. М. Топорова, И. К. Чувашевой и др. Сопоставьте индивидуальные впечатления этих учителей с данными массовых обследований школьного дела, регулярных официальных отчетов ведомств и общественных

организаций, занимавшихся этим делом.

37. Сопоставьте воспоминания учителя А. М. Топорова и его бывшего ученика С. П. Титова. Покажите, как они дополняют и корректируют друг друга при характеристике «педагогического пространства» крестьянской жизни в с. Верх-Жилинском Косихинской волости Барнаульского уезда Томской (затем Алтайской) губернии.

38. По публикациям в сборнике «Сибирская живая старина» (Иркутск, 1923—1929. Вып. 1—9) определите круг вопросов истории народной педагогики в Сибири, нашедших отражение в исследованиях Г. С. Виноградова и его учеников.

39. Охарактеризуйте различия в подходах к изучению истории воспроизводства поколений и традиций в русских селениях, проявляющиеся в современных исследованиях: а) по исторической этнологии (М. М. Громыко, Т. А. Бернштам и др.); б) по фольклористике (М. Н. Мельников); в) по исторической географии и демографии (В. В. Воробьев); г) по социальной истории (Н. А. Миненко, Б. Н. Миронов, И. В. Бестужев-Лада и др.); д) по истории педагогики (А. В. Ососков, Ф. Ф. Шамахов и др.). В чем заключаются сильные и слабые стороны таких специализированных подходов? Как может выглядеть системное и междисциплинарное исследование проблемы?

40. Составьте опросный лист, по которому можно выявить степень сохранности традиционных форм социализации молодежи в русской деревенской среде и изменения, происшедшие под влиянием развития капитализма, Первой мировой и Гражданской войн, мероприятий советского периода в диапазоне памяти представителей еще живущих и недавно умерших поколений. Проведите беседы по этому вопроснику с 2—3 пожилыми респондентами. Данные беседы запишите. Соберите и приведите в порядок все имеющиеся в вашей семье и у родственников старые документы, письма, фотографии и другие материалы о прежних и нынешних поколениях членов семьи. Создайте семейный архив. Помогите сделать то же самое вашим знакомым.

41. Запишите на бумагу, магнитофонную или видеопленку и подготовьте для хранения в семейном архиве, в необходимых случаях — для публикации воспоминания членов семьи об истории вашего рода. Особую ценность представят собственноручно написанные мемуары.

ЛИТЕРАТУРА

О ВОСПРОИЗВОДСТВЕ ПОКОЛЕНИИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ТРАДИЦИЙ В РУССКИХ СЕЛЕНИЯХ (СЕРЕДИНА XIX — 1-я ТРЕТЬ XX вв.)

1. Исторические, краеведческие, этнологические и историко-педагогические источники

Анастасиев А. И. Народная школа: Руководство для учителей и учительниц начальных народных училищ: Настол. справ. кн. 9-е изд. М., 1913. Ч. 1. 599 с. разд. паг.; Ч. 2. 575 с. разд. паг.

Андреев Н. Начальные школы в Сибири (по данным школьной переписи 18 янв. 1911 г.) // Русская школа. 1915. № 2. С. 45—60.

Антология педагогической мысли России второй половины XIX — начала XX вв. / Сост. П. А. Лебедев. М., 1990. 608 с.

Арканов С. К антропологии сибирячки: (Половая жизнь) // Сибирский врач (Томск). 1917. 20 нояб. С. 213—215.

Астафьев В. П. Последний поклон: Повесть. Изд. доп. и испр. Красноярск, 1994. Т. 1. 382 с.; Т. 2. 431 с.

Белов В. И. Лад: Очерки о народной эстетике // Избр. произв.: В 3 т. М., 1984. Т. 3. С. 3—326.

Бородкина М. В. Деревня Иткара Томского края: Хоз.-быт. очерки. Томск, 1927. 23 с.

Бухтарминские старообрядцы: Сб. статей / Ред. С. И. Руденко. Л., 1930. 460 с. (Материалы Комиссии экспедиц. исследований АН СССР. Сер. казахстанская. Вып. 17).

Ваганов Н. А. Учебная часть на Алтае. Б. м., б. г. 39 с.

Ваганов Н. А. Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского окр. СПб., 1884. 205 с.

Васильцова З. П. Мудрые заповеди народной педагогики: (Заметки журналиста). 2-е изд., доп. М., 1988. 158 с.

Виноградов Г. С. Детская сатирическая лирика // Сибирская живая старина. Иркутск, 1925. Вып 3/4. С. 65—108.

Виноградов Г. С. Детские тайные языки: Краткий очерк // Сибирская живая старина. Иркутск, 1926. Вып. 6. С. 87—112.

Виноградов Г. С. Детский народный календарь: (Из очерков по детской этнографии) // Сибирская живая старина. Иркутск, 1924. Вып. 2. С. 55—86.

Виноградов Г. С. Русский детский фольклор. Иркутск, 1930. Кн. 1. IX, 234 с.

Виноградов Г. С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилото населения

Сибири: (Материалы по народной медицине и ветеринарии) // Живая старина. 1915. Вып. 4. С. 325—432.

Виноградов П. Т. Краткий очерк народного образования в Томской губ. в 1910 г. Томск, 1912. 23 с.

Виноградов П. Т. Очерк положения начального образования в Томской губ. в 1908 г. // Памятная книжка Томской губ. на 1910 г. Томск, 1910. С. 121—152.

Вопросы народного образования среди старообрядцев. М., 1909. VI, 203 с.

Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1904 г. СПб., 1905. 251 с.

То же за 1905—1914 гг. СПб.; Пг., 1907—1916.

Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по Ведомству православного исповедания за 1884 г. СПб., 1886. X, 472 с.

То же за 1885—1914 гг. СПб.; Пг., 1887—1916.

Вяткин Г. А. Открытыми глазами. Омск, 1985. 224 с.

Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы: Краткий ист.-этногр. очерк // Записки Семипалатинского подотд. Западно-Сибирского отд. Русского Географического общества. Семипалатинск, 1911. Вып. 5. С. 1—115.

Голубев П. А. Народное образование // Алтай: Ист.-стат. сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного окр. Томск, 1890. С. 236—298.

Городцов П. А. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея, 1915. Тобольск, 1916. Вып. 26. С. 1—65 (4-я паг.).

Гребенищikov Г. Д. [Автобиография] // Клейнборт Л. М. Очерки народной литературы (1880—1923 гг.). Л., 1924. С. 150—154.

Гребенищikov Г. Д. Егоркина жизнь: Главы из повести // Сибирские огни. 1984. № 12. С. 72—110.

Гребенищikov Г. Д. Чураевы. Иркутск, 1982. 432 с.

Гредель В. В. Страницы юности: (Воспоминания) // Сибирские огни. 1974. № 8. С. 142—155.

Григоровский Н. П. Крестьяне-старожилы Нарымского края // Записки Западно-Сибирского отд. Русского Географического общества. Омск, 1879. № 1. С. 1—28.

Григорьев В. Ю. Условия школьного образования и грамотность населения // Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. М., 1890. Т. 2. Вып. 2. С. 191—246; Иркутск, 1892. Т. 2. Вып. 6. С. 21—33.

Губанов Ф. Безграмотный // Русский мир (СПб.). 1860. 12 окт. С. 245—258.

Дмитриев А. А. Писатель-самоучка Александр Никифорович Зырянов. Казань, 1885. 17

с.

Д. Ю. К. Наша школа // Сибирские записки. 1917. № 1. С. 109—132.

Ежегодник внешкольного образования / Под ред. В. И. Чарнолуцкого. М., 1907. Вып. 1. 312 с. разд. паг.; СПб., 1910. Вып. 2. VIII, 452 с.

Ефимов А. И. Народная школа в Томской губ. // Сибирская газета (Томск). 1883. 22 мая. С. 547—552.

Ефремов М. Е. Моя жизнь. Барнаул, 1950. 100 с.

Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1861—1917.

Загоскин М. В. Магистр: Роман, рассказы, очерки, статьи. Иркутск, 1981. 348 с.

Загоскин М. В. Ответы на программу Императорского Русского Географического общества для собирания народных юридических обычаев. Иркутск, 1891. 161 с. разд. паг.

Зобнин Ф. К. Игры (в слободе Усть-Ницинской Тюменского окр.) // Живая старина. 1896. Вып. 3/4. С. 538—542.

Зобнин Ф. К. Из года в год: Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницинском Тюменского окр. // Живая старина. 1894. Вып. 1. С. 37—64.

Зобнин Ф. К. Усть-Ницинская слобода Тюменского уезда Тобольской губ. // Живая старина. 1898. Вып. 2. С. 125—157; Вып. 3/4. С. 320—328.

Иванов Л. И. Терентий Мальцев — народный академик: Документ. повесть. 2-е изд. Новосибирск, 1988. 270 с.

Ивановская Т. Дети в пословицах и поговорках русского народа // Вестник воспитания. 1908. Кн. 2. С. 112—162.

Игры народов СССР / Сост. Л. В. Былеева, В. М. Григорьев. М., 1985. 269 с.

Извлечения из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1886 г. СПб., 1891. 460 с. разд. паг.

То же за 1887—1903 гг. СПб., 1892—1904.

История дошкольной педагогики в России: Хрестоматия / Под ред. С. Ф. Егорова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1987. 431 с.

История советской дошкольной педагогики: Хрестоматия / Под ред.: М. Н. Колмаковой, В. И. Логиновой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988. 447 с.

Караваев П. Н. В дооктябрьские годы: На партийной работе, в тюрьме и ссылке. 2-е изд. М., 1953. 160 с.

Кокоулин К. К. Естественное движение населения в Киренском уезде Иркутской губ.: (Брачность. Рождаемость. Смертность.): Стат. материалы за 25 лет (1873—1897) // Известия Восточно-Сибирского отд. Русского Географического общества. 1903. Т. 34. № 2. С. 137—148.

Кокоулин К. К. Школы и грамотность в Киренском окр. Иркутской губ.: Памятная книжка. Иркутск, 1895. 73 с.

Колокольцева А. Наше старое // Советская Сибирь (Новосибирск). 1991. 22, 23, 24 окт.

Костров Н. А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губ. Томск, 1876. 121 с. разд. паг.

Коуров И. П. К вопросу «Что и как читает народ?» // Сборник Пермского земства. Пермь, 1888. № 18. С. 526—528; № 19. С. 558—565.

Крестьянский ребенок: материалы к его изучению: Сб. статей. М.; Л., 1929. 200 с.

Кривошапкин М. Ф. Енисейский окр. и его жизнь. СПб., 1865. V, 68 с.

Круковский М. Положение самовольцев в Западной Сибири (Томский р-н) // Известия [Южнорусской] Областной земской переселенческой организации (Полтава). 1911. 15 марта. С. 59—73.

Крутовский В. М. К материалам по вопросу о половой деятельности женщин Красноярского окр. // Отчет Общества врачей Енисейской губ. за 1892—1893 гг. Красноярск, 1893. С. 1—19.

Кудрявцев Е. Вопрос о школах грамотности в Енисейской губ. Красноярск, 1885. 20 с.

Куломзин А. Н. Потребности начального образования в Сибири: Всеподданнейший доклад по поездкам в Сибирь 1896—1897 гг. СПб., 1898. 143 с.

Культурное строительство в Сибири 1917—1941 гг.: Сб. документов. Новосибирск, 1979. 167 с.

Ларионов Ф. Ф. Семейная хроника: Материалы к истории культуры Западной Сибири. Шадринск, 1993. 63 с.

Латкин Н. В. Красноярский окр. Енисейской губ. СПб., 1890. 83 с. разд. паг.

Личков Л. С. Как и что читает народ в Восточной Сибири // Русская мысль. 1896. № 1. С. 33—46; № 2. С. 28—42.

Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губ. и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1896. 250 с. разд. паг.

Макаренко А. А. Материалы по народной медицине Ужурской волости Ачинского окр. Енисейской губ. СПб., 1897. 120 с. разд. паг.

Макаренко А. А. Сибирский народный календарь. [2-е изд.] Новосибирск, 1993. 167 с.

Мальцев Т. С. Раздумья о земле, о хлебе. М., 1985. 296 с.

Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1888. Вып. 1. 351 с.; 1889. Вып. 2. 149 с.; 1892. Вып. 17. 212 с.

Мисюрев А. А. Легенды Горной Колывани. 2-е изд. Барнаул, 1989. 294 с.

Молотилов А. Говор русского старожилого населения северной Барабы (Каинского

уезда Томской губ.): Материалы для сибирской диалектологии // Труды Томского общества изучения Сибири. Томск, 1913. Т. 2. Вып. 1. С. 33—219.

Начальное народное образование в России / Под ред. Г. А. Фальборка, В. И. Чарнолуцкого. СПб., 1900—1905. Т. 1—4.

Неклепаев И. Я. Поверья и обычаи Сургутского края: Этногр. очерк. Омск, 1903. 230 с.

Николин А. Деревня о себе // Сибирские огни. 1925. № 6. С. 167—186; 1926. № 1/2. С. 184—200.

Новоселов А. Е. Умиравшая старина: (К материалу по этнографии алтайских старообрядцев) // Записки Семипалатинского подотд. Западно-Сибирского отд. Русского Географического общества. Семипалатинск, 1915. Вып. 10. С. 190—225.

Обзор Томской губ. за 1881 г. Томск, 1882. 65 с.

То же за 1882—1914 гг. Томск, 1883—1916.

Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 янв. 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1905. Т. 1—2.

Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 янв. 1911 г. / Ред. В. И. Покровский. СПб.; Пг., 1914—1916. Вып. 1—16.

Осокин Г. М. На границе Монголии: Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья. СПб., 1906. 312 с. разд. паг.

Отчет Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губ. за 1901—1903 гг. Томск, 1904. 28 с.

То же за 1904—1915 гг. Томск, 1908—1916.

Отчет о деятельности Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губ. за 1900—1901 гг. Иркутск, 1902. 48 с.

То же за 1901—1904 гг. Иркутск, 1903—1905.

Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1901 г. Омск, 1902. Ч. 2 (гражд.). 127 с.

То же за 1902—1915 гг. Омск, 1903—1916.

Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Томской епархии за 1889/1890 учебный год. Томск, 1890. 37 с.

То же за 1890/1891—1902/1903 учебные годы. Томск, 1892—1905.

Отчет Томского епархиального училищного совета о состоянии церковных школ за 1898 гражданский год. Томск, 1899. 58 с. разд. паг.

Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа. Томск, 1890. 201 с.

То же на 1900, 1916 гг. Томск, 1900, 1916.

Пахоруков П. Заметки о школах в 9 округе Сибирского казачьего войска // Томские

губернские ведомости. 1864. 16 окт. Ч. неофиц. С. 278—281.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1904—1905. Т. 73—75, 78—79, 81.

Погребецкий И. М., Молодых И. А. Условия школьного образования и грамотность населения // Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1893. Т. 4. Вып. 2. С. 1—55.

Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогикой и гигиеной). 2-е изд., испр. и доп. М., 1895. VIII, 368 с.

Пономарев В. Вольные школы (1908—1917 гг.) // Иркутская ссылка: Сб. Иркутского землячества. М., 1934. С. 102—116.

Попов Т. Слобода Такмыцкая // Тобольские губернские ведомости. 18, 22, 29 янв.; 5, 12, 26 февр.; 16, 23 апр.

Попова А. М. Детские игры и забавы в сибирской деревне (с. Распутино Яндинской волости Балаганского уезда Иркутской губ.) // Сибирская живая старина. Иркутск, 1923. Вып. 1. С. 106—120.

Потанин Г. Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 22—327.

Потанин Г. Н. Полгода в Алтае // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 153—169.

Примерные программы предметов, преподаваемых в начальных народных училищах ведомства Министерства народного просвещения, с приложениями. 2-е изд. Томск, 1913. 374 с. разд. паг.

Приходько П. Т. К вопросу о приемах народной медицины в деревне Томского края // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 100—124.

Протоколы Томского уездного земского собрания: Очеред. сессия 16 ноября — 13 декабря 1917 г. Томск, 1918. 296 с.

Пругавин А. С. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. 2-е изд. СПб., 1904. XLVIII, 1096 с.

Р-ва. Из дневника окружной акушерки // Сибирь (Иркутск). 1886. 16 марта. С. 9—10; 1887. 31 мая. С. 8—9.

Р-ва. Что читает верхоленский крестьянин, как относится к литературе, его песни и пр. // Сибирский сборник. Иркутск, 1888. Вып. 3. С. 37—43.

Ростовцев И. Г. На краю света: Записки очевидца. М., 1985. 686 с.

Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые / Сост. Н. В.

Соболева при участии Н. А. Каргополова. Новосибирск, 1992. 304 с.

Рылова Е. П. Начальная школа в Алтайском окр. в 1894 г. // Алтайский сборник. Барнаул, 1898. Т. 3. С. 1—74.

Рютин М. Н. Автобиография // Рютин М. Н. На колени не встану. М., 1992. С. 50—63.

Сборник статистических сведений о заведениях закрытого призрения детей, в том числе сирот сельского населения. Пг., 1916. XVI, 368 с.

Сибирская школа: Ежемес. журнал. Красноярск, 1916—1917.

Сибирские церкви и школы Фонда им. Императора Александра III к 1 янв. 1897 г. СПб., 1897. 80 с.

То же к 1 янв. 1898—1904 гг. СПб., 1898—1904.

Собкевич А. И. К вопросу о физической крепости населения Сибири // Сибирский врач (Томск). 1916. 10 июля. С. 153—157.

Статистика Российской империи. СПб., 1907. Вып. 66. 281 с. разд. паг.; 1909. Вып. 70. XXIII, 277 с.; 1911. Вып. 74. XXI, 264 с.

Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. СПб., 1898—1903. Вып. 1—4.

Талько-Грынцевич Ю. Д. К вопросу об изучении физиологических явлений половой жизни женщин в Забайкалье. СПб., 1903. 44 с.

Талько-Грынцевич Ю. Д. Продолжительность жизни русского населения в Забайкалье, вычисленная на основе смертности в одиннадцати приходах за 23 года (1869—1891). М., 1898. 18 с.

Тачалов И. И. Мрачная повесть // Избр. соч. Новосибирск, 1937. С. 17—154.

Титов С. П. Два детства. М., 1965. 169 с.

Токарев А. Записки бывшего раскольника // Томские епархиальные ведомости: Отд. неофиц. 1891. 15 февр. С. 13—24; 1 марта. С. 13—21.

Топоров А. М. Я — учитель: (Воспоминания). М., 1980. 159 с.

Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903—1904. Т. 53—56.

Усов Ф. Н. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. 325, V с.

Фольклор казаков Сибири / Под общ. ред. Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1969. 364 с.

Фольклор семейских / Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский. Улан-Удэ, 1963. 672 с.

Хороводные и игровые песни Сибири / Сост.: Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников. Новосибирск, 1985. 246 с.

Хрестоматия по истории школы и педагогики в России (до Великой Октябрьской социалистической революции) / Сост. С. Ф. Егоров. 2-е изд., перераб. М., 1986. 432 с.

Чудновский С. Л. Очерки народного юридического быта Алтайского горного окр. // Русское богатство. 1894. № 7. С. 25—70; № 8. С. 185—200; № 9. С. 206—224; № 10. С. 190—216.

Чукмалдин Н. М. Записки о моей жизни. М., 1902. 197 с.

Школа и учительство Сибири, 20-е — начало 30-х гг.: Материалы по истории культуры и интеллигенции советской Сибири / Отв. ред. В. Л. Соскин. Новосибирск, 1978. 190 с.

Школдин П. Хозяйственно-статистическое описание Бурлинской волости // Журнал заседаний Московского общества сельского хозяйства. М., 1863. Кн. 1. С. 35—50.

Шольн Е. Г. Нужды сельскохозяйственной промышленности Енисейской губ. в сравнении с губерниями земскими. Красноярск, 1903. 24 с.

Шперк Ф. Ф. Верхоленский округ Иркутской губ. // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. Т. 1. С. 95—206.

Щапов А. П. Сибирские народные дети и их воспитание // А. П. Щапов в Иркутске: (Неизд. материалы). Иркутск, 1938. С. 1—68.

Щапов А. П. Физическое развитие верхоленского населения // Известия Сибирского отд. Русского Географического общества. Иркутск, 1876. Т. 7. № 2/3. С. 37—69.

Ядринцев Н. М. Переселенческие семьи и дети: (Из наблюдений над переселенческими партиями) // Путь-дорога: Науч.-лит. сборник. СПб., 1893. С. 60—70.

Ядринцев Н. М. Сельско-народное образование в Сибири // Сибирский сборник. М., 1891. Вып. 1. С. 138—165.

Яренский К. Церковные школы Томской епархии: (Очерк) // Сибирский сборник. Иркутск, 1901. Вып. 1. С. 143—175.

Ярхо А. И. Наблюдения над физическим развитием населения Русского Алтая // Северная Азия. 1925. Кн. 3. С. 51—74.

2. Исследовательская литература

Андреев В. М. Педагогическая деятельность ссыльных народников в Сибири (70—90-е гг. XIX в.) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). Иркутск, 1983. Вып. 8. С. 94—115.

Белявский А. К. Рождаемость, брачность и смертность г. Сретенска Забайкальской обл. с его окрестностями за время с 1640 по 1920 г. // Известия Общества врачей Южно-Уссурийского края. Владивосток, 1925. № 21. С. 662—672.

Березина Т. И. Трудовое воспитание в народной педагогике русских крестьян Сибири (1861—1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1991. 19 с.

Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX вв.:

Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. 278 с.

Бестужев-Лада И. В. История твоих родителей: Разговор с молодым поколением. М., 1988. 112 с.

Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР: (Историко-статистические очерки). М., 1964. 195 с.

Болонев Ф. Ф. О некоторых способах охраны здоровья у семейских Забайкалья в XIX — начале XX вв. // Известия Сибирского отд. Академии наук СССР: Сер. истории, филологии и философии. 1989. Вып. 2. С. 17—22.

Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII—XX вв. Новосибирск, 1994. 148 с.

Бочанова Г. А. Возникновение и деятельность ремесленных учебно-показательных мастерских в Сибири начала XX в. // Участие крестьянства в освоении восточных окраин России (конец XVII — начало XX вв.). Новосибирск, 1990. С. 92—115.

Бочанова Г. А. Вопросы трудового воспитания в начальных школах Сибири конца XIX — начала XX вв. // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск, 1987. С. 168—187.

Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: Сб. статей / Под ред. А. Г. Вишневого. М., 1977. 247 с.

Бревнова Н. Н., Шинджикашвили Д. И. Некоторые вопросы управления и деятельности учреждений культуры и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения царской России в период капитализма: Метод. пособие. Омск, 1988. 65 с.

Видченко А. Г. Проблемы семейного воспитания в истории советской педагогики (1917—1941 гг.): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Киев, 1987. 21 с.

Виноградов Г. С. Детский фольклор и быт: Программа наблюдений. Иркутск, 1925. 84 с.

Виноградов Г. С. Народная педагогика: (Отрывки и наброски) // Сибирская живая старина. Иркутск, 1926. Вып. 1(5). С. 1—28.

Виноградов Г. С. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири // Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского университета. Иркутск, 1923. Вып. 5. С. 261—345.

Виноградов Г. С. Этнография в курсе школьного краеведения // Вопросы новой школы: Сб. тр. Иркутского ун-та (пед. фак.). Иркутск, 1925. Вып. 9. С. 83—124.

Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М., 1982. 287 с.

Волков Г. Н. Педагогика жизни. Чебоксары, 1989. 335 с.

Волков Г. Н. Этнопедагогика. Чебоксары, 1974. 376 с.

Вольфсон Д. Сибирские воскресные школы. Томск, 1903. 235 с.

Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск, 1975. 260 с.

Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР / Борисов В. А., Киселева Г. П., Лукашук Ю. М., Синельников А. Б. М., 1987. 207 с.

Гедройц-Юраго В. П. Санитарно-статистический очерк 3-го участка Сибирского казачьего войска (1878—1887 гг.) // Протоколы Омского медицинского общества. Омск, 1890. № 8. С. 117—180.

Голованов В. М. Проблема демократизации народного образования в Сибири в последней трети XIX — начале XX вв. (до октября 1917 г.): Автореф дис. ... канд. пед. наук. М., 1979. 16 с.

Горьковская З. П. Роль трудовых сообществ в формировании традиций промысловой деятельности русских крестьян Сибири в период капитализма // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII — начале XX вв.: (Трудовые традиции крестьянства). Новосибирск, 1985. С. 150—159.

Григорьев В. М. Народные игры и традиции в России. М., 1991. 200 с.

Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991. 447 с.

Громыко М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // Советская этнография. 1984. № 5. С. 70—80.

Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. 278 с.

Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первой половины XIX вв.). Новосибирск, 1975. 351 с.

Громыко М. М., Кузнецов С. В., Буганов А. В. Православие в русской народной культуре: направление исследований: Программа сбора полевого этнографического материала по теме «Православие и русская народная культура» // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 60—84.

Дети и Октябрьская революция: Идеология советского школьника / Под ред. и с предисл. В. Н. Шульгина. М., 1928. 190 с.

Детский быт и фольклор: Сб. статей / Под ред. О. И. Капица. Л., 1930. Сб. 1. 70 с.

Ефимов А. И. Народность эстетического воспитания в наследии передовых русских педагогов второй половины XIX в. и просветителей народов России. Чебоксары, 1992. 85 с.

Ефимов А. И. Православное население Томской губ. по данным 1870—1880 гг.: Демогр. очерк. СПб., 1890. 51 с. разд. паг. (Временник ЦСК Министерства внутр. дел. № 17).

Жолудев Д. Г. Краткая история школ Красноярского края (до Великой Октябрьской

социалистической революции). Енисейск, 1961. 155 с.

Зверев В. А. Брачный возраст и количество детей у русских крестьян Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири (XVIII — начало XX вв.). Новосибирск, 1985. С. 73—88.

Зверев В. А. Дети — отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861—1917 гг.). Новосибирск, 1993. 245 с.

Зверев В. А. Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма (проблемы физического и социального возобновления): Учеб. пособие. Новосибирск, 1988. 88 с.

Зверев В. А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ): Учеб. пособие. Новосибирск, 1991. 146 с.

Зверева К. Е. Деревенская школа и нужды агротехнической подготовки крестьянства Сибири (конец XIX — начало XX вв.) // Земледельческое и промысловое освоение Сибири (XVII — начало XX вв.). Новосибирск, 1985. С. 131—142.

Зверева К. Е. Просвещение крестьянства Сибири в конце XIX — начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1988. 18 с.

Зверева К. Е. Советская историография проблемы просвещения крестьянства Сибири эпохи капитализма // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма: историография проблемы. Новосибирск, 1988. С. 171—190.

Зверева К. Е., Зверев В. А. Вклад русского крестьянства в развитие образовательного потенциала Сибири (1861—1914 гг.) // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1992. С. 85—104.

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. [2-е изд.] М., 1991. 511 с.

Зотова О. И., Новиков В. В., Шорохова Е. В. Особенности психологии крестьянства (прошлое и настоящее). М., 1983. 168 с.

История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. / Гл. ред.: А. П. Окладников, В. И. Шунков. Л., 1968. Т. 3. 530 с.; Т. 4. 501 с.

Капица О. И. Детский фольклор: песни, потешки, дразнилки, сказки, игры: изучение, соби́рание, обзор материала. Л., 1928. 222 с.

Кауфман А. А. К вопросу о культурной роли переселенцев в Сибири и их отношениях к сибирякам-старожилам // Путь-дорога: Науч.-лит. сборник. СПб., 1893. С. 513—530.

Козлов В. А. Культурная революция и крестьянство, 1921—1927 гг. М., 1983. 216 с.

Комарова Г. А. О понятии «этнопедагогика» в советской этнографической и педагогической науке // Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980. С. 202—212.

Кон И. С. Ребенок и общество: (Ист.-этногр. перспектива). М., 1988. 270 с.

Косых Е. Н. К истории внешкольного образования в сибирской деревне (август 1914 — февраль 1917 г.) // Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири. Томск, 1976. С. 65—75.

Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / Отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск, 1983. 399 с.

Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917—1937 гг.) / Отв. ред. Н. Я. Гущин. Новосибирск, 1983. 389 с.

Лебедева А. А. К истории формирования русского населения Забайкалья и его хозяйственного и семейного быта (XIX — начало XX вв.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 104—188.

Лебедева А. А. Семья и семейный быт русских Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. Ч. 2. С. 81—101.

Линьков А. И. Рост учебного дела в Восточной Сибири // Сибирский архив. 1912. № 7. С. 505—543.

Литвин Л. Н. Общественное дошкольное воспитание в РСФСР, 1917—1940 гг. Мурманск, 1992. 166 с.

Маляревский Г. Я. Очерк истории и современного состояния народного образования в Сибири. СПб., 1896. 85 с.

Мартынова А. Н. Отражение действительности в крестьянской колыбельной песне // Русский фольклор. М.; Л., 1975. Т. 15. С. 145—155.

Медведева Г. А. Становление и развитие общественного дошкольного воспитания в Российской Федерации с 1917 по 1932 гг. (по материалам Алтайского края): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1992. 16 с.

Медынский Е. Н. Внешкольное образование, его значение, организация и техника. 3-е изд., доп. и перераб. М., 1918. VIII, 322 с.

Мельников М. Н. Детский фольклор и проблемы народной педагогики // Сибирский фольклор. Новосибирск, 1971. Вып. 2. С. 78—99.

Мельников М. Н. Поиски сокровищ: Записки фольклориста. Новосибирск, 1985. 176 с.

Мельников М. Н. Русский детский фольклор: Учеб. пособие. М., 1987. 240 с.

Мельников М. Н. Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск, 1970. 218 с.

Мерхалев Д. Рождаемость за время войны и революции в Сибири // Сборник Сибирского статистического управления. Новониколаевск, 1922. Т. 2. С. 94—111. (Тр. Сибирского стат. упр. Вып. 7).

Миненко Н. А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в XVIII — первой половине XIX вв. Новосибирск, 1989. 160 с.

Миненко Н. А. Культура русских крестьян Зауралья, XVIII — первая половина XIX вв.

М., 1991. 224 с.

Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX вв.). Новосибирск, 1979. 350 с.

Миненко Н. А. Советские историки о грамотности русских крестьян Сибири в период феодализма // Изучение Сибири в советскую эпоху. Новосибирск, 1987. С. 105—116.

Мионов Б. Н. Семья: нужно ли оглядываться в прошлое? // В человеческом измерении. М., 1989. С. 226—246.

Мяло К. Оборванная нить: Крестьянская культура и культурная революция // Новый мир. 1988. № 8. С. 245—257.

Некрылова А. Ф., Головин В. В. Уроки воспитания сквозь призму истории: (Традиционные формы воспитания у русских крестьян в XIX — начале XX вв.). СПб., 1992. 32 с.

Нужды народного просвещения в Сибири // Народное образование. 1898. № 7. С. 3—55; № 8. С. 8—39.

Оглезнева Г. В. Культурная среда и формирование духовной культуры крестьян Восточной Сибири в период капитализма (1861—1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1989. 24 с.

Ососков А. В. Начальное образование в дореволюционной России (1861—1917 гг.): Учеб. пособие. М., 1982. 208 с.

Островская Л. В. Христианство в понимании русских крестьян пореформенной Сибири: (Народный вариант православия) // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII — начало XX вв.). Новосибирск, 1983. С. 135—150.

Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (вторая половина XIX в.) / Отв. ред. А. И. Пискунов. М., 1976. 600 с.

Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (конец XIX — начало XX вв.) / Отв. ред. Э. Д. Днепров. М., 1991. 448 с.

Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1917—1941 гг.) / Отв. ред.: Н. П. Кузин и др. М., 1980. 456 с.

Палопеженцев Н. И. Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии: (Ист.-стат. очерк) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1893. Вып. 1. С. 91—102 (отд. паг.); 1894. Вып. 2. С. 1—90 (отд. паг.); 1895. Вып. 3. С. 1—66 (отд. паг.).

Панчуков А. П. История начальной и средней школы Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1959. 512 с.

Попова А. М. Семейские: (Забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928. 36 с.

Практическая школьная энциклопедия: Настольная книга для народных учителей и других ближайших деятелей в области народного образования / Под общ. ред. Н. В. Тулупова, П. М. Шестакова. М., 1912. 819 с.

Русские: семейный и общественный быт / Отв. ред.: М. М. Громыко, Т. А. Листова. М., 1989. 336 с.

Русские старожилы Сибири: Ист.-антропол. очерк / Отв. ред. О. В. Бунак, И. М. Золотарев. М., 1973. 189 с.

Рыбников Н. А. Крестьянский ребенок: Очерки по педагогике крестьянского ребенка. М., 1930. 200 с.

Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX — XX вв.). Л., 1967. 280 с.

Слепцова И. С. Народные игры и использование их в воспитании // Русские народные традиции и современность. М., 1995. С. 54—71.

Соколовский П. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае. Харьков, 1914. 306 с.

Соловьева Е. И., Зверева К. Е. Образовательный уровень крестьян Сибири (конец XIX — начало XX вв.) // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в XVII — начале XX вв. Новосибирск, 1987. С. 78—89.

Сорокин М. Е. Сибирский корень: Ист.-этногр. очерки. Кемерово, 1992. 176 с.

Суханов И. В. Обычай, традиции и преемственность поколений. М., 1976. 216 с.

Третьяков Н. В. Начальные школы Сибирского казачьего войска в конце XIX в.: (Опыт ист.-стат. исследования). СПб., 1903. 159 с. разд. паг.

Турчанинов Н. В. Школьное дело за Уралом // Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 243—269.

Ушакова Л. А. Культурно-просветительская роль политических ссыльных народников в Сибири (70-е — середина 90-х гг. XIX в.). Новосибирск, 1986. 74 с.

Фальборк Г. А., Чарнолусский В. И. Начальное народное образование // Энциклопедический словарь. СПб., 1897. Т. 20а. Кн. 40. Стб. 728—770.

Федотов Н. П., Мендрин Г. И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975. 260 с.

Филиппов Ф. Р. От поколения к поколению: социальная подвижность. М., 1989. 239 с.

Христова Л. Е. Народная педагогика: историографические и теоретико-методологические проблемы: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1988. 20 с.

Шамахов Ф. Ф. Внешкольное образование в Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907—1917 гг.) // Ученые записки Томского гос.

педагогического института. Томск, 1962. Т. 20. Вып. 3. С. 67—88.

Шамахов Ф. Ф. Динамика развития общеобразовательной школы Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв.: (Анализ стат. данных) // Ученые записки Томского гос. педагогического института. Томск, 1955. Т. 13. С. 399—510.

Шамахов Ф. Ф. Народное образование в Западной Сибири в конце XIX — первые годы XX вв. // Ученые записки Томского гос. педагогического института. Томск, 1956. Т. 15. С. 3—103; 1957. Т. 16. С. 88—142.

Шамахов Ф. Ф. Общественно-педагогическое движение 60-х гг. и начальная школа Западной Сибири во второй половине XIX в. // Ученые записки Томского гос. педагогического института. Томск, 1955. Т. 14. С. 81—143; 1957. Т. 16. С. 53—87.

Шамахов Ф. Ф. Роль народной инициативы в борьбе за просвещение в дореволюционной Сибири // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861—1917 гг. Новосибирск, 1967. С. 99—106.

Шамахов Ф. Ф. Школа Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. Томск, 1957. 271 с.

Шамахов Ф. Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907—1917 гг.) Томск, 1966. 192 с.

Школа Сибири за 60 лет советской власти / Отв. ред. П. П. Костенков. Барнаул, 1982. 255 с.

Щербаков Н. Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907—1917 гг.). Иркутск, 1984. 244 с.

Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры / Отв. ред. К. В. Чистов. М., 1987. 557 с.

Юрцовский Н. С. Народное образование в Омской губ. (прошлое, настоящее и ближайшие перспективы) // Омская губерния: Здравоохранение. Народное образование. Омск, 1923. С. 41—104.

Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923. Вып. 1. 246, IV с.

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1892. 720 с.

Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861—1917. Princeton, 1986. XXII, 450 p.

Eklof B. Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture and Popular Pedagogy, 1861—1914. Berkeley; Los Angeles; London, 1986. 652 p.

The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research / Ed. by D. L. Ransen.

Urbana; Chicago; London, 1978. 650 p.

Worobec C. D. Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period.
Princeton, 1991. XIV, 258 p.

КРАСЕН ЧЕЛОВЕК УЧЕНЬЕМ

**Материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири
(конец XIX — начало XX вв.)**

Темплан 1995 г.

Редактор *Н. В. Иванова*

Технический редактор *О. А. Осинцева*

Сдано в набор 25.07.95 г. Подписано к печати 16.01.96 г. Формат бумаги 60x84/16.

Гарнитура литературная. Уч.-изд. л. 7,25. Усл. п. л. 6,74. Тираж 1000 экз.

Педуниверситет, Новосибирск, 126, Виллойская, 28.

ППО «Печать», 630007, Новосибирск, Красный проспект, 12.